

Кирилл Бенедиктов

Эльдорадо

Книга первая
ЗОЛОТО И КОКАИН

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бенедиков, К.
Б46 Эльдорадо. Книга первая: Золото и кокаин / Кирилл Бенедиков — М. : Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 272 с.

Далекий XVI век. Огнем и мечом испанские конкистадоры прокладывают себе дорогу через непроходимые дебри Южной Америки в поисках сказочной золотой страны — Эльдорадо. Туда, в неисследованные земли, стремятся воины и авантюристы, профессиональные наемники и обедневшие дворяне. Молодой идальго Диего Гарсия де Алькорон вовсе не хотел становиться одним из них: он собирался жениться на дочери судьи и сделать карьеру юриста. Но все меняется с появлением в его жизни таинственного серебряного амулета. На Диего начинают охоту безжалостные слуги инквизиции и нанятые неизвестным врагом убийцы, и у него не остается иного выхода, кроме бегства в далекие заморские земли.

Конец XX века. Наш современник Денис Каронин устраивается на работу в фирму, занимающуюся перевозками гуманитарных грузов в отдаленных районах Южной Америки. Постепенно он понимает, что оказался причастен к опасному бизнесу колумбийских кокаиновых баронов. Но Денис не знает главного: его судьба тесно переплетена с историей конкистадора по имени Диего Гарсия де Алькорон...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

© Рыков К., 2012
© Бенедиков К., 2012
ISBN 978-5-904454-71-5
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ПРОЛОГ

Все это случилось очень давно.

Я прожил долгую жизнь и не жалею ни об одной минуте из тех девяноста трех лет, что подарила мне судьба. Если бы мне предложили начать жизнь заново, я бы, наверное, отказался.

Но вот если бы кто-то — добрый волшебник, ангел или сам Бог — позволил мне прожить еще столько же, я бы согласился, не раздумывая. Потому что я, видевший на своем веку немало удивительнейших, чудесных вещей, побывавший в местах, где, как принято говорить, не ступала нога человека, встречавшийся с людьми, о которых когда-нибудь напишут в учебниках истории, — нисколько не утратил интереса к миру. В глубине души я все тот же любознательный юноша, который семьдесят лет назад отчаянно и безрассудно пустился на поиски приключений.

С тех пор изменилось многое. Мир стал другим, более спокойным и комфортным. Сегодня почти невозможно представить, что в годы моей молодости почти вся планета была испещрена очагами локальных вооруженных конфликтов. Сомали, Босния, Косово, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, Индонезия. И, конечно, Колумбия — территория необъявленной войны между правительственными войсками и отрядами революционных повстанцев. Повстанцев, одним из которых я когда-то был.

За моими плечами — три войны и две революции. Сейчас, глядя на себя в зеркало, я и сам не верю, что этот тощий, как жердь, лысый старикан считался одним из самых опасных полевых командиров

на западных склонах колумбийских Анд. Впрочем, шрамы, которые остались от тех славных времен, убеждают меня, что это действительно так. У каждого из этих шрамов своя история, и каждую я помню в мельчайших подробностях. Годы оказались добры ко мне — разменяв десятый десяток, я сохранил трезвый ум и ясную память. А может быть, нужно благодарить не годы, а современную науку — во времена моей молодости болезнь Альцгеймера была настоящим бичом пожилых людей, а теперь о ней нет ни слуху ни духу.

Не беспокойтесь, я не собираюсь злоупотреблять этим даром. Старость говорлива, иногда чересчур, а молодости всегда не хватает терпения. Отдавая себе в этом отчет, я не стану утомлять вас воспоминаниями, имеющими ценность лишь для меня одного.

Но одну историю я все же хочу рассказать. Просто потому, что больше это сделать некому. Все, прикоснувшиеся к древней тайне, — мертвы. Все, кроме меня. И если я промолчу, тайна Золотого Человека, тайна Эльдорадо уйдет в небытие вместе со мной. А мне бы этого не хотелось — слишком дорогую цену я заплатил, чтобы узнать, что скрывается в глубине непроходимой южноамериканской сельвы, что спрятано на дне пещерных колодцев, куда никогда не проникает солнечный свет. Вероятно, шесть веков назад нечто подобное испытывал благородный испанский идальго Диего Гарсия де Алькорон, чья удивительная история так тесно переплелась с моей. Он сумел поведать о своей жизни и приключениях потомкам, описав их в толстенной — восемьсот с лишним страниц — рукописи, которую позже назвали «Манускриптом Лансон». Лансон, то есть наконечник копья, украшал родовой герб семьи Алькорон, изображение которого Диего поместил на кожаный переплет своей книги. В тот день, когда я впервые открыл этот тяжелый, пахнущий пылью и временем том, брошенное из глубины веков копье попало в цель. Послание давно умершего конкистадора нашло своего адресата, и мне оставалось лишь следовать за

путеводной нитью, уводящей далеко за пределы привычной для нас реальности. Но я, кажется, забегаю вперед.

Сначала я думал начать свой рассказ именно с того момента, когда я обнаружил «Манускрипт Лансон» в библиотеке старинного доминиканского монастыря у подножия белоснежного вулкана Пураче. Но я никогда не попал бы туда, если бы не скрывался от наемных убийц человека по имени Эстебан Рамирес, одного из самых жестоких и безжалостных наркобаронов Южной Америки. А Рамирес, в свою очередь, не пустил бы по моему следу своих гангстеров, если бы не зеленоглазая красавица Амаранта Гарсия Оливеро, которую он считал своей собственностью и которую так и не смог простить. Наша же встреча с Амарантой произошла благодаря командиру экипажа «Кита» по кличке Кэп, с которым я познакомился в январе 1995 года в Венесуэле. А в Венесуэлу я попал из заснеженной декабряской Москвы, и вот там-то, пожалуй, и находится истинная точка отсчета. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага, говорят китайцы, но перед тем, как сделать этот шаг, человек всегда делает выбор. Пойти ему налево или направо; выбрать короткий и опасный путь или же длинный, но не сулящий неприятных неожиданностей. Семьдесят лет назад я выбрал свою дорогу, и теперь, оглядываясь назад, вижу, что выбрал ее правильно.

Хотя бы потому, что мне повезло дойти до самых врат Эльдорадо — и вернуться живым.

Тому, кто захочет повторить мой путь, я советую перечитать стихотворение Эдгара По, которое так и называется — «Эльдорадо»:

*Gaily bedight,
A gallant knight,
In sunshine and in shadow,
Had journeyed long,*

*Singing a song,
In search of Eldorado.*

*But he grew old —
This knight so bold —
And o'er his heart a shadow
Fell as he found
No spot of ground
That looked like Eldorado.*

*And, as his strength
Failed him at length,
He met a pilgrim shadow —
“Shadow,” said he,
“Where can it be —
This land of Eldorado?”*

*“Over the Mountains
Of the Moon,
Down the Valley of the Shadow,
Ride, boldly ride,”
The shade replied, —
“If you seek for Eldorado!”*

Есть несколько переводов этого стихотворения, но я, как ни странно, лучше всего помню далеко не самый изящный по стилю и довольно далекий от первоисточника вариант. Может быть, все дело в последней строфе. Вот этот перевод:

«Прощай, жена! —
И в стремена.—
Прощайте, малы чада!
Как бог, богат
Вернусь назад
Из царства Эльдорадо!»

*В лесах, в степи —
Терпи, терпи, —
Среди песка и чада.
Туман, мираж.
Куда ж, куда ж
Девалось Эльдорадо?*

*И наконец,
Полумертвец,
Он Скверны встретил Чадо.
«О Чадо Зла,
Зачем лгала
Мечта об Эльдорадо?»*

*«Ха! В царстве Смерти,
Средь химер,
Те спят земные чада,
Кому по гроб
Хватило троп
В пещеры Эльдорадо!»*

Каждый раз, повторяя про себя эти стихи, я ясно представляю, что увидел искавший свое Эльдорадо рыцарь. И каждый раз меня бросает в дрожь. Впрочем, надо признать, что судьба оказалась благосклонна ко мне. Только поэтому вы и читаете сейчас эти строки.

Что ж, всему свое время. Время прокладывать пути в неизведанное, проринаясь сквозь джунгли и горные ущелья, и время вспоминать об этом, сидя у камина и кутаясь в теплый плед-шотландку. Дымить трубкой, греть озябшие ладони о стакан с горячим грогом и вести неторопливый рассказ о былых приключениях. Грог пахнет пряностями — а пряности были второй, после золота, причиной, гнавшей отважных испанских конкистадоров в гибкие

дождевые леса на восточных склонах Анд. Этот аромат неизменно будит во мне воспоминания о тех жестоких и прекрасных годах, которые я провел среди партизан и контрабандистов, наркобаронов и торговцев оружием, индейцев и креолов, ловцов жемчуга и грабителей могил. Это аромат моего прошлого.

Если вам все еще хочется пройти вместе со мной по «*тропам в пещеры Эльдорадо*» — прошу вас, садитесь в кресло, наливайте себе горячего, пахнущего корицей напитка и слушайте.

Итак, все это случилось очень давно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОЧКА ОТСЧЕТА

...Пройдя по узким горным тропам, между могучими хребтами, чьи вершины скрывались в седых облаках, по сплетенным из лиан мостам, переброшенным через бездонные пропасти, конкистадоры вышли к долине Кахамарка. Это была красивая местность, покрытая зелеными деревьями и покрытая цветами, а посередине ее стоял город, построенный инками на месте разрушенной ими вражеской крепости.

Франсиско Писарро остановил своих людей у края долины, чтобы дождаться арьергарда, а затем его маленькая армия, разбившись на три эскадрона, четким маршевым строем двинулась к городу. Испанцы не знали, что в Кахамарке не было индейских войск. Огромная армия инков, насчитывающая более восьмидесяти тысяч человек, стояла лагерем в нескольких километрах к югу, у горячих горных источников, где поправлял свое здоровье повелитель инков Атауальпа.

Конкистадоры оказались в ловушке. С наступлением вечера, когда на Кахамарку опустилась бархатная южная тьма, по склонам окрестных гор стали зажигаться факелы. И этих факелов было столько, что страх и трепет проник в души испанцев. В отряде Писарро было всего сто пятьдесят человек, и армия инков могла стереть их в порошок, невзирая на то что у испанцев были аркебузы и лошади, а индейцы были вооружены только дубинками и прашами.

Тогда Писарро решился на рискованный шаг. Он передал правителью инков приглашение на торжественный ужин в его честь, который должен был состояться во дворце Кахамарки.

Инка принял приглашение. Вероятно, он посчитал, что горстка испанцев не представляет угрозы для него, владыки Четырех Стран Света, как называли инки свою империю. Атауальпа явился в Кахамарку в сопровождении шести тысяч безоружных слуг, игравших на музыкальных инструментах и усыпавших дорогу, по которой двигались золотые носилки властелина, лепестками цветов.

На центральной площади Кахамарки инку ожидал одетый во все черное священник — патер Висенте Вальверде. Пока Атауальпа недоуменно осматривался по сторонам, Вальверде приблизился и протянул ему Библию. При этом он обратился к повелителю инков по-испански, предложив ему отречься от языческих богов и принять истинную веру.

Атауальпа не понял священника. Больше того — он, никогда в жизни не видевший книг, без особого интереса повертел Библию в руках и пренебрежительно отбросил ее в сторону. Священная для каждого христианина книга упала в пыль.

Это послужило сигналом. Вальверде воздел руки к небу и восхликал:

— Атауальпа — Люцифер!

И в то же мгновение ударили спрятанные до поры испанские пушки. Всего два выстрела выкосили картечью половину собравшейся на площади толпы. Грохот и гул был такой, что многие индейцы, оставшиеся невредимыми при выстреле, упали на землю, в ужасе зажав уши. Вслед за этими выстрелами на площадь вынеслись кавалеристы, облаченные в стальную броню. Взревели армейские трубы. Испанцы с боевым кличем «Сантьяго!» обрушились на безоружных спутников Атауальпы и начали их убивать.

В тот день конкистадоры убили больше тысячи индейцев. Центральная площадь Кахамарки, которая должна была стать ловушкой для испанцев, превратилась в капкан для самих инков. Охваченные

паникой индейцы метались в поисках выхода и не находили его. В конце концов под напором толпы рухнула глинобитная стена, и несчастные спутники Атауальпы попытались спастись бегством на равнине. Конные испанцы с криками и улюлюканьем настигали их и рубили острыми толедскими клинками.

Единственным конкистадором, пострадавшим в тот вечер, оказался сам Франсиско Писарро, заслонивший Атауальпу от удара кинжалом, который хотел нанести ему измотанный боем испанский солдат. Правитель инков, целый и невредимый, был взят в плен и помещен во дворец, где находился в личных покоях командаира испанцев.

Пленение Атауальпы изменило соотношение сил в долине Кахамарки. Для индейцев их правитель, носивший титул Единственного Инки, был живым богом, земным сыном Солнца. Ни полководцы инков, ни их жрецы не могли предпринять ничего без одобрения Атауальпы. А он находился в руках испанцев, которые, используя его как заложника, могли диктовать свою волю всей огромной империи.

Довольно скоро Атауальпа понял, что испанцы пришли в его страну, привлеченные рассказами о ее несметных богатствах. Писарро, проводивший со своим пленником много времени, объяснил ему, что испанцы страдают от сердечной болезни, излечить которую может только золото. Тогда правитель инков предложил ему сделку: он отдаст испанцам столько золота, сколько поместится в отведенных ему покоях, а Писарро отпустит его на свободу.

Комната, которую обещал наполнить золотом Атауальпа, была довольно велика: восемь метров в длину и пять с половиной в ширину. Правитель инков встал на цыпочки, поднял руку и приказал провести белую черту на том уровне, до которого смог дотянуться. Он был высокого роста, и линию провели на уровне почти трех метров. А когда Писарро не поверил ему, со смехом добавил, что наполнит эту же комнату серебром — причем дважды.

Так было заключено соглашение о самом фантастическом выкупе в истории. По всей империи были разосланы быстроногие

гонцы с приказом правителя инков собрать и доставить в Кахамарку золотые сосуды, фигуры и украшения. И со всех концов Четырех Стран Света в маленький горный город потянулись караваны с сокровищами.

Жадные испанцы ломали красивые золотые кувшины, которые, по их мнению, занимали слишком много места в комнате, и превращали прекрасные скульптуры богов в золотой лом. Атауальпа, видя это, изумлялся и спрашивал: «Зачем вы делаете это? Я могу дать вам больше золота, чем вы сможете унести с собой!»

Он еще верил в то, что незваные пришельцы, получив выкуп, уберутся восвояси. Но время шло, в Кахамарку прибывали все новые караваны, количество золота, переплавляемого испанцами в слитки, уже давно превысило обещанный инкой выкуп, а освобождать Атауальпу никто не спешил. Писарро прекрасно понимал, что, отпустив Атауальпу, он в то же мгновение лишится тех рычагов, с помощью которых конкистадоры управляли империей.

И пришел день, когда Атауальпу обвинили в заговоре против испанцев, посадили на цепь и надели на него стальной ошейник. Напрасно бывший властитель гордого когда-то народа умолял своих мучителей оставить ему жизнь, напрасно сулил сокровища, во много раз превосходящие уже полученный ими выкуп. 6 июля 1533 года он был приговорен к смертной казни. Перед смертью он успел попросить Писарро взять под свое покровительство своих маленьких детей, оставшихся в северной столице государства, городе Кито, а также согласился принять христианство. После произнесенных им последних слов испанцы окружили Атауальпу со словами молитвы о его душе, и быстро задушили его.

Вскоре известие о вероломном убийстве правителя империи распространилось по всей стране. И десятки караванов, которые везли золото в Кахамарку, повернули назад.

Как сквозь землю провалились сокровища великой пирамиды Пачакамак на берегу Тихого океана. Неизвестно куда исчезли тонны золота из храма Солнца в главном городе империи — Куско.

Храма, который от фундамента до крыши был облицован толстыми золотыми пластиинами...

Напрасно конкистадоры, как голодные волки, рыскали по городам и храмам империи Четырех Стран Света. От сказочных сокровищ государства инков не осталось даже следа...

Много позже, пытая огнем и железом жрецов и чиновников империи, испанцы узнали, что после гибели Атауальпы инки спрятали свое золото в тайном городе в глубине восточных джунглей. Дорога, которая вела в этот город, была разрушена, карты уничтожены, а все, кто был посвящен в тайну, ушли вместе с золотыми караванами. Попытки испанцев отыскать таинственный город оказались напрасны — отряды, уходившие на восток, гибли в непрходимой сельве или возвращались ни с чем.

Правда, одна из таких экспедиций, предпринятая младшим братом Франиско Писарро, Гонсало, привела к открытию великой реки Амазонки. Но золотой город не удалось отыскать никому.

С тех пор прошло пять веков, но страну сказочных сокровищ ищут в дебрях Южной Америки до сих пор. Время от времени по телевизору или в газетах сообщают о смельчаках, бросающих вызов джунглям, о найденных в архивах средневековых рукописях, описывающих дорогу к пропавшему золоту инков, о развалинах, которые принимают за руины таинственного города Пайтити...

Пайтити — так звучит имя золотого города на языке инков. Но испанцы дали ему другое название, под которым его и знают сейчас во всем мире.

Они назвали его Эльдорадо.

— Почему Эльдорадо? — спросил я.

Отец вытряхнул из пачки «Космоса» сигарету, щелкнул зажигалкой и закурил.

— По-испански El Dorado означает просто «Золотой» — это существительное мужского рода. Была такая легенда о Золотом человеке, правителе индейской страны, который с ног до головы был

покрыт золотом. А потом, когда начались поиски пропавших сокровищ инков, две легенды слились в одну, как это часто бывает...

— А ты там был?

— Где, в Эльдорадо? — рассмеялся отец. — Нет, конечно. Но я много слышал о тех местах, где его искали испанцы.

— Расскажи! — потребовал я.

— Это дождевые леса на восточных склонах перуанских Анд, — ответил отец. — Департамент Мадре-де-Дьос. Одно из самых труднодоступных мест на нашей планете. Там до сих пор находят себе убежище партизаны из движения «Sendero Luminoso». Ну-ка, скажи мне, Денис, что это значит по-русски?

— «Светлая дорога», — сказал я немного обиженно.

Мы сидели в гараже, где обычно и проходили наши «мужские беседы», как называла их мама. Мне тогда было лет тринадцать, и отец иногда поручал мне кое-какие несложные работы по обслуживанию своей любимой «Волги». В тот вечер мы вымыли автомобиль до блеска и натерли каким-то специальным воском, который отец привез из очередной заграничной командировки.

Когда работа была закончена, отец развернул сверток с бутербродами (мягкий белый хлеб, докторская колбаса, красный лук и нарезанные толстыми кружками розовые помидоры) и разлил из термоса крепкий и очень сладкий чай. Пока мы ели, я, разумеется, пристал к нему с просьбой рассказать что-нибудь про Южную Америку — отец провел там немало лет, работая военным советником на Кубе и в Никарагуа.

Тогда-то я и услышал эту историю.

Не скажу, что это было именно то, что я хотел услышать. Мне гораздо больше нравились истории про бесстрашных сандинистов, сражавшихся с коварными «контрас», за спиной которых маячили зловещие тени профессиональных убийц из ЦРУ. Или про Че Гевару, героически погибшего от рук боливийских рейнджеров при попытке поднять забитых крестьян на революционное восстание. Но в тот раз я ничего такого не дождался. Вместо этого отец поведал

мне легенду о Золотом городе, затерянном в глубине южноамериканской сельвы.

Почему он решил рассказать мне именно об этом? Не знаю. Отец не был историком и если интересовался чем-то, относящимся к этой науке, то только военными мемуарами. Возможно, именно поэтому я так четко и запомнил тот наш разговор — просто потому, что он был необычным.

— «Сияющий путь», — поправил отец. — Это часть их лозунга «Марксизм — сияющий путь в будущее».

Я почувствовал себя немного уязвленным. В школе я, как и большинство моих сверстников, учил английский, причем без особого удовольствия. «London is a capital of Great Britain», «To be or no to be: that is the question», скучные передовицы из «Morning Star» — вот, пожалуй, и все, что я вынес из школьных занятий иностранным языком. Другое дело испанский — его преподавала мама у себя в институте, его я знал и любил с детства, читая книжки про мышонка Переса, про ослика Филипа и других смешных и забавных персонажей. Испанский тогда казался мне каким-то тайным языком, придуманным специально для игр и приключений, — на нем можно было вести дневник так, чтобы никто из одноклассников не мог бы его прочесть; на нем можно было ругать учителей, не боясь получить за это двойку по поведению; на нем можно было составлять легенды к картам островов со спрятанными кладами и даже писать записки девочкам, которые мне нравились. Такие записки производили на девочек чрезвычайно сильное впечатление: они читали их, прикрывая локтем от любопытных взглядов подруг, ничего не понимали, но на всякий случай краснели и бросали в мою сторону влажные взгляды. Впрочем, я прекратил пользоваться этим приемом уже в седьмом классе.

— Подумаешь, — сказал я немного обиженно, — дорога, путь... Все равно это одно и то же. Ерунда какая.

— Это не ерунда, дружище Битнер, — с улыбкой процитировал отец свой любимый фильм «Семнадцать мгновений весны», — это совсем даже не ерунда... Особенно в таком деле!

...Спустя пять лет он умер в том же гараже — молодой еще, пятидесятитрехлетний пенсионер. Я заскочил к нему, чтобы занести блинов, которые напекла мама, — поскольку ясно было, что до позднего вечера дома он не появится. Никогда не забуду эту картину: «Волга» с поднятым капотом и распахнутой водительской дверцей, безжалостный свет стоянной лампочки отражается в идеально чистом лобовом стекле и на до блеска начищенных ботинках отца, нелепо торчащих из салона. Почему-то ботинки эти врезались мне в память особенно четко.

Отец относился к обуви очень бережно. Все его ботинки и туфли всегда находились в идеальном состоянии. Он говорил, что мужчина может ходить даже в лохмотьях и выглядеть при этом элегантно, но грязная обувь тут же выдает в своем хозяине лентяя и неряху. Мама рассказывала, что он был таким всегда, даже когда служил в забытом богом гарнизоне на Дальнем Востоке. Там, собственно, я и появился на свет — в поселке со странным названием Будка недалеко от китайской границы. В день, когда я родился, начались бои с китайцами на острове Даманский, поэтому отец увидел меня только спустя две недели.

Мы дружили с ним. Странно, наверное, звучит — дружить со своим отцом, но он и вправду был для меня хорошим товарищем. Бегал со мной по утрам — три километра каждое утро. Когда я выдыхался, сажал себе на плечи и бежал дальше. Учил меня плавать и нырять. Учил боксу. Потом, когда я подрос, показал, как водить машину и привил любовь к скорости.

Я заканчивал девятый класс, когда отец впервые спросил, куда я собираюсь поступать после школы. Я честно сказал, что не знаю: у меня в голове бродили неопределенные мысли о мореходном училище и театральном институте, но ни то ни другое не казалось стопроцентно верным выбором. Тогда отец сказал, что хочет предложить мне один вариант, но не уверен в моей подготовке. Этим он меня, конечно, поймал: если первоначальным моим порывом было отказаться от его предложения (просто из юношеского духа

противоречия), то после таких слов я ощетинился и заявил, что готов поступить куда угодно, кроме, быть может, отряда космонавтов. Тогда отец рассказал мне про институт военных переводчиков, о котором, как он выразился, правду знают только те, кто там учится или преподает.

ВИИЯ, так сокращенно называется институт, — закрытое учебное заведение, куда с улицы не поступишь. Для этого нужны специальные рекомендации, поскольку институт этот является структурой Министерства обороны Советского Союза. Отец объяснил, что с рекомендациями у меня как раз проблем не будет — не зря же я происхожу из семьи потомственных военных, и отец, и дед, и даже прадед — казак-пластун — были профессиональными защитниками Отечества. Но одних рекомендаций недостаточно — требуется еще хорошее знание иностранных языков, куда более глубокое, чем дает средняя советская школа.

Я сказал отцу, что знаю испанский достаточно хорошо, чтобы поступить в институт военных переводчиков. На следующий день он принес мне отпечатанные на машинке с испанским шрифтом листы с экзаменационными заданиями. Нельзя сказать, что они были особенно сложными, но составлены были так хитро, что, отвечая, я наделал массу ошибок.

— Вот видишь, — сказал отец, закончив подчеркивать неправильные ответы красными чернилами, — если б ты сдавал экзамен сегодня, то провалился бы.

Отец, кстати, тоже хорошо знал испанский — не зря же он пять лет провел на Кубе военным советником.

— Все равно поступлю, — буркнул я упрямо.

— Если подтянешь испанский, — не стал спорить отец. Потом подумал и добавил: — И английский.

Разумеется, я поступил. Полтора года я, как проклятый, учил английский и совершенствовался в испанском — и поступил в ВИИЯ с единственной четверкой по истории. Не потому, что плохо знал предмет, а из-за того, что поспорил с преподавателем об историческом значении восстания Пугачева. Рассказывая о действиях

пугачевцев на южном Урале, я привел цитату из Пушкина: «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный», — и экзаменатора это почему-то очень задело. Возможно, он и тройку бы мне поставил, но другой член экзаменационной комиссии наклонился к нему и что-то прошептал на ухо — я рассыпал только хорошо знакомое слово «Куба». В итоге я получил четверку и поступил на испанское отделение.

Отец поздравил меня по своему обыкновению очень сдержанно, но видно было, что он счастлив. Мы отпраздновали мое поступление сначала дома, всей семьей, а потом пошли с ним вдвоем в его любимый гараж.

Там отец извлек из шкафчика запылившуюся бутылку красного вина, открыл ее карманным штопором и налил мне полный стакан.

— Сегодня можно, Денис, — сказал он. — Вообще не увлекайся, но если уж пить, то пей хорошие, дорогие напитки. Это, например, — чилийское, урожая семьдесят шестого года. Я его привез из своей первой командировки...

Прежде никогда не слышал, что отец бывал в Чили.

Он помолчал немного, потом положил мне руку на плечо и крепко сжал пальцы.

— Молодец, сын. Я горжусь тобой.

Я отучился в ВИИЯ три года, сдавая сессии на одни пятерки. А потом отец умер, и я понял, что чувствует автогонщик, болид которого заносит на крутом повороте. Я начал пить — поначалу обманывая себя тем странным ощущением нереальности происходящего, которое наступает после определенной дозы спиртного, а потом уже просто потому, что так было легче. Разумеется, рано или поздно оскорблена реальность должна была напомнить о себе. На торжественном вечере по случаю празднования 23 февраля я, выражаясь суконным языком комсомольских характеристик, «запятнал высокое звание учащегося ВИИЯ аморальным и антиобщественным поведением», или, проще говоря, устроил пьяную драку с битьем физиономий и зеркал. Не могу сказать, что

помню этот знаменательный вечер в деталях, но точно знаю, что Данька Шахматов, которому я свернул челюсть прямо на глазах у нашего замдекана, позволил себе мерзко пошутить насчет «капитанского сынка, чей отец чистил сапоги Фиделю». Возможно, будь на месте Даньки кто-то другой, дело обошлось бы строгим выговором по комсомольской линии, но Шахматов-старший был крупной шишкой в МИДе, фаворитом самого Козырева. В итоге с четвертого курса ВИИЯ я загремел прямиком в учебку погранвойск в Приаргунск.

Когда я вернулся из армии, мир вокруг изменился. Да и я сам изменился тоже — у меня уже не было желания доказывать кому-то, что я лучше других. Может быть, потому, что единственный человек, чье мнение было для меня важно, умер.

Мне казалось, что я живу, но на самом деле я просто плыл по течению. Течение вертело меня, как соломинку, и в конце концов вынесло туда, откуда и начинается эта история, — в однокомнатную квартиру на юго-восточной окраине Москвы.

Как пел когда-то «Наутилус Помпилиус» — в комнату с белым потолком, с правом на надежду, в комнату с видом на огни, с верою в любовь.

Хотя с последним как раз у меня были проблемы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1515 ГОД

То был год золотых надежд, великих ожиданий, дерзких замыслов.

В тот год каравелла Педро де Сантильяны, удачливого завоевателя богатых земель к западу от Дарьена, обогнула поросший густыми тропическими зарослями мыс и вошла в безымянную бухту с белоснежными песчаными берегами. Навстречу морякам Сантильяны из зарослей вышел, пошатываясь, исхудавший и обрванный человек, в котором командир экспедиции не без труда признал своего земляка из Андалусии Энрике Хименеса. Два года назад Хименес завербовался в отряд, отправлявшийся на поиски источника вечной молодости у берегов сказочной Флориды. Отряд этот назад не вернулся, и Хименеса, как и всех его товарищей, считали погибшим. Но он был жив, хотя весь дрожал от жестокой тропической лихорадки, а тело его покрывали странные татуировки и ужасные шрамы.

Рассказ Хименеса поразил испанцев. По его словам, за зеленой стеной непроходимой сельвы прятались огромные города, построенные из белого камня. В этих городах жили индейцы, искусно обрабатывавшие золото, бирюзу и нефрит. Они были весьма воинственны и жестоки и постоянно вели войны, во время которых стремились захватить как можно больше пленных. Пленников приносили в жертву на вершинах величественных пирамид, вырывая им сердца.

Хименес прожил среди этих индейцев почти два года. Остальные его спутники погибли в боях с индейскими воинами, сраженные коварным оружием — отравленными шипами, которыми туземцы стреляли из духовых трубок, или были заколоты каменными ножами на залитых кровью алтарях. Хименесу же повезло: его посчитали избранником богов и оставили в живых. Его, как раба, держали при одном из языческих храмов, время от времени пускали ему кровь из жил и с ног до головы изукрасили варварскими татуировками. В конце концов ему удалось бежать с помощью одного из младших жрецов, с которым он подружился.

У Сантильяны было недостаточно людей, чтобы предпринять рейд сквозь джунгли. Но он продолжал двигаться вдоль побережья на север и в ста лигах от того места, где встретил Хименеса, увидел стоявший на холме город с белыми каменными стенами. Туземцы, обитавшие в жалких лачугах на берегу, называли его Тулум.

Сантильяна привез на Кубу поразительные известия. Оказывается, не все обитатели Индий, как тогда называли Новый Свет, были простодушными дикарями, единственное богатство которых составляли морские раковины и перья тропических птиц. В глубине континента лежали богатые страны, населенные народом, умевшим строить укрепленные города и обрабатывать золото и серебро. И золота и серебра, если верить Хименесу, там было больше, чем в казне испанского короля.

Когда двадцать три года тому назад генуэзец Колон¹ открыл новые земли на краю Моря-Океана, толпы искателей приключений ринулись туда в надежде на быстрое обогащение. Но на Эспаньоле и Кубе золота было совсем мало, и по-настоящему разбогатеть там сумели лишь те иdalго, которые не гнушались добывать деньги из земли. Плантации сахарного тростника приносили неплохой доход, а издержки на содержание рабочей силы были крайне малы: туземцев, не имевших понятия о деньгах, заставляли гнуть спину просто за еду, а при малейшем неподчинении травили собаками.

¹ Кристобаль Колон — испанская форма имени Христофор Колумб.

Меньше, чем за двадцать лет коренные обитатели райских островов вымерли от болезней и непосильного труда, и на плантации пришлось завозить рабов с западного берега Африки. Шли годы, а на открытых Колоном землях богатели только плантаторы и торговцы «черным деревом», как называли африканских невольников. Тем же храбрецам, кто презирал работорговлю и стремился добывать себе славу и богатство мечом, а не кнутом надсмотрщика, Индии предлагали незавидный удел — годы битв и лишений, бессмысленные сражения за бедные индейские деревушки, непременную спутницу жизни в тропических лесах — малярию, мучительную смерть от смазанного ядом туземного дротика или укуса змеи. Наградой же самым стойким чаще всего оказывалась пара горстей золотого песка или несколько уродливых медных фигурок, украшавших самую богатую хижину в индейской деревне.

И в каждом новом селении старейшины, которых с пристрастием допрашивали испанцы, рассказывали о том, что по-настоящему богатые земли лежат еще дальше — к востоку, западу, югу или северу. И уж там-то белые люди непременно отыщут несметные сокровища...

Постепенно завоеватели поняли, что эти рассказы имеют лишь одну цель — увести их подальше от того или иного поселка. Старейшины были готовы наобещать им все золото Земли, только бы испанцы оставили в покое их родную деревню.

Это всерьез пошатнуло веру кастильцев в богатства Нового Света, тем более что в это же время каравеллы их соперников-португальцев, плававшие в настоящую Индию длинным и опасным путем вокруг Африки, возвращались с трюмами, полными пряностей и золота. И вот, когда колонизация западных земель стала казаться бесперспективным и дорогостоящим предприятием, на Кубу вернулась экспедиция Педро де Сантильяны.

Вести, привезенные экспедицией, всколыхнули не только колонии на Кубе и Эспаньоле, но и саму Испанию. Повсюду от Кадиса до Памплоны — в портовых кабаках, в домах богатых негоциантов, во дворцах могущественных грандов — золотые россыпи Индий вновь стали главной темой для разговоров и сплетен.

В тот год многие авантюристы Андалусии и Эстремадуры, Кастилии и Леона, Каталонии и Страны басков решили испытать свое счастье за Морем-Океаном. Среди них были бедняки, крестьяне, пастухи и свинопасы, батрачившие на богатых землевладельцев; такие, наслушавшись рассказов о чудесах Нового Света, бросали свои дома и нехитрый скарб и нанимались на уходившие на закат каравеллы, соглашаясь на самую черную работу. Были профессиональные солдаты, закаленные в бесконечных войнах между итальянскими княжествами и боях с алжирскими пиратами. Эти собирались в отряды-бандейры под руководством хорошо знакомых им командиров, везли с собой испытанное в битвах оружие — мечи, арбалеты, а иногда дорогие и редкие аркебузы. Особняком держались бедные, но гордые идальго — младшие сыновья знатных семей, которым не досталось в наследство ни родового замка, ни приносящих доход земель. У этих дворян, потомков бесстрашных воинов, освободивших землю Испании от ига мусульман, не было ничего дороже их чести. Их героем был великий Сид Кампепадор, они готовы были склонить колени лишь перед Богом и королем, но даже от короля не потерпели бы оскорблений. Они были гордыми одиночками, голодными и жестокими волками империи, и хотя некоторых из них связывало между собой подобие дружбы, единственным товарищем, который никогда не предавал их, оставался острый толедский клинок. Они искали в Новом Свете золота и славы, в которых им было отказано на родине, и не боялись платить за них собственной жизнью.

Одним из этих отчаянных искателей приключений был Диего Гарсия де Алькорон, родившийся в городе Саламанка в тот год, когда генуэзец Кристобаль Колон отправился в свое великое путешествие.

Примечание Дениса Каронина

Рукопись, названная «Манускрипт Лансон» (о том, при каких обстоятельствах она попала мне в руки, я расскажу позже), представляет собой пять объемистых тетрадей из очень хорошей

плотной бумаги в общем переплете из отлично выделанной телячьей кожи. Судя по всему, Диего Гарсия де Алькорон работал над ней уже на закате своей жизни, но при этом многие эпизоды его хроники выглядят так, будто он описывал события, произошедшие с ним буквально накануне. Я полагаю, что он пользовался гораздо более ранними дневниковыми записями — в противном случае приходится признать, что он обладал поистине феноменальной памятью.

Язык «Манускрипта Лансон» — староиспанский, некоторые отрывки написаны на латыни (которую Диего изучал в университете Саламанки и знал превосходно). При переводе я старался избегать как архаизмов, так и чересчур навязчивого осовременивания текста.

Первая тетрадь рукописи охватывает довольно короткий промежуток времени и описывает события, предшествовавшие путешествию Диего в Индии. К ней также прилагается некий документ, не относящийся напрямую к «Манускрипту Лансон», но, безусловно, дорогой сердцу его автора.

Я проснулся от прикосновения холодного лезвия к своей шее.
Это ощущение нельзя спутать ни с чем.

В детстве матушка рассказывала мне сказку о юноше, заснувшем под деревом. Пока он спал, мимо прошел богач, который подумал о том, не сделать ли его своим наследником, затем девушка, в чьем сердце при виде его обрамленного золотыми кудрями лица вспыхнула страсть, и, наконец, разбойники, решившие убить юношу спящим. По причинам, которых я уже, признаться, не помню, ни один из них не исполнил своего намерения, и юноша благополучно проснулся и продолжил свой путь, так и не узнав, что его миновали Богатство, Любовь и Смерть. Когда я был мал, эта сказочка мне очень нравилась, но теперь я знаю, что она не вполне правдива.

Когда Смерть, наклонившись над тобою, спящим, бесшумно поднимает свою косу, ты каким-то образом чувствуешь это, даже если спишь очень крепко. И открываешь глаза за миг до рокового удара.

Я проснулся за мгновение до того, как острый толедский клинок пронзил бы мне горло. И, еще не понимая, что происходит, рывком перекатился на бок.

Клинок скользнул вслед за мной, но недостаточно проворно. Я упал с жесткого топчана, на котором так долго ворочался вчера, перед тем как заснуть, и лезвие шпаги только оцарапало мне плечо.

Был мрачный предрассветный час, когда непроглядная полночная темень уже уступает место хмурым сумеркам. В этих сумерках невозможно было различить лиц моих врагов — я видел лишь две зловещие фигуры в черных плащах, стоящие по другую сторону топчана. В руках у них были шпаги, и шпаги эти были нацелены на меня.

Плохо сколоченный деревянный ящик, накрытый тощей периной, никак не скрывавшей несовершенства столярной работы неизвестного умельца (я хочу сказать, что отлежал все бока на этом топчане), — вот и все, что отделяло меня оточных убийц. Мое оружие висело на гвозде у самой двери, и до него я мог добрататься, только если бы непрошеные гости любезно посторонились. Им удалось застать меня в самый невыгодный момент: я был в одной рубашке, безоружен и не вполне пришел в себя после вчерашнего. Накануне мы с Гонсало и Федерико славно покутили в таверне «У золотого осла», а потом решили завалиться на мельницу к старине Хорхе, чтобы продолжить веселье на свежем воздухе. У старого Хорхе, как всем хорошо известно, три дочки на выданье, и по крайней мере две из них не прочь составить компанию молодым людям с приличными манерами. Третья, пятнадцатилетняя Хуана, слишком скромна для таких забав.

Хорхе выставил нам большой глиняный кувшин какой-то кислятины, которая, однако, довольно быстро затуманила наш и без того не слишком трезвый рассудок. Смутно помню, что сидел с одной из дочек мельника (почти уверен, что со средней, Паолой) над запрудой и рассказывал ей что-то про древних греков. Кажется, я именовал ее Артемидой и звал поохотиться в поля. Она смеялась и в шутку била меня по щекам цветком мальвы.

Затем я каким-то образом очутился в тесной маленькой клетушке, которую Хорхе называет комнатой для гостей. Мне уже как-то доводилось бывать тут, и я хорошо помнил, что по ночам мельничное колесо скрипит прямо у тебя над ухом, не давая заснуть. Но проклятый мельник на все мои возражения с тупым упорством повторял, что других свободных комнат у него нет. Хотелось бы знать, где он положил Гонсало и Федерико, неужели на сеновале?

Вдобавок ко всему пробуждение оказалось не из приятных. Глядя с пола на непрошеных гостей, я решил, что ни за что больше не стану ночевать у старого скряги — есть места поприличнее, где за полновесный золотой дублон можно получить не только приятное женское общество, но и жареный окорок, доброе вино и мягкую кровать.

Впрочем, этот зарок имел хоть какой-нибудь смысл только в том случае, если бы мне удалось выбраться с мельницы живым. А шансов на это, признаюсь честно, было немного.

Двое убийц (их плащи и особенно мерзкая манера тыкать клинком в горло спящему не оставляли сомнений в роде их занятий), насколько я мог разобрать в предрассветной мгле, превосходили меня ростом и сложением. Я не могу пожаловаться ни на то, ни на другое — батюшка мой, в молодости считавшийся одним из самых сильных людей Кастилии и Леона, передал мне в наследство крепкую кость, рост в шесть с половиной пье¹ и широкие плечи. Увы, это единственное наследство, которое я получил от него, кроме сомнительного счастья именоваться младшим сыном благородного иdalго Мартина де Алькорон. Я третий сын в семье; мог бы оказаться и четвертым, если бы младенец Хуан не умер во младенчестве за два года до моего рождения. Род наш древний и славный; когда-то нам принадлежали обширные земельные угодья в окрестностях Толедо, которые, однако, еще во времена молодости моего деда, старого Сальватора, уплыли в руки жадных кредиторов

¹ Испанская мера «пье» немного уступала английскому футу, хотя и пье, и фут изначально относились к длине стопы. В нынешних мерах длины 6,5 пье — 181 см.

и разного рода выжиг. К тому моменту, когда закутанные в плащи негодяи вознамерились проткнуть меня своими клинками, семья Алькорон владела лишь небольшим замком, расположенным, правда, в чрезвычайно живописном лесу к западу от Саламанки, и десятью акрами этого самого леса. Замок по смерти батюшки, который, к счастью, был еще крепок и вполне здоров, должен был перейти к моему старшему брату Педро, лес и некоторая доля в корабельных мастерских Кадиса — среднему брату Луису, тогда как мне, как я уже упоминал, оставались только фамильные сила, проворство и безрассудная храбрость мужчин рода Алькорон.

Впрочем, в сложившейся ситуации именно это наследство могло пригодиться мне куда больше, чем недвижимость и даже мешок дублонов.

Правда, о том, чтобы справиться с негодяями голыми руками, нечего было и думать. В одном из них росту было под два метра; во всяком случае, он горбился, чтобы не задеть затылком потолок. Руки у него были длинные, как у большой обезьяны, которую я в детстве видел в бродячем зверинце. Такими ручищами не так уж сложно схватить даже крупного и мускулистого юношу вроде меня и неторопливо скручивать его узлом, подобно тому как хозяйки выжимают мокрое белье. Второй — тот самый, что хотел проткнуть мне горло, — был пониже, но гораздо шире в плечах. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что силой этот тип вполне может соперничать с библейским Самсоном, который на досуге любил раздирать пасть льву.

К тому же у них были шпаги и, весьма вероятно, кинжалы, которые подобная публика любит носить под плащами. Короче говоря, рассчитывать на одну лишь силу в поединке с ними не приходилось.

Оставалось надеяться на проворство и безрассудную храбрость, причем внутренний голос нашептывал мне, что последняя в данном случае может только повредить.

У вас, возможно, создается впечатление, что я раздумывал над создавшимся положением, вольготно расположившись на полу за

топчаном и никуда особенно не торопясь. На самом деле все эти мысли (включая сожаления по поводу наследства) промелькнули в моей голове за считанные доли секунды; блеснул перед моим внутренним взором чудесный образ юной Лауры, свежей, как украшенный крупными каплями росы только что распустившийся бутон алои розы; блеснул и погас, заслоненный видением совсем иного рода — омерзительной рожей негодяя, надвигавшегося на меня с обнаженной шпагой в руке.

То ли в комнате каким-то чудом стало светлее, то ли мои глаза притерпелись к темноте, но теперь я видел его лицо вполне отчетливо.

У него был широкий лягушечий рот, кривившийся в злобной ухмылке. Я успел заметить гнилые черные зубы и тянувшийся от угла рта к уху широкий безобразный шрам, оставленный, скорее всего, разбойничьей навахой; такие детали почему-то всегда намертво впиваются в память, словно репьи в одежду. В следующий момент произошло сразу два события: Шрам (далше для удобства я буду называть его так) отвел назад локоть, чтобы прикончить меня своей шпагой, а я, по милости Божьей, нашел наконец хоть что-то, что можно было с некоторой натяжкой считать оружием.

Это оказался ночной горшок.

Я совершенно не помню, чтобы он стоял там накануне. Видимо, Хорхе, в сердце которого крестьянская прижимистость боролась с почтением к моему благородному происхождению, принес мне его, когда я уже спал. Вы, конечно, возразите, что даже самый отъявленный сквалыга вряд ли откажется снабдить пьяного гостя этим полезным приспособлением, хотя бы из соображений чисто практических, и будете, безусловно, правы. Но сквалыга наверняка ограничился бы какой-нибудь ненужной ему самому емкостью — и в этом случае вы не читали бы сейчас эту повесть. Предмет, который Хорхе заботливо поставил возле моего топчана, был не какой-нибудь рассохшейся деревянной лоханью, которую не жалко потом пустить на растопку; нет, это был прекрасный медный горшок, который не стыдно предложить настоящему иdalго, горшок

размером и весом с каску итальянского кондотьера. Собственно, это обстоятельство и спасло мне жизнь.

Громко взревев, я швырнул медный сосуд в перекошенную рожу Шрама за секунду до того, как он попытался пригвоздить меня к полу. Одновременно я с фамильным проворством Алькоронов вскочил на ноги. Не спрашивайте меня, как это у меня получилось. Получилось — и все. Я предпочел бы не упоминать о том, что, вскакивая, сильно ударился головой о балку, которую Хорхе зачем-то поместил в этом месте при строительстве своей мельницы, но это было бы нечестно. В конце концов, этот удар не шел ни в какое сравнение с тем, что получил при столкновении с ночным горшком мерзавец Шрам.

Означеный негодяй отступил на пару шагов назад и ошеломленно замотал головой. Шпага его вспорола воздух в полуметре от моего носа, но было ясно, что противник оглушен и ничего не соображает. Второй убийца — тот, что подпирал потолок, — отшатнулся от него (как отшатнулся бы любой от человека, с которого стекало... впрочем, от неделикатных подробностей я предпочел бы вас избавить) и тоже треснулся головой о потолочную балку. Балки в этом небольшом помещении были на каждом шагу.

Я подпрыгнул и крепко ухватился за деревянную поперечину. В детстве мы, мальчишки, очень любили раскачиваться на ветвях деревьев и даже перепрыгивали с одного дерева на другое. Теперь эта забава принесла мне пользу: быстро качнувшись назад, я расправил ноги и всем своим весом (а вешу я почти сто восемьдесят фунтов) ударил Шрама в подбородок.

Тут я опять должен сделать небольшое отступление. Любой дворянин моего возраста обязан уметь хорошо драться на шпагах — этому нас учат с детства, и к двадцати годам каждый знатный кастилец прекрасно владеет клинком. Но, в отличие от многих других более обеспеченных сверстников, мне доводилось драться не только на шпагах. Когда у тебя в кармане вместо золота звенит в лучшем случае мелкое серебро, а то и медь, ты поневоле вращаешься в тех кругах, где споры частенько решаются не благородной

сталью, а вульгарной схваткой на кулаках. Батюшка рассказывал, что проклятые англичане сочинили даже целый свод правил для таких поединков, которые называются у них «бокс». Поскольку мы, слава Господу, живем не в Англии, я никогда не считал обязательным соблюдать эти правила. В драке в портовой таверне никто не обратит внимания, придерживаешься ты правил или нет. Скорее наоборот: чем больше ты будешь беспокоиться, все ли ты делаешь согласно какому-то там кодексу, тем скорее тебя насадят на нож.

К тому же вы, наверное, согласитесь со мной, что это крайне нечестно — нападать вдвоем с оружием в руках на одинокого, безоружного, да к тому же еще и спящего юношу.

Удар сдвоенными ногами, который я обрушил на Шрама, мог бы свалить и быка. Негодяй, однако, оказался на удивление крепок: хотя его отбросило к стене, сознания он не потерял и даже не выронил шпагу. Поэтому я вынужден был прибегнуть к подлому, но очень эффективному приему, которому научил меня один старый матрос в Кадисе. Я отпустил балку, приземлился на согнутые ноги и, выпрямляясь, ударил противника кулаком в то самое место, кое Адам, вкусив от древа познания добра и зла, поспешил прикрыть фиговым листком.

Этот удар наносится снизу вверх, и в него вкладывается вся сила тела — не только руки, но и распрямляющегося, как пружина, корпуса. Тут главное — правильно попасть. У меня получилось.

Прошлым летом в болоте на окраине наших не слишком обширных земель утонул вол. Не знаю, что заставило его ступить на колышущуюся, зыбкую почву над трясиной. Может, ему показалось, что там, на болоте, травка зеленее и вкуснее, чем на лугу. Как бы то ни было, он забрел довольно далеко, прежде чем под его ногами разверзлась бездна и глупый скот начал погружаться в вонючую жижу.

Вол тонул медленно, оглашая окрестности печальным ревом. Никогда прежде мне не доводилось слышать столь жалобных и обреченных звуков, издаваемых живым существом. Да и после не приходилось — вплоть до того момента, когда из груди Шрама вырвался низкий рокочущий стон, исполненный боли и обиды.

Шпага выпала из его руки, и я почти было подхватил ее, но в этот момент второй негодяй (буду для краткости называть его Верзилой) ударил меня своим клинком — к счастью, плашмя.

Вряд ли он сделал это из человеколюбия. Скорее, он просто не сумел нанести мне полноценный колющий удар, поскольку между нами находился воющий от боли Шрам (комнатка, как я уже упоминал, была маленькая). Но хлестнуть меня по пальцам у него получилось.

Рука моя сразу же повисла, как плеть. Я благоразумно отказался от дальнейших попыток завладеть шпагой Шрама, решив использовать в качестве оружия его самого. Сделать это было несложно, так как мерзавец в тот момент представлял собой просто корчащийся от боли кусок мяса и костей, причем довольно увесистый. Я изо всех сил толкнул его плечом, рассчитывая, что он налетит на Верзилу и, если очень повезет, свалит того с ног.

План мой удался лишь отчасти.

Шрама действительно отбросило на Верзилу, но с ног он его не сбил, потому что наткнулся на клинок, который Верзила держал в руке. Я увидел, как из-под складок плаща Шрама выскользнуло окровавленное острие. По комнате распространилось отвратительное зловоние. Видимо, шпага пробила мерзавцу кишки.

— Сантьяго! — хрипло выдохнул Шрам и умер.

Грех было не воспользоваться открывшимися перспективами. Оружие Верзилы застряло в брюхе Шрама, и чтобы вытащить его, требовалось по крайней мере две секунды. Этих двух секунд мне хватило, чтобы с прославленным проворством Алькоронов проскользнуть мимо убийц, сдернуть (левой рукой) висевший на гвозде пояс со своей шпагой и кубарем скатиться с лестницы, ведущей в помещение, где старый Хорхе хранит мешки с мукой. Это довольно большой сарай, весь уставленный поседевшими от мучной пыли тюками. Тут, кстати, обнаружились и Гонсало с Федерико — оба дрыхли, как сурки, зарывшись в мягкую мешковину. То, что их не разбудил шум схватки, красноречиво свидетельствовало о количестве выпитого накануне. Вероятно, пока я ухаживал за

Паолой, приятели сумели вытрясти из Хорхе второй кувшин его кислого пойла.

— Вставайте! — рявкнул я, пробегая мимо этих достойных сожаления представителей кастильского рыцарства. — Опасность! Опасность!

С тем же успехом можно было призывать на помощь мраморную статую святого Михаила, украшающую наш городской собор. Гонсало оглушительно всхрапнул и перевернулся на другой бок, а Федерико вообще не пошевелился.

Зато сверху послышался громкий треск ломающегося дерева. Я обернулся — Верзила, выскочив на лестницу, не стал терять времени, спускаясь по ступенькам, — он просто перемахнул через хлипкие перила, сокрушив их при этом своим весом, и спрыгнул вниз, приземлившись на мешки с мукой.

Я по инерции пробежал еще несколько шагов и чуть было не разбил себе лоб, наткнувшись на запертую дверь. Вряд ли это было дело рук Хорхе; скорее, проникшие на мельницу убийцы позабочились о том, чтобы я не смог ускользнуть от них ни при каких обстоятельствах.

Что остается делать кастильскому дворянину, если путь к спасению отрезан, надежды на помощь друзей никакой, а за спиной тяжело дышит убийца с острой сталью в руке?

Только повернуться и принять бой.

И плевать, что правая рука все еще висит, словно неживая. Левой я дерусь гораздо хуже, но это еще не повод безропотно позволить себя убить. В конце концов, мне нужно было всего лишь выиграть немного времени для того, чтобы пальцы правой вновь обрели чувствительность. Поэтому я и не думал о том, чтобы нанести смертельный удар противнику, полностью сосредоточившись лишь на том, чтобы отбивать его атаки. Он был выше и тяжелее, а стало быть, сил ему приходилось расходовать больше. Я прыгал по всему амбару, перескакивая через мешки с мукой, как молодой козел, отмечая про себя, что дыхание Верзилы становится все более прерывистым. Наконец, когда он совсем запыхался, бегая за

мной по сараю, я перекинул шпагу в правую руку и перешел в нападение. И тут уже веселье пошло по-настоящему.

Техника у Верзилы была неплохая, да что там — хорошая. Впрочем, при его профессии это и неудивительно. Но без особых изысков — просто добротное ремесло, которому обучают во всех фехтовальных школах Кастилии. А мне (как, впрочем, и моим старшим братьям) повезло учиться у маэстро Бартоломео Гуччи, имевшего репутацию одного из лучших фехтовальщиков Италии.

Итальянская школа фехтования отличается от нашей, испанской. По словам моего отца, это следствие разницы в характерах: итальянцы более склонны к коварству и интригам, поэтому и техника боя у них хитрее и изощреннее. В ней полным-полно всяких секретных приемов и обманных трюков, на которые попадаются даже самые опытные испанские фехтовальщики.

В свое время отец потратил немалую сумму на то, чтобы привлечь к нам в замок маэстро Гуччи. Матушка не переставала упрекать его, говоря, что за половину этих денег можно было выкупить часть леса, находящуюся в залоге у севильских ростовщиков. Но отец был непреклонен — по его мнению, хорошее образование сыновей было гораздо важнее какого-то там леса. И, хотя батюшка мой под образованием понимал прежде всего владение шпагой и вольтижировку, а не какие-то там латынь и греческий, я навсегда сохранил в своем сердце самую глубокую и искреннюю благодарность этому простому, но благородному человеку, настоящему идалго.

Хотя бы потому, что наука маэстро Гуччи не раз спасала мне жизнь, а латынь и греческий (которые, к слову, я все-таки выучил) — ни разу.

Как я уже упоминал, руки у Верзилы были чрезвычайно длинными, поэтому он все время держал меня на дистанции. Однако, используя хитрые итальянские приемы, я дважды достал его из четвертой позиции — один раз просто оцарапал запястье, а второй — распорол плащ у локтя и, кажется, задел мышцу. Во всяком случае, после этого прыти у него поубавилось, а рука, в которой

он держал шпагу, стала подрагивать, как будто клинок ощутимо прибавил в весе.

Сам я по-прежнему вел себя очень осторожно, уходил от его прямых атак и не поддавался на примитивные хитрости, которые, возможно, сумели бы обмануть кого-то из более простодушных фехтовальщиков, но не ученика маэстро Гуччи.

В конце концов Верзила понял, что время работает против него. Рукав плаща у него пропитался кровью, алые капли пятнили усыпанный мукой пол. На мне же не было ни царапины и я по-прежнему был полон сил — тут весь секрет в правильном дыхании. Чем больше я его изматывал, тем больше он терял над собой контроль. Когда он, взревев, подхватил увесистый тюк с мукой и швырнул его мне в голову, я даже не особенно удивился.

Удивился я скорее тому, что тюк пролетел разделявшее нас расстояние очень быстро и сбил-таки меня с ног.

Если бы Верзила в тот момент метнул в меня шпагу или кинжал, мне наверняка пришел бы конец. Но он не решился выпустить оружие из рук и прыгнул ко мне, чтобы прикончить врукопашную. Это его и подвело.

Я увидел, как его огромная туша летит прямо на меня, заслоняя свет из маленького оконца, расположенного под самой крышей сарая. Клинок он благоразумно выставил перед собой, предполагая, что я могу сделать то же самое, и тут уж останется в живых тот, у кого руки длиннее. Но в ту секунду, когда я уже простился с жизнью, тускло блеснувшее лезвие пронзило воздух совсем рядом со мной и распороло мешок над моей головой. Мне на голову посыпалась белая пыль.

Этот болван просто поскользнулся. На полу было много муки, а она довольно скользкая. Верзила промахнулся всего на несколько дюймов, но этого оказалось достаточно, чтобы наша схватка закончилась.

Справедливости ради, должен признать, что я оказался не в состоянии достойно завершить наш поединок. Я был вдавлен в груду тюков тяжестью его тела и не мог даже пошевелиться. Но

и противник мой не проявлял никаких признаков жизни — просто лежал на мне, не давая подняться. Потом конвульсивно дернулся, захрипел, и я почувствовал, что под ним растекается что-то горячее и липкое.

Это была кровь. Верзила напоролся на мою шпагу, точно так же, как несколькими минутами раньше Шрам налетел на его клинок. Заслуги моей в этом не было никакой — только благоприятное стечеие обстоятельств. Я и шпагу-то не успел толком нацелить, но он был слишком большим, так что промахнуться было сложно.

Убедившись, что мой противник не дышит, я напряг все свои силы, чтобы сбросить его с себя. Получилось это не сразу, но через некоторое время мне все же удалось выбраться из-под тела Верзилы. Я был с ног до головы перемазан кровью и, честно говоря, порадовался, что нападение застало меня в постели. Если бы мерзавцы испортили мой новенький зеленый камзол, это наверняка расстроило бы моих почтенных родителей. Мы, как я уже упоминал, были небогаты, и означенный камзол служил мне единственной праздничной одеждой.

Стянув с себя залитую кровью рубашку, я обнаружил, что на меня плялится мой приятель Гонсало. Он проснулся — исключительно вовремя, надо заметить, — и сидел на куче пустых мешков, глядя на меня, как на ожившего покойника. С такой же смесью ужаса и недоверия в глазах.

— Диего, — пробормотал он, — что это с тобой?

— А что со мной? — Я брезгливо отшвырнул окровавленную тряпку в сторону. — Ничего особенного. На меня всего-навсего напали двое разбойников, имевших намерение зарезать меня спящим. Но, поскольку я сумел убить их прежде, это намерение не осуществилось. Вот и все, мой друг Гонсало.

— Разбойников? — ошеломленно проговорил этот любитель кислого вина. — Ты их... ты что, ранен, Диего?

— Не думаю, — ответил я небрежно. — Пустяки, царапина.

На плече у меня действительно алел неглубокий порез, полученный в самом начале схватки, когда Шрам пытался проткнуть мне

горло. Другое дело, что Верзила перепачкал меня с ног до головы, и Гонсало вполне могло показаться, что я истекаю кровью.

Он, шатаясь, поднялся на ноги и бросился ко мне с явным стремлением подхватить меня, если я решу вдруг потерять сознание. Такого удовольствия я ему, естественно, не доставил.

— Разбуди Федерико, — велел я, отстраняя еголастным жестом. — Найдите старика и заплатите ему за учиненный разгром. Затем отправьте кого-нибудь за альгавазилом, пусть разберется, что это за шваль.

— Заплатить? — возмутился Гонсало. — Да старый пень нам теперь до гроба должен за то, что у него на мельнице нас чуть не прирезали...

— Нас? — переспросил я. — Мне кажется, речь шла только обо мне. Если бы они хотели убить всех, вы, сони, сейчас разговаривали бы не со мной, а с апостолом Петром.

О том, куда послал бы моих приятелей добрый апостол, я предпочел из вежливости умолчать.

На лице Гонсало отразилось не свойственное ему выражение мучительного усилия — он думал.

— Диего, а зачем этим мерзавцам понадобился именно ты?

— Хотел бы я знать, — ответил я честно.

Наёмные убийцы никогда не нападают просто так. Как правило, прежде им должны заплатить и назвать имя жертвы. Значит, можно предположить, что кто-то не любит меня так сильно, что готов даже раскошелиться, лишь бы вычеркнуть имя Диего Гарсия де Алькорон из списков живущих на этой земле.

И теперь, когда непосредственная опасность миновала и у меня выдалась минутка, чтобы осмыслить произошедшее, меня занимал один-единственный вопрос.

Кто?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОМНАТА С БЕЛЫМ ПОТОЛКОМ

— Я ухожу от тебя, — сказала Оксана. — Подай шампунь, пожалуйста.

Она лежала в ванне, скрытая белой горой пушистой пены. Ванна была маленькая, как и вся моя квартира-маломерка, и Оксана, девушка довольно крупная, умещалась в ней, только подтянув колени к животу. В этом месте пенистая гора вздымалась особенно высоко.

Я молча подал ей шампунь. Из-под пузырящейся искристой шапки вынырнула полная белая рука, схватила флакон и утянула его в пенные глубины.

— Ты же не будешь делать глупостей, правда? — спросила Оксана почти жалобно. — Я могла бы тебе вообще ничего не говорить, уйти, пока тебя нет дома, но я хотела, чтобы все было по-честному.

Я не нашелся, что ответить. Последние два дня я почти безвылазно сидел в квартире, один раз только выходил в магазин. За те двадцать минут, что я отсутствовал, она вряд ли успела бы собрать даже свою косметичку.

— Почему ты молчишь? — Теперь в ее голосе звучало раздражение. — Ты задумал что-то ужасное, да? Предупреждаю: если ты собрался кинуть в ванну фен, то я его спрятала.

Недели две назад мы с ней посмотрели американский боевик, в котором наемный убийца расправлялся таким образом с неугодными свидетелями — выжидал, пока жертва решит принять ванну, и бросал в воду включенный в розетку фен. Оксану чрезвычайно

впечатлила эта картина, хотя я сомневался, что в реальной жизни дело зайдет дальше обыкновенного короткого замыкания.

— Денис! — Она уже почти кричала. — Почему ты молчишь? Тебе что, все равно?

Отличный вопрос. Было ли мне все равно? Наверное, нет. Да точно нет. Оксана была неплохой девушкой, не слишком умной, но не злой и не подлой. А это в наше время значит немало. Мой школьный приятель Стас, которого подруга кинула на семь тонн зеленых, а потом сдала чеченским бандитам, наверняка бы со мной согласился.

— Нет, — сказал я наконец. — Но ты ведь уже все решила, так зачем зря тратить время?

— Не знаю, — протянула Оксана, — ты мог бы попробовать меня уговорить, чтобы я осталась...

— И ты бы осталась?

— Нет, — она вздохнула, и от белой горы отделилось несколько радужных пузырьков, — но мне было бы приятно.

Не в первый раз я пожалел о том, что не курю. У курильщиков в таких ситуациях масса преимуществ — можно медленно извлекать пачку из кармана, вытаскивать из нее сигарету, щелкать зажигалкой, затягиваться — словом, совершать множество движений, маскирующих твои истинные чувства. Но это все не для меня: перед армией я активно занимался подводным плаванием, не вылезал из морского клуба «Волна» при МАИ, за пять лет объездил все побережья страны — от Белого моря до Камчатки. А курить в клубе считалось дурным тоном. Так что мне пришлось просто скрестить руки на груди и прислониться к исцарапанному боку старой стиральной машинки.

— Ты только не обижайся, — попросила Оксана, — ты хороший парень, но...

— Можешь не продолжать, — сказал я, — все и так понятно.

— Мы слишком разные, — неуверенно проговорила она.

Ну да, разные. Меня всегда удивляло, как можно целыми днями валяться на диване, смотреть идиотские мексиканские мыльные

оперы и есть консервированные ананасы. Кто-то ей сказал, что ананас сжигает в организме жир. С тех пор Оксана просто помешалась на ананасах, а поскольку натуральные были нам не по карману, ежедневно опустошала по две-три банки ананасных ломтиков в сиропе. И при этом удивлялась, почему это ей никак не удается похудеть. Я пытался объяснить ей, что в одном только сиропе калорий больше, чем в куске шоколадного торта, но куда там.

— И потом, мне надоело это безденежье! Ты даже на работу нормальную устроиться не можешь, только и делаешь, что бомбишь на своей тачке! На бензин больше уходит, чем ты зарабатываешь! А девушке, между прочим, нужны деньги, чтобы всегда хорошо выглядеть. Знаешь, сколько сейчас стоит приличная тушь?

Что ж, вот с этого и надо было начинать.

— Нормальная причина, — сказал я. — Гораздо лучше, чем первая.

— Какая — первая? — удивилась она.

— Ну, что мы разные. Все люди разные, если уж на то пошло.

Несколько секунд ушло на обдумывание этой информации.

— Ага, ты хочешь сказать, что я ухожу из-за денег?

— Я хочу?

— Ты всегда вывернешь все так, как тебе выгодно!

Конечно, она себя накручивала. И совершенно зря, между прочим, — с деньгами у нас действительно было плохо. Нормальную работу найти не удавалось, а жгучего желания сторожить дорогие машины на автостоянке или втюхивать доверчивым согражданам продукцию «Гербалайф» у меня не возникало. Спасибо отцу, антиварная наша «Волга», купленная им еще в семьдесят лохматом году на заработанные на Кубе боны, по-прежнему бегала, как новенькая.

— ...ты даже не слушаешь, что я говорю!

Голос Оксаны вернул меня к реальности. Она уже не сидела в ванне — стояла, уперев руки в бедра, и пена клочьями сползала с нее, плюхаясь в воду. В целом вся картина напоминала классический сюжет «рождение Афродиты из морской пены», только Афродита, как мне кажется, была более стройной и не такой злой.

— Давай не будем ругаться, — попросил я. — Ты решила уйти — уходи. Совершенно не обязательно делать это со скандалом.

Конечно, мне следовало быть тверже и при этих словах выйти из ванной. Потому что только идиот бы не понял — она с самого начала настроилась на ссору. И избежать ее можно было только одним способом — прекратить разговор. Почему я этого не сделал? Возможно, потому, что смотреть на голую Оксану мне было по-прежнему приятно, и она это, разумеется, прекрасно знала. Девушки, даже не очень умные, отлично разбираются в таких вещах.

В конце концов мы все-таки поругались. И продолжали ругаться, пока Оксана в одних трусиках бегала по квартире, собирая свои вещи. Она кричала на меня каким-то визгливым голосом, а я отвечал ей, стараясь говорить спокойно, но чувствуя, как внутри у меня все дрожит от желания заорать в ответ. А потом зазвонил телефон и Оксана, схватив трубку, сказала совершенно другим тоном:

— Да, я уже почти готова, подожди еще пять минут.

И посмотрела на меня с вызовом. Мне вдруг стало смешно: я вспомнил, как мы познакомились. Это случилось полгода назад, в июне, поздно вечером. Оксана с подружкой голосовали у метро «Новогиреево», пытаясь поймать машину до Реутова. Денег у них было мало, поэтому везти их никто особенно не торопился. А для меня тот день складывался вполне удачно: я целый день катал по Москве какого-то делового парня, у которого было назначено несколько встреч в разных концах города — то на проспекте Вернадского, то на «Водном стадионе», то на Пречистенке, — и заработал столько, что можно было до конца недели не думать о деньгах. Мне стало жаль двух девчонок, которым шустрые азеры, промышляющие извозом у метро, предлагали доехать «за так», и я повез их в Реутов. Сначала мы высадили подругу, и Оксана пересела ко мне на переднее сиденье, показывая дорогу. Мы заехали в тихий зеленый двор (ну, то есть я предполагаю, что он был зеленым, — на самом деле была уже ночь и деревья скорее угадывались в темноте) старого четырехэтажного дома, и там она протянула мне две мятые бумажки. Я покачал головой — я еще в пути решил, что

не возьму с них денег. Когда удача улыбается тебе, нельзя быть жадным, иначе в следующий раз она улыбнется кому-нибудь другому.

Воцарилось неловкое молчание. Оксана была в коротенькой джинсовой юбке, и я старался не смотреть на ее соблазнительно круглые коленки.

— Хотите пива? — спросила она неожиданно. — Или вы торопитесь?

Июнь был жарким, а ночь — душной и безветренной. Я подумал о том, что бутылка холодного пива пришлась бы очень кстати, и не стал отказываться.

Мы доехали до ночного ларька и купили две пластиковые бутылки пива «Монарх». Холодным его назвать мог разве что обитатель экватора, но и теплым оно все-таки не было. В итоге мы просидели на лавочке перед Оксаниным подъездом до пяти утра, болтая о всяких пустяках. На следующий день я позвонил ей и предсказуемо пригласил сходить в кино. А спустя две недели она переехала ко мне в Кузьминки.

Тогда она была совсем другой — веселой, заводной девчонкой, с которой было хорошо в постели и легко в любой компании. Ссориться мы стали гораздо позже, осенью, когда начались проблемы у моей сестры Нasti. Сестра заканчивала школу и собиралась поступать на юридический. Понадобились деньги на репетиторов, причем по каждому из профильных предметов, поскольку успехами в учебе Настя похвастаться не могла. Денег требовалось много, и это сразу же сказалось на нашем и без того довольно тощем бюджете. А потом случилась история с Русланом, и мы поругались уже всерьез.

Мой одноклассник Руслан, как и многие из моих школьных друзей, после армии ушел в криминал, или, как было принято выражаться в его кругу, «в мафию». Ездил на подержанной «бэхе», носил «Адидас» с тремя полосками, таскал с собой тяжелый пистолет ТТ и время от времени устраивал шумные потасовки в любимом заведении южнопортовых бандитов — баре «Тюльпан». При всем этом он был нормальным парнем, из которого при других условиях

вполне мог бы получиться толковый инженер — в разных там же лезках он разбирался бесподобно. В конце октября, когда наши с Оксаной ссоры приобрели удручающее постоянный характер, Руслан позвонил мне и предложил «срубить деньжат по-быстрому».

От меня требовалось подъехать на своей машине в район Марьина Роща и постоять, не выключая мотора, в одном из переулков. За это Руслан сулил мне пятьсот баксов — примерно столько я зарабатывал за две недели обычного извоза.

Внутренний голос шептал мне, что за простое ожидание в машине столько денег не платят, и, разумеется, был прав. Полчаса я скучал за рулем, прикидывая, сколько бензина сожрет работающий вхолостую мотор, а потом где-то совсем рядом загрохотали выстрелы, и мне стало не до скуки. Из-за угла выскочили трое парней в спортивных костюмах, у одного в руках была большая набитая чем-то сумка, у двух других — пистолеты. Я едва не газанул с места, но вовремя узнал в одном из них Руслана.

С треском распахнув дверцы «Волги», парни прыгнули в машину — двое на заднее сиденье, Руслан рядом со мной.

— Гони! — крикнул он незнакомым, срывающимся голосом.

Я не заставил просить себя дважды. «Волга», как выпущенное из пушки ядро, вылетела из переулка и понеслась в сторону Шереметьевской улицы — маршрут я от нечего делать прикинул заранее, еще не зная, что придется спасаться бегством.

— Не туда! — выругавшись, рявкнул Руслан. — Во дворы надо уходить — на трассе они нас с полпинка догонят!

За нами с ревом несся белый «Ниссан Максима». Обычную «Волгу» японец догнал бы без труда, но отцовская «Волга» была необычной. На ней стоял двигатель ЗМЗ-13 мощностью в сто девяносто пять лошадей, и соревноваться с таким движком даже трехлитровому мотору «Максими» было не под силу. Поэтому я отмахнулся от Руслана и вылетел на Шереметьевскую.

Как я и предполагал, «Ниссан» довольно быстро начал отставать. Когда расстояние между нами увеличилось до ста метров, из окна белой машины полыхнуло пламя.

Впоследствии мне нередко приходилось выступать в роли живой мишени — в меня стреляли из многих разновидностей огнестрельного оружия, включая минометы, — но в первый раз это ощущение трудно даже с чем-то сравнить. Я почувствовал себя очень большим, моя спина стала такой широкой, что, казалось, заняла собой все пространство салона. Одновременно перед глазами промелькнули живописные кадры из голливудских боевиков — залитые кровью затылки, заляпанное мозгами ветровое стекло, развороченное автоматной очередью тело водителя, навалившееся на руль. Гораздо позже я узнал, что прицельно выстрелить с такого расстояния из несущейся на огромной скорости машины невозможно — и наши преследователи открыли огонь не потому, что надеялись подстрелить кого-то из нас, а просто от досады. Но тогда мне было не до рассуждений.

Я на предельной скорости долетел до Звездного бульвара, свернул на него, описав широкую дугу, и ушел на улицу Годовикова. Места эти я знал хорошо — после того как отец вернулся с Кубы, нам дали большую трехкомнатную квартиру на проспекте Мира, около метро «Щербаковская». Когда я вернулся из армии, мама разменяла просторную трешку на двухкомнатную в Медведкове — для себя и Насти — и однокомнатную в Кузьминках — для меня. Но так или иначе, я прожил в этом районе почти десять лет.

«Ниссан» безнадежно отстал, но я не сбрасывал скорость. Вылетев на проспект, я внаглу развернулся через две сплошные и помчался в направлении ВДНХ. Не доехая гостиницы «Космос», повернул направо и через несколько минут был уже в Сокольниках.

— Ну ты гонщик, — сказал Руслан одобрительно. — Шумахер отдыхает!

Я не ответил. Моя правая нога, та, которой я только что изо всех сил выжимал педаль газа, дрожала так, словно через нее пропускали электрический разряд.

— Ё, — сказал один из парней за моей спиной и нервно хохотнул, — ё, пацаны, я уж думал — все, отбегались...

— Слышь, — второй перегнулся мне через плечо и задышал в ухо, — четкая у тебя тачка! Может, продашь? Сколько хочешь?

Прежде чем я успел послать его по известному адресу, Руслан резко обернулся к нему и рявкнул:

— Замолкни, Гусь! Если б не Денис, чехи тебя уже на куски бы порезали...

Так, значит, это были чеченцы, подумал я. Замечательно. Интересно, они запомнили номер?

Я подождал, пока утихнет дрожь в правой ноге, и уже спокойно, не нарушая ПДД, отвез своих опасных пассажиров по тому адресу, который назвал мне Руслан. На прощанье мой школьный товарищ сунул мне тонкую пачку зеленых банкнот.

— Это типа премия, — сказал он.

Приехав домой, я пересчитал деньги. В пачке оказалась тысяча долларов — в два раза больше, чем обещал мне Руслан.

Вот с этого-то все и началось. Когда Оксана увидела деньги, то буквально завизжала от радости.

— Ура! Теперь мы поедем в Турцию! И еще на дубленку мне хватит!

Но я разделил пачку надвое и убрал пятьсот баксов в ящик стола. Там у меня лежала прискорбно тощая заначка, предназначенная для оплаты будущей Настиной учебы в институте.

— Ну ты и жмот, — сказала Оксана, поджав губы. — Куркуль, вот ты кто!

Я мог бы сказать ей, что заработал эти деньги в буквальном смысле рискуя жизнью; что она тоже могла бы оторвать свою задницу от дивана и попробовать устроиться на работу (по специальности она была логопедом); что тысячи долларов в любом случае не хватит на Турцию и на дубленку — в общем, я мог бы сказать ей многое, но промолчал. Я молча протянул ей вторую половину пачки, оделся и вышел из дома. До утра я гулял по пустому Кузьминскому парку, страшно замерз, а когда вернулся, Оксаны в квартире не было. Она приехала к вечеру следующего дня, веселая и раскрасневшаяся, и я не стал спрашивать, где ее носило почти двое суток. С тех пор мы почти не разговаривали, и стало ясно, что наша

совместная жизнь не просто дала трещину, а со свистом в эту трещину провалилась, словно звезда, коллапсирующая внутрь себя.

— Я же сказала, выйду через пять минут! — повторила Оксана в трубку. Видимо, специально для меня.

Подразумевалось: кто-то, гораздо лучше тебя, уже приехал за мной и готов ждать меня у подъезда сколько понадобится. Потому что когда Оксана говорила «через пять минут», это могло означать от пятнадцати минут до получаса.

Я подошел к окну и выглянул во двор. У подъезда стояла некогда белая, а теперь грязновато-серая «Тойота Королла» с длинной, похожей на удочку, антенной на крыше. К ней разболтанной походкой шел от будки телефона-автомата южного вида брюнет в кожаной куртке с меховым воротником. Руки он держал в карманах куртки. Редкие снежинки, медленно падавшие с темного неба, белели у него в волосах, как ранняя седина.

— Это Тарик, — с плохо скрываемым торжеством в голосе объяснила Оксана. — Он хочет познакомить меня со своими родителями! Они в Стамбуле живут.

— Поздравляю, — сказал я. — Пришли открытку с берегов Босфора.

Она прищурилась.

— Знаешь, мне тебя даже жаль. Ты просто злобный и завистливый неудачник...

Логики в ее словах было мало, но я уже к этому привык.

— Сумку помочь донести? — спросил я.

— Обойдусь! Если что забыла — позвоню.

Я смотрел, как Оксана выходит из подъезда, как побегает к Тарику (который, разумеется, не сделал даже попытки забрать у нее тяжелую сумку), бросается к нему на шею, целует. Как садится в машину и уезжает — из моего двора, из моей жизни.

Когда «Тойота» исчезла из виду, я задернул шторы и лег на диван, глядя в потолок. В голове было пусто, как в предназначенном на слом доме, из которого выехали жильцы. Я лениво подумал о том, что в холодильнике лежит бутылка «Столичной», но эта мысль не

вызвала у меня никакого энтузиазма. Напиваться в одиночку из-за того, что тебя бросила девушка, — на мой взгляд, отдает нездоровым декадансом Серебряного века. «Что ж, камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить». Выпить с кем-нибудь из приятелей — другое дело. Но, конечно, никаких слез и соплей в жилетку — я этого вообще не перевариваю. Просто суровые мужские посиделки за бутылкой водки и банкой шпрот, немногословные беседы о политике и автомобилях. Проблема была только в приятеле. С одноклассниками я почти перестал общаться, переехав в другой район. Армейские друзья разбросаны по всей стране — от Краснодара до Новосибирска. С ребятами из клуба подводного плавания связь потеряна — за те два года, что я провел на китайской границе, демократичная «Волна» превратилась в пафосный дайвинг-центр «Десса» с заоблачными ценами и совсем другим контингентом.

Нельзя сказать, чтобы у меня совсем не было друзей. Но в тот момент мне и вправду показалось, что я совершенно одинок.

И теперь, один в пустой квартире, глядя в равнодушный белый потолок, я вновь вспомнил давний вечер в гараже, рассказ о сказочной золотой стране Эльдорадо и почувствовал, как сильно мне не хватает отца.

И одновременно в сердце вонзилась зазубренная игла, как бывало всегда, когда я думал об отце и о том, что бы он сказал, увидев меня сейчас. Меня, двадцатирехлетнего, опустошенного и бесмысленного, как медуза, выброшенная на берег. У меня не было ни работы, ни денег. От меня ушла девушка, потому что я не мог обеспечить ей красивую жизнь и свозить ее в Турцию. У меня не было даже высшего образования, потому что из института военных переводчиков меня выгнали спустя месяц после смерти отца.

— Ты неудачник, — сказала на прощание Оксана.

Ее слова меня не задели, потому что я знал, чем они были продиктованы. Обычным желанием девушки сделать больно своему бывшему парню. Но мне не давала покоя мысль о том, что, если бы мой отец увидел меня сейчас, он сказал бы то же самое.

Я встал, прошел на кухню и вытащил из-под морозилки заиндейцевшую бутылку «Смирновской». Отвинтил пробку, достал из шкафчика стакан. Налил почти до краев. Огляделся в поисках какой-нибудь закуски.

В этот момент в прихожей заверещал телефон.

Я снял трубку, почти уверенный, что это звонит Оксана — сообщить, что забыла у меня что-то безумно важное. Это было бы в ее стиле.

Но это была не Оксана.

— Здорово, Дэн, — сказал мой криминальный приятель Руслан. — Я к тебе подъеду через полчасика, сможешь выйти на пару минут? Перетереть кое-что надо.

— Лучше ты поднимись, — ответил я. — Я сегодня один. И, кстати, составишь мне компанию.

— Не, — сказал он, — это в другой раз. Труба зовет. Давай, через полчаса у тебя во дворе. Тут с тобой познакомиться хотят.

— Кто? — спросил я, но Руслан уже отключился.

Я сожалением посмотрел на стоявший на столе стакан. Неожиданные звонки Руслана обычно предвещали срочную и хорошо оплачиваемую работу, а правило «выпил — за руль не садись» еще никто не отменял.

Если бы я знал тогда, что этот короткий телефонный разговор и последовавшая за ним встреча изменят всю мою жизнь, то выпил бы водку залпом, не задумываясь. Бывают моменты, когда поезд судьбы, мчащийся по накатанным рельсам, вдруг сворачивает совсем на другой путь. Догадаться о том, что такой момент наступил, можно только по слабому скрежету железнодорожной стрелки, а звук этот обычно заглушают тысячи привычных уху шумов. Не услышал его в тот вечер и я. Но невидимый стрелочник уже взялся за заржавевший рычаг и, кряхтя от натуги, принялся за дело.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«ПЕРЕЦ И СОЛЬ»

Вечером того самого дня, который начался схваткой с двумя наемными убийцами, я въехал во двор гостиницы «Перец и соль» на окраине Саламанки.

Мой конь, норовистый вороной трехлетка по имени Мавр, был весь в мыле. Я соскочил на землю, сунул поводья подбежавшему мальчишке и кинул ему серебряную монету — чтобы ухаживал за Мавром как следует. Одна из заповедей, которые мне и братьям преподал мой отец, — настоящий иdalъго никогда не жалеет денег на уход за своим конем и своим оружием. Даже если денег у него нет.

С деньгами у меня и вправду было не густо. За вычетом отданной конюху монеты в кошельке оставалось пять реалов — этого должно было хватить на комнату под крышей и горячий ужин у очага, но и только. В последнее время под разговоры о несметных сокровищах Индий цены в Испании начали резво расти. Подчеркиваю — под разговоры, потому что самих сокровищ никто еще в глаза не видел. Но во всех портовых кабаках прибывшие из-за Моря-Океана матросы рассказывали истории о золотых россыпях и изумрудах размером с голубиное яйцо, которые якобы валяются в Индиях под ногами — знай себе нагибайся и подбирай. Один кривой моряк даже гордо демонстрировал мне такой «изумруд» — конечно, то была просто стекляшка, во всяком случае, лезвие ножа оставило на ней глубокую царапину. Как бы то ни было, Кастилия и Леон жили в лихорадочном ожидании золотой лавины, которая

должна была со дня на день хлынуть из новых заморских владений испанской короны. И, пользуясь этими настроениями, лавочники и владельцы постоянных дворов постоянно взвинчивали цены...

Хозяин гостиницы, пузатый краснолицый Фелипе по прозвищу Португалец, вышел из дверей мне навстречу, улыбаясь и делая вид, что очень рад моему визиту. Впрочем, возможно, он и впрямь был рад — в отличие от некоторых своих однокашников по университету, я никогда не расплачивался долговыми расписками.

Еще одна заповедь моего батюшки — настоящий идальго всегда помнит о том, кому сколько должен, а если кому-то одолживает, то сразу же об этом забывает. Память на числа у меня скверная, поэтому я предпочитаю в долг не брать.

— Как обычно, молодой сеньор? — спросил он, хитровато щуря маленькие глазки.

— Да, Португалец, — ответил я лаконично. Оба мы знали, о чем идет речь.

Как и многие школьники университета Саламанки, я снимал в городе квартиру. Не ахти что, разумеется, — две комнатки в ветхом, мрачного вида доме на улице Сан-Себастьян. Обходилось мне это жилье совсем недорого, но у такой дешевизны была, разумеется, оборотная сторона — домовладелица, безобразная бородавчатая старуха по имени Анхела, которой, по общему мнению всех моих друзей, гораздо больше подошло бы имя Фурия. Эта старая карга, чьи жизненные соки высохли не меньше полувека назад, запрещала своим жильцам все скромные радости студенческой жизни. Нельзя было играть на гитаре и петь песни; под строгим запретом были веселые пирушки; нечего было и думать о том, чтобы держать домашних животных. И разумеется, ни о каких женщинах Анхела не желала слышать. Подозреваю, что единственной особой женского пола, которую она все-таки пустила бы на порог, была Смерть, но та сама не торопилась с визитом к вздорной старухе.

И что хуже всего, сеньора Анхела была не одинока в своей угрюмой войне со школьниками: почти все домовладельцы и домовладелицы Саламанки в большей или меньшей степени придерживались

взглядов, которые показались бы чересчур суровыми даже фра Савонароле. А те немногие, что смотрели на студенческие забавы сквозь пальцы, сдавали квартиры молодым людям из богатых семей. И совсем за другие деньги.

Ничего удивительного, что среди школяров университета были очень популярны гостиницы, где можно было закатить дружескую попойку на всю ночь, куда можно было привести девчонку и где хозяин никогда не задавал лишних вопросов. Если, разумеется, во время получал плату, весьма, впрочем, умеренную.

Одним из таких мест и была гостиница «Перец и соль».

Я скинул запылившийся дорожный плащ на руки служанке и прошел в умывальню. Там на широкой мраморной скамье стояли медные тазы с горячей и холодной водой, кувшин для ополоскивания, ковш и латунное блюдо с куском ароматного мыла. Все это мавританские штучки; у нас в Толедо считается в порядке вещей умыться водой из колодца и утереть пот полотенцем, пропитанным лавандой. Мой дед, благородный дон Гомес де Алькорон, гордился тем, что мылся два раза в жизни — перед свадьбой и перед аудиенцией у короля Кастилии. Третий раз, говоривал он, меня вымывают уже после того, как я отдаю душу нашему Господу. Впрочем, до этого события еще далеко: дед жив до сих пор и крепок, как столетний дуб, хотя и не тверд разумом — порой принимает меня за герцога Медина-Сидонию и собирается отвоевывать у эмира Гранаду¹. В отличие от нас, мавры просто помешаны на телесной чистоте: в их городах бань было едва ли меньше, чем мечетей, и чем знатнее был мавр, тем больше времени он проводил в парильнях и бассейнах. Мало-помалу их обычай начинают проникать и в нашу жизнь: среди молодых дворян юга уже несколько лет считается шиком душиться мавританскими благовониями и мыть голову с мылом.

Поскольку мне вскоре предстояла весьма важная встреча, я решил последовать южной моде. Я разделся и с наслаждением смыл

¹ Эмирят Гранада, последнее из владений арабов на Пиренейском полуострове, был завоеван кастильцами в 1492 г.

с себя пот и пыль недавней бешеной скачки. Неглубокая рана на плече, заботливо перевязанная юной Паолой, уже не кровоточила. Я брезгливо отшвырнул побуревшую тряпицу в угол и стер влажной губкой засохшие потеки крови вокруг царапины. Шрамы — единственное достойное украшение мужчины, любит повторять мой батюшка. Будем считать, что я приобрел это украшение специально для сегодняшнего свидания.

Помывшись, я с наслаждением вытерся подогретым полотенцем и переоделся в чистое. В седельной суме у меня с собой была свежая полотняная рубашка и тонкие шелковые панталоны; там же лежал чудом не пострадавший в утренней схватке зеленый камзол. Он, конечно, немного помялся, но зато на нем не было ни единого пятнышка.

Я позвал слугу и, отдав ему еще один реал, получил взамен крошечный пузырек с жасминовым маслом. Содержимого его едва хватило, чтобы помазать немного под мышками, за ушами и вокруг шеи. Запах, однако, был такой сильный, что у меня даже закружилась голова.

Затем я поднялся наверх, на третий этаж. Там у меня есть комната — или, правильнее сказать, там расположена комната, которую Португалец отдает в мое распоряжение в особые дни. Комната небольшая, но уютная, обставленная в восточном стиле — низкий мягкий диван, набитые пухом подушки, начищенный до золотого блеска кальян. Тут, в этой комнате, пробегают — увы, чересчур быстро! — самые прекрасные, самые волнующие мгновения моей жизни.

Было, конечно, еще слишком рано. Фелипе отправился выполнять мое поручение не больше получаса назад. Пока он доберется до улицы Всех Святых, пока переговорит со служанкой, пока служанка передаст его слова своей госпоже... по всему выходило, что мне предстояло ждать еще час, а то и полтора.

Я разжег кальян, не спеша выкурил его, потом откинулся на подушки и позволил себе закрыть глаза. Сделал я это зря, потому что перед моим внутренним взором тут же поплыли картины сегодняшнего длинного дня: схватка с наемными убийцами, разговор

с альгавазилом, заплаканное лицико Паолы, стелющаяся под копытами Мавра белая, выжженная солнцем дорога... Я и сам не заметил, как провалился в сон.

На этот раз пробуждение было более чем приятным. Маленькая прохладная ладонь нежно гладила меня по волосам, тихий ласковый голос звал меня по имени:

— Диего, мой милый Диего!

— Лаура! — прошептал я, открывая глаза.

Конечно, это была она — прекрасная, как сон, золотоволосая, голубоглазая Лаура, так непохожая на наших кастильских красавиц. Ее мать — северянка, родом из Англии, и только за одно это я готов смириться с существованием проклятых англичан.

Два чувства боролись во мне — радость от того, что моя любовь сидит на диване рядом со мной, такая близкая и волнующая, и стыд за то, что я уснул, не дождавшись ее прихода. Уснул, как последний бродяга, добравшийся наконец до мягкой постели.

— Бедный Диего, — улыбнулась Лаура, словно прочитав мои мысли, — ты, наверное, ужасно устал. Дон Фелипе сказал мне, что ты скакал целый день и целую ночь...

Португалец отродясь не был доном, да и ночь я провел на мельнице у Хорхе, но поправлять Лауру я не стал.

— Ерунда, — сказал я бодро и привлек девушку к себе. — Я же спешил к тебе, любовь моя.

Она отстранилась — не настолько резко, чтобы оттолкнуть меня, но все же довольно решительно.

— Диего, нам нужно поговорить... У меня очень мало времени...

— Неужели Мартина разучилась лгать своей старой глупой дуэнье? — улыбнулся я.

Тут необходимо сделать одно пояснение.

Не знаю, как обстояли дела в прежнее время — если верить моему деду, тогда нравы были гораздо проще, — но в той Испании, где прошла моя юность, отношения между молодыми иdalго и девицами благородного происхождения были затруднены до крайности. Знакомства происходили обычно или на балах, или в церкви,

во время длинных торжественных богослужений; затем наступал длительный этап обмена письмами и записочками, которые передавались через слуг и служанок. На этом этапе часто разгорались нешуточные страсти, вот только выхода для них не было, потому что оказаться наедине молодые люди не могли. Девиц повсюду сопровождали строгие дуэны, а дочерей особо ревнивых отцов — еще и мрачного вида здоровяки, вооруженные деревянными дубинками. Но, разумеется, подобное положение устраивало далеко не всех. Наиболее распространенной уловкой были так называемые вечера у подруги. Выглядело это так: девушка в сопровождении своей дуэны отправлялась в гости к подруге, а там они запирались в удаленных покоях, снабженных потайным выходом. Пока их дуэны спокойно потягивали винцо у камина, перемывая косточки своим подопечным, а телохранители резались в кости в людской, влюбленная девушка, закутавшись в плащ и скрыв лицо под вуалью, со всех ног бежала к предмету своей страсти. Такие свидания обычно происходили в гостиницах, подобных «Перцу и соли», хозяева которых извлекали из них немалую выгоду.

Из сказанного уже понятно, что подругу и наперсницу моей Лауры звали Мартина, а ее дуэнья не отличалась особой сообразительностью. Напротив, дуэнью Лауры обвинить в глупости было нельзя; она с самого начала подозревала, какую игру ведет ее подопечная, поэтому мне приходилось через того же Португальца время от времени делать ей щедрые подарки.

— Мартина по-прежнему изобретательна, — ответила Лаура необычайно серьезным тоном, — и дело не в ней. Дело во мне.

Я все еще ничего не понимал.

— Ты что же, разлюбила меня? — спросил я, шутливо грозя ей пальцем.

Девушка вспыхнула — румянец прокатился на ее щеках цвета слоновой кости, словно жар углей, на которые неожиданно дунул ветер.

— Как ты только можешь говорить так, Диего? Ты же знаешь, что я люблю тебя всем сердцем и буду любить, даже когда... даже когда смерть придет за мной...

— Перестань, — я приложил палец к ее задрожавшим алым губкам, — не смей говорить глупости. Мы молоды и счастливы, к тому же скоро поженимся. Я говорил с отцом, в следующем месяце он поедет в Саламанку по делам и встретится с сеньором Гусманом...

Сеньор Бернардо Гусман, отец моей Лауры, был главным судьей Саламанки. Весьма влиятельная и могущественная личность, но далеко не такая знатная, как мой батюшка.

В следующую секунду Лаура произнесла слова, которые разбили все мои надежды на прекрасное будущее — разбили так, как пушечное ядро разносит хрупкое витражное окно собора — вредяги.

— Ничего не выйдет, — прошептала моя возлюбленная, — мой отец уже дал согласие графу Альваресу де ла Торре.

— Что? — вскричал я, вскачивая на ноги.

Альварес де ла Торре был старше меня всего на два года, но богаче примерно на два миллиона реалов. Подобно мне, он был младшим сыном своего отца, старого графа де ла Торре, героя итальянских кампаний. Как у младшего наследника, у Альвареса не было прав на великолепный дворец в Толедо или фамильный замок Торре-дель-Франко в горах Эстремадуры, зато он пользовался неограниченным доступом к семейным деньгам. А старый де ла Торре вывез из Италии столько золота, что мог в случае необходимости выручить деньгами самого короля Карла.

Мне хотелось бы написать, что молодой Альварес был некрасив, кривоног и кособок и пользовался успехом у женщин лишь благодаря своему богатству. Однако это было бы ложью: молодой граф де ла Торре был сложен как Аполлон, а лицом напоминал Антиноя. Во всяком случае, так шептались о нем дамы при дворе в Толедо, где он блестал на балах и турнирах.

Там мы с ним и познакомились около года тому назад, на торжественном приеме, посвященном приезду французского посланника. Это был один из тех редких случаев, когда отец взял меня с собой ко двору: батюшка мой имел право являться во дворец, когда ему

вздумается, дарованное еще его католическим величеством Фердинандом. Альварес произвел на меня тогда двойственное впечатление: я не мог не отдать должное его умению вести себя в высшем обществе и тому, как умело он танцевал даже самые сложные танцы, но меня покоробила его манера разговаривать с собеседником как будто бы с высоты замковой башни¹. В общем, молодой граф был не из тех людей, с которыми я стал бы водить дружбу; впрочем, и он вряд ли стал бы искать моего расположения.

Известие о том, что Альварес де ла Торре просил руки моей Лауры и получил согласие ее отца, скорее ошеломило меня, чем расстроило. Несомненно, Лаура по праву считалась красавицей; более того, благодаря смешанной крови красота ее была весьма редкой, необычной для наших земель. Но, как я уже упоминал, знатностью ее семья похвалиться не могла. Бернардо Гусман, ее отец, был выходцем из семьи торговца тканями и своим постом городского судьи был обязан исключительно собственным незаурядным способностям. Казалось невероятным, чтобы такой родовитый идальго, как Альварес де ла Торре, решился бы на брак с девушкой столь низкого происхождения. Употребляя здесь слово «низкого», я вовсе не хочу оскорбить мою Лауру. То, что моя любовь происходит из мещанского сословия, нисколько не влияло на мои чувства; более того, я даже радовался этому, потому что Лаура была непосредственней, веселей и проще многих моих знакомых девиц из дворянских семей. Но то, что хорошо для меня, младшего сына обедневшего идальго, вовсе не обязательно было привлекательным в глазах графа де ла Торре. Однако не мог же я в глаза сказать своей любимой: «Извини, дорогая, мне кажется весьма странным, что человек, немногим уступающий знатностью королю Испании, решил взять тебя в жены, — ты ведь всего-навсего дочь городского судьи». Поэтому я ограничился удивленным восклицанием:

— Что?..

Лаура схватила меня за руку и усадила обратно на диван.

¹ Тут в рукописи игра слов: Torre по-испански и означает «башня». — Прим. Дениса Каронина.

— Тише, Диего, ты переполошишь весь дом... Я и сама не знаю, что это на него нашло. Дон Альварес ведь даже не видал меня ни разу — то есть до прошлой недели, когда он вдруг приехал к отцу в сопровождении десятка раззолоченных слуг. А какая у него карета!..

— Значит, тебе его карета приглянулась? — перебил я ее раздраженно.

Лаура засмеялась и быстро поцеловала меня в краешек рта.

— Зато сам он мне ничуть не понравился! Напыщенный, как павлин. Но карета у него впрямь хороша!

Тут я схватил ее за плечи и опрокинул на подушки. Никому не позволено смеяться над чувствами Диего Гарсии де Алькорон!

— Перестань, Диего! — отбивалась Лаура, больше, конечно, для вида. — Ты все платье мне помнешь, медвежонок!

С этим замечанием я, конечно, не мог не согласиться и тут же избавил платье своей возлюбленной от опасности быть помятым, а ее саму — от платья.

— Что ты делаешь, — шептала Лаура, прижимаясь ко мне своим гибким, жарким от страсти телом, — что ты делаешь, мой глупый медведь, я ведь всего лишь на минуточку забежала к тебе, мне нужно скорее возвращаться к Мартине, у меня будут неприятности... Отец стал таким подозрительным в последнее время, он думает, что у меня есть тайный жених, а теперь, когда дон Альварес посватался ко мне, он следит за каждым моим шагом... Ну что же ты делаешь, Диего, милый, разве так можно поступать с порядочной девушкой, это же ужасный грех, так падре всегда говорит на проповеди... Диего, да, мой любимый, да, только не останавливайся, Диего, ты же не станешь останавливаться, правда?

И еще много чего она мне шептала, но из скромности я не стану доверять эти слова пергаменту. Скажу лишь, что, когда мы наконец оторвались друг от друга, в окно уже светила желтая, как золотой дублон, полная луна.

— Пресвятая Дева Мария, — воскликнула Лаура испуганно, — ведь уже ночь! Что, если отец велел послать за мной к Мартине своих слуг?

— Не волнуйся, любовь моя, — сказал я с уверенностью, которой не чувствовал. — Мартина обязательно что-нибудь придумает. А если твой отец все же захочет наказать тебя, то я готов сам все ему объяснить. Тебе нечего бояться.

В больших синих глазах Лауры отразился испуг.

— Ты что, действительно ничего не понял, Диего? Мой отец согласился выдать меня за дона Альвареса. Не знаю, что должно произойти, чтобы он отступил от своего решения...

Она грациозно вскочила с дивана и принялась натягивать плащевые.

— Немедленно отвернись! — потребовала она. — Я не могу перечить воле батюшки, но выходить за этого фанфарона тоже не собираюсь. Когда онсыпал меня комплиментами, я ясно дала ему это понять... Помоги затянуть корсет!

Я безропотно исполнил ее приказание, отметив про себя, что процесс развязывания почему-то всегда сложнее, хотя, безусловно, гораздо приятнее. Лаура повертелась перед высоким, в человеческий рост, зеркалом, стоявшим в углу комнаты, осталась довольна и повернулась ко мне:

— Ну что ты стоишь, как соляной столб, Диего? Одевайся! Ты же проводишь меня?

Прекрасные глаза моей возлюбленной на мгновение затуманились.

— Но постой... перед тем как мы расстанемся, я хочу сделать тебе один подарок...

В руках у нее оказалась маленькая ладанка из потертой коричневой кожи.

— Носи это в память обо мне... только обещай, что обязательно будешь носить! — И она, привстав на цыпочки, повесила ладанку мне на шею. — Ой, а что это у тебя на плече?

Поразительные существа — женщины. Я уже два часа был облачен в один лишь костюм Адама, но Лаура обратила внимание на рану только сейчас.

— Пустяки, — отмахнулся я, наклоняясь за рубашкой.

Девушка тут же подбежала ко мне и, ахая, принялась рассматривать полученную в утренней схватке царапину.

— Почему ты ничего не сказал мне, Диего? Ты ранен? Ты дрался на дуэли, да? Из-за какой-то девки?

Перепады настроения моей любимой сделали бы честь переменчивому осеннему морю. Только что она искренне переживала за мою рану, а теперь была готова вцепиться мне в лицо, приревновав к выдуманной сопернице.

— Нет, — неохотно ответил я, — просто утром на меня напали какие-то негодяи. Я их убил, так что беспокоиться уже не о чем...

Но Лауру мой честный ответ нисколько не удовлетворил.

— Что за негодяи? И что им было от тебя нужно? И где они напали на тебя — на дороге?

— Почему на дороге? — удивился я и только тут запоздало вспомнил, что хозяин гостиницы уверял Лауру, будто я скакал к ней весь день и всю ночь. — Ах да, можно и так сказать... в общем, на постоялом дворе.

Про мельницу старика Хорхе я предпочел не упоминать, потому что Лауре вполне могло быть известно про трех дочерей мельника.

— Так это были наемные убийцы? — не отставала любознательная девушка. Одно слово — дочь судьи. — А кто их послал?

— Откуда же я знаю? Я, видишь ли, расправился с ними прежде, чем они успели представиться. Могу лишь предположить, что у меня появился влиятельный и богатый недруг...

И тут Лаура побледнела так, что я даже испугался — не упадет ли она в обморок. Румянец совсем пропал с ее лица, кожа стала белее алебастра, одни только глаза по-прежнему лучились яркосиним.

— Ох, Диего, — прошептала она, — прости меня, это я во всем виновата...

Я был настолько глуп, что расхохотался в ответ на эти исполненные раскаяния слова:

— Ты? Сердечко мое, так это ты заплатила наемным убийцам, чтобы они зарезали меня во сне? Какое коварство!

Но Лаура не поддержала шутки. Вместо этого она вдруг опустилась передо мной на колени и крепко обняла мои ноги.

— Я выдала нас, любимый... Когда дон Альварес спросил меня, почему я не хочу выйти за него замуж, я намекнула, что мое сердце отдано другому. А когда он прямо спросил, есть ли у меня жених, я так красноречиво опустила ресницы, что он, конечно же, все понял...

— По-твоему, этого достаточно, чтобы подослать ко мне головорезов? — усмехнулся я, поднимая ее и усаживая на диван. — Ты же не назвала ему мое имя, а граф де ла Торре не пророк и не ясновидящий...

— Зато он богач, — вздохнула Лаура. — А моя дуэнья Антонилла — жадная и корыстная тетка. Я уверена, что за пару дублонов она без всякого сожаления продала бы родную мать, если бы только кто-то изъявил желание ее купить. После того как я по своей глупости вселила в сердце графа подозрения, он наверняка обратился к сеньоре Антонилле, справедливо предполагая, что ей известно о моих личных делах достаточно много. А эта продажная душонка за пригоршню золотых шепнула графу твое имя... Вот и получается, что убийц к тебе, мой любимый, послала я...

Надо признать, в словах Лауры был смысл. Я с самого утра ломал себе голову над тем, кто из моих знакомых подходит на роль загадочного недоброжелателя, достаточно богатого, чтобы заплатить убийцам, и достаточно трусливого, чтобы не бросить мне вызов лично, и так ничего и не придумал. Между тем Альварес де ла Торре, о котором я, разумеется, даже не вспомнил, подходил на эту роль идеально: правда, трусом его назвать было сложно, зато из-за своей чрезмерной гордыни он мог просто побрезговать лично убирать с дороги такую мелочь, как я.

Все это выглядело очень логично, но я не мог допустить, чтобы моя возлюбленная мучилась, виня себя в моих утренних неприятностях.

— Граф не стал бы посыпать каких-то негодяев с большой дороги, — возразил я, осушая поцелуями слезы Лауры. — Он вызвал бы меня на дуэль сам.

— Только в том случае, если бы был уверен в своей победе, — всхлипнула девушка. — Отец говорил, что дон Альварес никогда не вызывает более сильных противников...

В других обстоятельствах эти слова прозвучали бы бальзамом для моего сердца, но сейчас мне было не до тщеславных помыслов.

— Вот что, — сказал я твердо, — если это действительно так, мне тем более необходимо увидеться с твоим отцом. Уверен, узнав, на какую низость решился граф, он найдет способ взять назад опрометчиво данное обещание!

В тот момент я и сам верил в это. Сколько же наивна бывает молодость!

— Нет, Диего. — Лаура крепко обняла меня за шею и спрятала лицо у меня на груди. — Не ходи к отцу! Это плохо кончится... Если бы ты только знал, как он обрадовался, узнав, что ко мне сватается сам граф де ла Торре...

— Ну хватит, — оборвал я ее. — Наш род ведет свое начало со времен вестготов, а предки этого Альвареса были всего-навсего разбойниками, грабившими путников в горных ущельях — на том и разбогатели. Да, денег у него больше, но посмотрим, помогут ли они ему, когда я вызову его на поединок!

— Я знаю, Диего, что ты самый храбрый идальго в Кастилии, но умоляю тебя, не ходи к отцу! Тебе лучше уехать домой, посоветоваться с семьей... Я же обещаю тебе затянуть дело с помолвкой, насколько это будет в моих силах. И, прошу тебя, не расставайся с моим подарком!

Ах да, подарок! Я взялся за кожаный шнурок с намерением распустить его и поглядеть, что же скрывается внутри, но Лаура остановила меня.

— Не сейчас, любимый! — На щеке ее блеснула слеза. — Потом... когда ты будешь думать обо мне, а я буду далеко... тогда и посмотришь.

— Как скажешь, сердце мое, — согласился я и принял одеваться, не обращая внимания на причитания Лауры.

— Куда ты? — озабоченно спросила она, перестав всхлипывать.

— Провожу тебя до дома Мартины.
— Но не дальше?
— Сегодня — нет. Но завтра я обязательно нанесу визит досто-
почтенному сеньору Гусману.

— Не вздумай!

Не стану утомлять вас описанием дальнейших препирательств по этому поводу. Кончилось все тем, что я проводил Лауру к дому ее подруги (это было совсем недалеко) и, спрятавшись в темной арке, принялся внимательно наблюдать за воротами.

Спустя полчаса ворота раскрылись, и из них вышли трое — моя возлюбленная, заплаканная и печальная, словно Эвридика, потерявшая своего Орфея, пресловутая дуэнья Антонилла, женщина лет пятидесяти, плотного телосложения и сурового вида, и лысый, как колено, широкоплечий приземистый слуга, вооруженный дубинкой. Никогда прежде судья Гусман не отправлял свою дочь на прогулку с телохранителем; видимо, перспектива родства с семейством де ла Торре и впрямь сделала его чересчур беспокойным.

Что ж, подумал я, придется разочаровать старика. Человек, которому он собирается вручить свое бесценное сокровище, не брезгует пользоваться услугами наемных убийц. Решать, конечно, ему, сеньору Бернардо Гусману, но я бы на его месте серьезно задумался.

Преисполненный сознания своей правоты, я вернулся под гостеприимный кров Португальца, мечтая о том, чтобы наконец выспаться как следует. Знай я тогда, какой сюрприз готовит мне судьба, мне бы ни за что не удалось сомкнуть глаз. К сожалению — или к счастью — людям не дано прозревать будущее. Поэтому, добравшись до своей комнаты, я без сил повалился на мягкие подушки и уснул крепким спокойным сном, ставшим достойной наградой за все треволнения этого долгого дня.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЛШЕБНЫЙ САД

Руслан приехал ровно через полчаса. Было уже совсем темно; с неба, как мягкий пушистый занавес, падал снег.

Серебристая «бэха» Руслана остановилась напротив подъезда. Затемненные стекла не позволяли разглядеть, сидит ли кто-нибудь рядом с Русланом, поэтому я на всякий случай открыл заднюю дверцу. И не ошибся — на заднем сиденье никого не было.

— А вот и Денис, — сказал Руслан, обращаясь к человеку, сидевшему ко мне спиной. Я видел только воротник дорогого кашемирового пальто и поблескивающие черные волосы. — Денис у нас голова. На иностранных языках шпарит лучше, чем я на русском...

Человек в кашемировом пальто поднял указательный палец, и Руслан замолчал.

— Hola, — сказал он по-испански. Он и не подумал повернуться, но мне показалось, что он рассматривает меня в зеркальце заднего вида. — Много о тебе слышал, Денис.

Говорил он мягко, без свойственного русским акцента, и даже, пожалуй, мягче, чем наши преподаватели в институте.

— Добрый вечер, — ответил я вежливо. — Надеюсь, в основном хорошее.

— Разное. Например, я слышал, что ты сейчас сидишь без работы. Это правда?

— Да, — сказал я после секундного колебания. — Это правда.

— Что странно, если ты действительно так хорошо знаешь испанский, — заметил он. — Неужели в Москве никому не нужен переводчик с испанского?

Я пожал плечами.

— Возможно, кому-то и нужен. Но я таких людей, к сожалению, не встречал.

Сразу после армии я пытался устроиться переводчиком или хотя бы референтом со знанием испанского языка, но довольно быстро выяснилось, что на этом рынке предложение значительно превышает спрос.

— А тебе бы хотелось работать там, где твои познания в испанском языке могли бы быть по-настоящему востребованы? — спросил Кашемировое Пальто, по-прежнему разглядывая меня в зеркальце.

Он употребил одну из самых сложных форм в испанской грамматике — сослагательное наклонение, которое не зря считается кошмаром всех студентов, изучающих язык Сервантеса и Лопе де Вега. Я понял, что он задал этот вопрос не потому, что его действительно интересовало мое желание, — он просто проверял, насколько свободно я владею его родным языком. В том, что передо мной испанец, я уже не сомневался. В институте нас, будущих военных переводчиков, особенно тщательно натаскивали на распознавание акцентов и особенностей речи обитателей тех или иных стран. Я готов был держать пари, что мой собеседник родился где-то в южной Испании, скорее всего, в Андалусии.

— Если говорить о том, чего бы мне по-настоящему хотелось, — ответил я, принимая его игру, — то мне хотелось бы жить где-нибудь на побережье Коста-дель-Соль, в белом домике рядом с апельсиновой рощей, и не работать вовсю. Но, поскольку это вряд ли возможно в ближайшем будущем, я готов выслушать ваши предложения.

Он наконец обернулся и с интересом посмотрел на меня. У него было жесткое и даже, пожалуй, несколько хищное лицо с ястребиным

носом и глубоко посаженными черными глазами. Тонкая полоска усиков над верхней губой делала его чем-то похожим на контрабандиста из старого фильма «Касабланка».

— Меня зовут Рикардо, — представился он, протянув мне узкую твердую ладонь. — Где учил язык, Денис?

Внутренний голос шепнул мне, что про ВИИЯ этому человеку лучше не говорить.

— Моя мама испанский преподает в педагогическом.

Он слегка кивнул — видимо, ответ его удовлетворил.

— Что ты скажешь о работе в Южной Америке, Денис?

Южная Америка! Меня с детства манил этот далекий, загадочный континент. Вероятно, это было связано с рассказами отца о Кубе и удивительными вещицами, которые он привозил из своих долгих командировок. Когда мне было лет двенадцать, в районной библиотеке мне попалась книга «Неоконченное путешествие», основанная на путевых записях и дневниках английского военного топографа Перси Гаррисона Фосетта, пропавшего без вести в непроходимых джунглях Мату-Гросу в 1925 году. Фосетт провел в дебрях Южной Америки большую часть своей жизни; он участвовал в сражениях знаменитой «каучуковой войны», которую вели между собой банды работников и плантаторов и регулярные армейские соединения Перу, Боливии и Бразилии, наносил на карту границы государств и неизвестные белому человеку горные хребты, искал затерянные в сельве древние города давно исчезнувших племен. Книга эта произвела на меня сильнейшее впечатление — я несколько месяцев не мог думать ни о чем другом и по ночам видел во сне зеленый многоярусный полог дождевого леса, медленные коричневые воды безымянных рек, слышал крики разноцветных попугаев и пронзительный визг обезьянок-уистити. Позже, уже учась в ВИИЯ, я был уверен, что мои детские мечты скоро сбудутся: выпускники испанского отделения работали по всей Латинской Америке, кроме Бразилии, где государственным языком был португальский, и трех крошечных стран на северо-востоке южноамериканского материка — Гайаны, Суринама и Французской

Гвианы. Как я уже говорил, жизнь довольно жестко скорректировала эти планы.

— Скажу, что это круто, — ответил я честно. — Хотя, конечно, зависит от того, что за работа.

— По специальности, — сказал Рикардо, и резко очерченные губы его дрогнули в слабом подобии улыбки. — Переводчиком с испанского на русский и наоборот.

Он отвернулся — теперь я снова видел только воротник его дорогого пальто — и уже по-русски обратился к Руслану:

— Да, это то что надо. Он говорит на испанском не хуже меня.

— Я за свои слова отвечаю, — хмыкнул Руслан. — Лучше Дениса вам не найти.

Вероятно, при этих словах мне стоило бы преисполниться гордости, но вместо этого я почувствовал легкое раздражение — меня обсуждали, словно корову на базаре.

— Если я выдержал экзамен, — сказал я сухо, — хотелось бы узнать поподробнее, о чем все-таки идет речь.

Руслан перегнулся через спинку водительского сиденья и хлопнул меня по плечу:

— Расслабься, братишка, все путем! Рикардо серьезный бизнесмен, торгует фруктами, цветами, короче, всякой экзотикой. У него есть друзья в Южной Америке, на которых работают наши летчики. Возят там, типа, лекарства, консервы, короче, всякую байду.

— Гуманитарные грузы, — уточнил Рикардо.

— Ну, вот. Летать приходится в такие места, где по-английски никто не рубит, а по-русски тем более. Из-за этого возникают всякие непонятки, а для бизнеса это плохо. В общем, надо помочь пацанам, а заодно и всему прогрессивному человечеству. Я как узнал — сразу про тебя подумал. Ты же у нас полиглот, еще в школе нас испанским ругательствам учил! Иха де пута, бете а ла чингада — видишь, до сих пор все помню!

Рикардо поморщился.

— Денис, — сказал он по-русски, — завтра к трем часам подъезжай по этому адресу.

Он протянул мне визитку, на которой латинскими буквами было написано: «El Jardin Magico, INC»¹, — а ниже кириллицей: «Литовский бульвар, дом 23, строение 5». На обратной стороне визитки была нарисована схема проезда.

— Загранпаспорт у тебя есть?

Загранпаспорт у меня был — спасибо Оксане, которая, мечтая о поездке в Турцию, еще летом заставила меня сходить в ОВИР.

— Значит, захватишь с собой загранпаспорт и две фотографии. Остальное тебе объяснят на месте.

— В Южной Америке?

— Нет, на Литовском бульваре. Нужно будет сделать несколько прививок, но это не больно.

Он помолчал, а потом добавил:

— Надеюсь, ты не подведешь своего друга.

Прозвучало это довольно зловеще. В машине воцарилась напряженная тишина.

— Кстати, — сказал я, снова переходя на испанский, — а что там с деньгами?

Рикардо слегка повернулся голову.

— С деньгами там все нормально, Денис. Это не мой бизнес, поэтому точных цифр я тебе сейчас называть не буду, но могу сказать одно: оплата тебя не разочарует.

— Две тысячи долларов в месяц, — сказал оформлявший мои документы кадровик компании «El Jardin Magico». — Чистыми, на руки, без всяких налогов. Во время рейсов — трехразовое горячее питание. Суточные — двадцать два доллара в сутки. Медицинская страховка с покрытием до пятидесяти тысяч долларов. Для тех районов, в которых вы будете работать, этого вполне достаточно.

Кадровик был серый, пыльный, совершенно безликий. Единственной деталью его облика, за которую мог хоть как-то зацепиться взглядом, были толстые очки в старомодной роговой оправе.

¹ ОАО «Волшебный сад» (исп.)

Он долго заполнял какие-то бланки, медленно, высунув кончик языка, наклеивал принесенные мной фотографии, неумело, одним пальцем, перепечатывал что-то на компьютере. В его кабинете, заставленном металлическими шкафами и стеллажами с унылого вида картонными папками, пахло средством от тараканов.

Трудно было поверить, что дорога в сказочную Южную Америку начинается для меня из этой убогой клетушки. Да и вообще компания «El Jardin Magico» меня разочаровала. Она размещалась в двухэтажном здании бывшего детского сада, окруженном расписными грибочками, покосившимися горками и сломанными качелями. Правда, новые владельцы не пожалели денег на высокий бетонный забор и мощные металлические ворота, за которыми располагалась будка с двумя вооруженными охранниками. Площадка перед главным входом была уставлена иномарками, среди которых выделялись два «Мерседеса-500», «Мазератти» и огромный, как кит, «Линкольн Континенталь». В самом офисе царила атмосфера неестественного оживления — по коридорам сновали клерки в костюмах и галстуках, похожие друг на друга, словно однодневые близнецы, что-то кричали в трубки радиотелефонов потные взъерошенные менеджеры, дробно стучали по клавишам компьютеров секретарши с накладными ногтями и безжалостно высушенными волосами. Через десять минут пребывания в этом бедламе я заподозрил, что активность сотрудников компании носит постановочный характер — как если бы они знали, что за ними следит чье-то всевидящее око, и изо всех сил делали вид, что заняты важными делами. А еще через десять минут решил, что ни за что на свете не соглашусь работать в самом офисе «El Jardin Magico», если мне это вдруг предложат.

К счастью, обошлось. Должность, на которую меня зачисляли в штат компании, именовалась «флай-менеджер», то есть, буквально, «управляющий полетом». Как объяснил мне очкастый кадровик, эту позицию мне предложили потому, что наличие переводчика на борту не было предусмотрено штатным расписанием.

— Ваша задача очень проста. — Он ронял слова с большими интервалами, словно вытряхивал монеты из копилки через узкую щель. — Вы должны. Сопровождать экипаж самолетов нашей компании. Выполнять распоряжения командира экипажа... штурмана... всех остальных членов экипажа. Участвовать в переговорах экипажа с... принимающей стороной. С таможенниками. С полицией. С военными. Переводить все четко, неискажая смысла. Не упуская ничего важного. Не добавляя ничего от себя. Все понятно?

— *Mas o menos*, — ответил я по-испански и, спохватившись, перевел: — Более или менее.

Кадровик не обратил на мою оплошность никакого внимания. Он сосредоточенно возил по столу компьютерной мышью. Стоявший в углу громоздкий матричный принтер застучал, выплевывая листы с договором.

— Испытательный срок — две недели, — продолжал он, глядя в экран монитора. — Если за это время вы не допустите серьезных ошибок, мы оформим другой контракт, сроком на полгода. Если в течение этих двух недель к вам появятся претензии... у экипажа либо у принимающей стороны... такой контракт оформлен не будет. В этом случае вы получите вознаграждение в размере одной тысячи долларов и на этом наши отношения закончатся. Вопросы есть?

— Есть, — сказал я. — С какого момента начинается испытательный срок?

— Формально — с момента подписания договора. Однако вы улетите в Венесуэлу не раньше, чем через неделю, поэтому я отмечу, что испытательный срок начинается с первого января 1995 года.

— В Венесуэлу? — переспросил я странно охрипшим голосом.

Кадровик равнодушно кивнул и подвинул ко мне распечатанный договор.

— Вообще-то наши летчики работают во многих странах Латинской Америки. Но основная база у них в Маракайбо, Венесуэла. Если у вас больше нет вопросов, распишитесь вот здесь.

Он, видимо, ожидал, что я подпишу договор, не читая. Возможно, я бы так и сделал, если бы не уроки Сан Саныча. Так звали одного из наших институтских преподавателей, двадцать лет проработавшего юристом в советском представительстве в ЮНЕСКО, — у нас он вел курс англосаксонского и континентального права.

«Запомните одно простое правило, — говорил Сан Саныч, — прежде чем подписывать любой документ, внимательно прочитайте его и спросите себя, все ли вам в нем понятно. Принято считать, что особенно хитрые условия помещаются в самом конце контракта и набираются мелким шрифтом. Иногда это так, но далеко не всегда. Порой самые каверзные формулировки маскируются под обычные пункты договора, и только опытный юрист может распознать ловушку. Поэтому не стесняйтесь переспрашивать и даже требовать разъяснений. И никогда не подписывайте договор, если вам хоть что-то в нем неясно!»

Я внимательно прочитал договор и ткнул пальцем в параграф под названием «Неразглашение корпоративной информации».

— «Сотрудник добровольно берет на себя обязательство не передавать информацию о деятельности «El Jardin Magico, INC» третьим лицам, включая представителей правоохранительных органов, государственных служащих, прессы и частных лиц. В случае нарушения данного пункта договора компания «El Jardin Magico, INC» имеет право применить в отношении Сотрудника необходимые меры, направленные на предотвращение ущерба от распространения подобной информации».

— Что вас здесь не устраивает? — насторожился кадровик.

— «Добровольно» и «необходимые меры». Что это еще за меры такие?

Кадровик снял очки и принялся протирать их платком.

— Вообще-то это стандартный пункт, который включают в свои договора все крупные компании. Может, вы захотите продать секреты нашей фирмы конкурентам. В этом случае наши юристы, пользуясь этим пунктом договора, возбудят против вас дело и вчи-нят вам иск.

— А если я не хочу принимать на себя такие обязательства добровольно? — спросил я.

— Тогда, молодой человек, извольте вернуть мне договор, — сказал он сердито. — Я и так потратил на вас почти час своего времени.

Я вздохнул и поставил подпись.

Закончив оформляться, я поднялся на второй этаж в бухгалтерию и получил на руки триста долларов суточных — на две недели испытательного срока. Затем заглянул в комнату с табличкой «Сопровождение», где сидела хмурая тетка с огромными золотыми кольцами в ушах.

— Вот вам направление в тринадцатую поликлинику, — сказала она, не отрывая взгляда от детектива в мягкой обложке. — Это на Неглинке. Там сделаете прививки от желтой лихорадки и гепатита. Не тяните с этим, прививка начинает действовать через десять дней, а вам через неделю уже лететь. Сертификат о вакцинации все время возите с собой, его в некоторых странах проверяют на пограничном контроле. Билеты получите прямо в аэропорту, тридцать первое окончко, там сидит наш сотрудник. Есть вопросы?

Признаться, я ожидал большего. Все происходящее было так буднично, так неинтересно, что поневоле создавалось впечатление, будто я собираюсь не в Южную Америку, а в какой-нибудь Сыктывкар.

— Нет вопросов, — сказал я. — Спасибо за консультацию.

Внезапно оказалось, что у меня очень мало времени. Вылетать мне предстояло утром первого января, а на календаре была среда, двадцать четвертое декабря. За оставшуюся до Нового года неделю предстояло переделать множество важных и очень важных дел.

Сразу из офиса «El Jardin Magico» я поехал на Неглинку. В центре города царило обычное столпотворение, по узким улочкам, разбрызгивая колесами жидкую грязь, медленно ползли облепленные серым снегом машины. Пешеходы, спешащие к станциям

метро по плохо убранным тротуарам, чертыхаясь, оскальзывались на ледяных проплешинах, толкались и ругали друг друга, правительство и Лужкова. Я не без труда припарковал «Волгу» в Сандуновском переулке, у знаменитых баний, и, прилагая чудовищные усилия, чтобы не упасть на крутом обледеневшем спуске, направился в поликлинику.

В поликлинике толстая розовощекая медсестра, вид которой наводил на мысли о парном молоке и подрумяненном каравае из печи, сунула мне теплый градусник.

— Если больше тридцати шести и шести, прививку делать не будем! — весело заявила она.

Я сидел в коридоре совершенно один. Никому, кроме меня, в этот снежный декабрьский день не нужна была прививка от желтой лихорадки. Украдкой вытащив градусник, я убедился, что столбик ртути замер на тридцати шести и пяти.

— А если меньше? — спросил я, заглядывая в кабинет.

— Меньше — можно, — улыбнулась жизнерадостная медсестра. — Раздевайтесь, проходите за ширмочку. Вера Геннадиевна, где у нас вакцина от желтой лихорадки?

Пожилая женщина-врач, сосредоточенно писавшая что-то в больничной карточке, неопределенно махнула рукой.

— На второй полке. Первый раз прививаетесь, молодой человек?

— Да, — сказал я.

— В Африку собирались?

— В Южную Америку.

— Там еще малярия, — ободрила меня врач. — От нее вакцины нет. Надо будет пить таблетки, но они очень токсичны. Как у вас с печенью?

В армии я переболел желтухой, но решил, что рассказывать об этом не стоит, и лаконично ответил:

— Не жалуюсь.

— Пьете? — с солдатской прямотой осведомилась Вера Геннадиевна.

— Бывает, — не стал отпираться я.

— Плохо. Впрочем, джин с тоником прописывали английским солдатам в Индии как профилактическое средство от малярии. Но, конечно, дело там было в тонике, а не в джине.

Она поднялась из-за стола, оказавшись совсем маленькой и хрупкой. Мне почему-то стало жаль ее.

— Пойдемте, я сделаю вам прививку. Есть какие-нибудь противопоказания? Аллергия?

Я покачал головой, стянул свитер и футболку и повернулся к ней спиной. Тонкая игла кольнула меня под левую лопатку.

— Можете одеваться. Сутки желательно не принимать душ. Возьмите памятку о профилактике малярии и других тропических заболеваний. С вас восемьдесят рублей.

Я расплатился, поблагодарил и вышел из кабинета. На полпути к гардеробу меня вдруг кольнуло нехорошее предчувствие, и я поспешил обратно.

— Скажите, доктор, а от этой прививки бывают какие-нибудь побочные эффекты?

Маленькая женщина слегка улыбнулась.

— Да, иногда бывают. Может подняться температура. Но это не страшно. Если почувствуете, что вас начинает лихорадить, примите две таблетки аспирина.

По дороге домой я купил пузырек «Алка-зельцера», не раз спасшего меня от похмелья после веселых студенческих попоек. Дома растворил две таблетки в стакане минералки и выпил залпом — для профилактики.

Потом сел к столу и положил перед собой чистый лист бумаги. Нужно было составить список вещей, которые я собирался взять с собой, а также распланировать оставшиеся до отлета дни.

Вынужден признаться, что из этого благого начинания ничего не вышло. Я потратил несколько минут, выводя наверху листа красивыми печатными буквами слова «Подготовка к путешествию в Южную Америку». Покончив с этой работой, я ощутил такой бешеный восторг, что ни о каком составлении списка думать уже не хотелось.

— Я отправляюсь в Венесуэлу! — сказал я громко. И повторил уже по-испански: — La semana que viene iré a Venezuela!¹

Тут я вспомнил, что где-то на антресолях у меня хранилась коробка с институтскими конспектами по страноведению Латинской Америки. Решив освежить в памяти сведения о Венесуэле, я взял стремянку, залез на антресоли и после продолжительных поисков нашел нужную тетрадь.

«Боливарианская Республика Венесуэла, — так начинался конспект, — расположенная на севере Южной Америки, является шестой по величине страной этого континента. Природные ландшафты Венесуэлы чрезвычайно разнообразны. Здесь есть все: тропические леса, обширные равнины-льяносы, широкие реки (главная из которых — Ориноко), покрытые снегом горы (северные отроги Анд), тысячи километров самых красивых в мире пляжей, живописные острова и бухты Карибского побережья. Колумб, открывший Венесуэлу во время своего третьего путешествия в Америку (1498), записал в своем дневнике: «Я нашел рай на земле».

По-испански это звучало как «Paraiso terrenal».

¹ На следующей неделе я еду в Венесуэлу (исп.)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СВЯТАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

— Значит, вы, сеньор, утверждаете, что подверглись нападению неких разбойников и что разбойники эти, по вашему разумению, были подосланы благородным доном Альваресом де ла Торре?

Главный судья Саламанки Бернардо Гусман выражался обстоятельно и точно, как и подобает истому правоведу. Я чувствовал, что мы найдем с ним общий язык — не зря же я два года изучал римское право на юридическом факультете! О том, что в конце второго года меня выгнали из университета за грубое нарушение дисциплины, я предпочитаю не вспоминать. Всякому ясно, что наказание не соответствовало проступку. Подумаешь, выкинул в окно секретаря декана. Okno-to было на первом этаже, а этот мерзкий доносчик и интриган заслуживал по меньшей мере полета с крыши...

— Да, сеньор судья, — сказал я почтительно. — В отношении разбойников у меня нет никаких сомнений, к тому же имеются свидетели — Гонсало Рохас и Фернандо Рамон Хименес из Толедо.

— Которые в момент так называемого нападения крепко спали, — бесстрастно заметил Гусман.

Должен признаться, это замечание застало меня врасплох.

— Откуда вам это известно? — пробормотал я.

— От сеньора Фонсеки, альгавизила Ведьмина Лога. Ведь так, кажется, называется то местечко, где вы с приятелями остановились на ночлег в доме мельника Хорхе?

Осведомленность судьи мне совсем не понравилась. Чего доброго, словоохотливый сеньор Фонсека мог упомянуть и про Паолу с Рамоной.

— Альгавил должен был подтвердить факт нападения, — сказал я сухо. — Это входит в его должностные обязанности.

Бернардо Гусман пододвинул к себе стакан и щедро плеснул туда красного вина. Мне он ничего такого не предложил.

— Сеньор Фонсека написал, что на мельнице были обнаружены два трупа. Оба были заколоты шпагой, причем характер ран свидетельствует, что один из погибших убил другого.

— Я же говорил вам, — прервал я судью с досадой, — я его толкнул, и он налетел на шпагу Верзили...

— Я помню, — все так же бесстрастно отозвался отец Лауры. — А второй погибший якобы напоролся на ваш клинок. Удивительное совпадение, вы не находите?

Я пожал плечами.

— В драке всякое случается, господин судья.

— Разумеется. А теперь мне хотелось бы узнать, отчего вы так уверены в причастности к этому нападению — если допустить, что это было нападение, — благородного дона Альвареса де ла Торре.

Наступал самый опасный момент нашего разговора. Тот самый момент, ради которого я и явился в дом главного судьи Саламанки. Я вдохнул побольше воздуха и, глядя прямо в маленькие подозрительные глазки своего будущего тестя, сказал:

— Оттого, сеньор, что граф собирается жениться на вашей дочери, а она любит меня.

Это его проняло. Рука, державшая стакан с вином, дернулась, и на зеленой скатерти стола расплылось большое темное пятно.

— Вы... вы в своем уме, сеньор Диего?

Я предполагал, что старый судья может отреагировать на подобное признание бурно, поэтому не обратил внимания на эти оскорбительные слова.

— В середине следующего месяца, — продолжал я как ни в чем ни бывало, — мой батюшка, дон Мартин де Алькорон, намеревался

нанести вам визит и договориться о помолвке. К сожалению, граф опередил его. Однако графу стало известно — полагаю, что от дуэни Антониллы, — о том, что между Лаурой и мной...

Тут я замолчал, потому что судья издал какой-то хриплый квакающий звук. Лицо его побагровело, скрюченные пальцы судорожно расстегивали застежки воротника.

— Вам нехорошо, сеньор Бернардо? — осторожно спросил я.

Ответом он меня не удостоил. Справившись наконец с воротником, судья дрожащей рукой поднес к губам стакан и одним глотком выпил вино.

— С вашего позволения, я продолжу. Дон Альварес оказался в сложном положении. Вызвать меня на поединок он не мог, потому что при любом исходе терял Лауру. Если бы граф меня убил, ваша дочь никогда не простила бы ему этого, если бы вышло наоборот... впрочем, это и так понятно. И тогда он решил натравить на меня этих головорезов...

— Доказательства, — каркнул Гусман. — Где ваши доказательства?

Единственным доказательством, которое я мог привести, не покривив душой, было отсутствие у меня иных врагов, кроме молодого де ла Торре. То есть враги-то, конечно, имелись, вот только представить, как тот же секретарь декана нанимает убийц, чтобы отомстить мне за прошлогоднее унижение, было выше моих сил.

Впрочем, я понимал, что подобный аргумент вряд ли убедит судью. Поэтому я сделал скорбное лицо и сказал:

— Перед смертью один из убийц назвал мне имя.

Судья подался вперед.

— Чье имя?

Я вздохнул.

— Ну, ясно же, чье... Человека, который заплатил им за то, чтобы они зарезали меня спящим. И человек этот...

Я искренне надеялся, что мне не придется лгать судье. Пока что я говорил чистую правду — когда Шрам напоролся на клинок Верзилы, он действительно пробормотал что-то вроде «Сантьяго».

Возможно, в последний миг своей жизни он решил возвратить к своему святому, а может, так звали его напарника и он хотел попенять ему за неловкость. Так или иначе, имя было произнесено. А вот что это было за имя, я предпочел бы не уточнять. Поэтому я медлил, ожидая, что нервы судьи не выдержат.

Мой расчет оказался верен.

— Достаточно! — вскричал Гусман. — Это ничего не доказывает! Разбойник мертв, свидетели спали. Любой суд отвергнет подобное «доказательство», сочтя его инсинацией.

— Не забывайте, сеньор, что я и сам будущий правовед, — сказал я с достоинством. — Вы, разумеется, правы. Юридической силы такое доказательство не имеет. Однако, если я подам иск, репутации графа может быть нанесен значительный ущерб. Поэтому я посоветовал бы вам предложить дону Альваресу сделку. Я не стану выдвигать против него обвинений, а он откажется от своих намерений в отношении вашей дочери.

Старик прищурился и бросил на меня странный взгляд. Потом повернулся и громко щелкнул пальцами. Из тени тотчас же выступил старый слуга с красным, словно обветренным лицом.

— Бокал молодому господину, — распорядился Гусман. — Да поживее.

Когда бокал появился, судья сам наполнил его — до краев.

— Давайте выпьем за то, что более всего дорого нашему сердцу, — предложил он.

— С удовольствием, сеньор Бернардо, — сказал я. — В таком случае я хочу выпить за вашу дочь. Я не знаю более драгоценного сокровища...

Старик желчно усмехнулся.

— А я знаю, сеньор Диего. Я уже тридцать лет вершу суд в этом городе и глубоко убежден в том, что главная ценность Божьего мира — это справедливость. Можете не верить мне, мой юный господин, но справедливость мне дороже дочери. Давайте же выпьем за справедливость!

Вино было отменное. Забегая вперед, должен сказать, что больше такого прекрасного вина мне пить уже не доводилось.

— Вот что, сеньор Диего, — сказал судья, провожая меня до дверей, — давайте условимся так. Мне потребуется некоторое время, чтобы связаться с графом и договориться с ним о расторжении помолвки. Скажем, дня два или три. Вас же я попрошу не уезжать на это время из Саламанки — возможно, ваше присутствие потребуется для заключения мирового соглашения...

— Я бы предпочел избежать юридических формальностей, — заметил я.

Гусман понимающе кивнул:

— Конечно. Это и в моих интересах. Но на всякий случай... Где вы остановились?

— На улице Сан-Себастьян, в доме вдовы Хуарес.

— Отлично. Когда все решится, я пошлю к вам слугу. И вот еще что... — Старик замялся. — Прошу вас в эти дни не искать встреч с моей дочерью. Вы можете обещать мне?..

— Ну, разумеется, — великодушно ответил я.

Мой будущий тесть с облегчением вздохнул.

— Я рад, что не ошибся в вас, молодой человек. До встречи, сеньор Диего!

Я покинул дом судьи в прекрасном расположении духа. Одним ударом мне удалось разрубить паутину, сплетенную де ла Торре вокруг моей возлюбленной. Теперь-то Альварес будет вынужден отступить! Перспектива судебного разбирательства в испанском королевском суде способна испугать даже самого богатого человека в Кастилии. Процесс может тянуться годами, и все эти годы за спиной графа де ла Торре будут шептаться — а, это тот самый, что подослал убийца к благородному Диего Гарсии де Алькорон. Я был уверен, что расставил врагу ловушку, из которой он не сможет выбраться, не отказавшись от моей Лауры. Я чувствовал себя умным, хитрым и предусмотрительным. Меня отнюдь не смущал тот факт, что в моем кошельке после вчерашних трат было совсем пусто, так что я не мог даже пообедать.

Когда тебе двадцать два года, подобные пустяки не способны испортить настроения. Тем более что мне было хорошо известно

одно местечко за городом, где река Тормес делает плавный изгиб и под глинистым обрывом в омуте лениво шевелят плавниками большие серебристые рыбы. Я отправился туда и, используя нехитрые снасти, какие есть у любого деревенского мальчишки, добыл трех рыбин, каждую в полтора фунта весом.

Вам, возможно, покажется странным, что дворянин из стариинного славного рода не гнушается рыбной ловлей, каковая испокон веков считается занятием, достойным лишь простолюдинов. Должен сказать, что мой батюшка всегда был свободен от этих предрассудков. С малых лет он отпускал моих старших братьев, а затем и меня вместе с крестьянскими детьми на речку и в лес. Там мы, мальчишки, учились простым, но полезным вещам: ловить рыбу, добывать мед диких пчел (увлекательное, но опасное занятие), ставить силки на птиц, мастерить из прутьев ловушки, в которые попадались осторожные суслики, и так далее. Батюшка справедливо считал, что эти науки, которые обычно не преподают дворянским детям, могут пригодиться и в далеком походе, и на войне, и еще в сотне мест, куда может забросить человека судьба. Впоследствии моя жизнь стала ярким подтверждением его правоты, жаль только, что сам он об этом так никогда и не узнал.

Покончив с рыбалкой, я выкопал в глинистом берегу ямку, положил туда еще трепыхавшуюся добычу и развел сверху костер из смолистых сучьев, которые наломал в ближайшем кустарнике. Это прекрасный способ приготовить рыбу (а также кролика и утку), если в вашем распоряжении нет котелка.

Чтобы не скучать, ожидая, пока поспеет мой ужин (он же обед), я решил искупаться. Стягивая через голову рубашку, с некоторым удивлением нашупал витой шнурок, переплетенный с золотой цепочкой нательного креста. Ладанка, которую подарила мне вчера на прощание Лаура! А я-то совершенно забыл о ней!..

«Потом... когда ты будешь думать обо мне, а я буду далеко... тогда и посмотришь», — сказала мне моя возлюбленная. На самом деле произошло наоборот — я наткнулся на ладанку и только после этого вспомнил о Лауре. Что ж, возможно, именно на это она

в действительности и рассчитывала. Девушки, даже самые невинные, бывают в глубине души очень хитры.

«Интересно, что там?» — подумал я, развязывая шнурок. Обычно в таких ладанках носили маленькие изображения святых, кусочки мощей или святых реликвий, которые можно было купить у странствующих монахов. Но тут ничего подобного не оказалось. Из кожаного мешочка выпала мне на ладонь небольшая, но тяжелая фигурка то ли из серебра, то ли из похожего на серебро сплава, который используют фальшивомонетчики.

Фигурка эта изображала рыбку, называемую морской свиньей или дельфином.

Почему именно дельфин? Что хотела сказать мне этим моя возлюбленная? Пожав плечами, я вернул фигурку на место, затянул кожаный мешочек покрепче и, сняв ладанку с шеи, бросился в прохладные воды Тормеса.

Через два часа я разбросал догоравший костер, разбил глиняную корку и извлек из импровизированной печи трех превосходно запеченных карасей. Свежий воздух и зверский аппетит с лихвой компенсировали отсутствие соли, и не успело солнце спрятаться за апельсиновую рощу, как от всех трех рыбин остались только аккуратно обглоданные кости.

Я закинул руки за голову и улегся в траву, любуясь начинающей темнеть небесной лазурью.

Направляясь в Саламанку на свидание с Лаурой, я не рассчитывал на то, что задержусь здесь больше, чем на одну ночь. Иначе я куда более мудро распорядился бы имевшимися в моем распоряжении деньгами и не стал тратить целый дублон на развлечения в «Золотом осле» и на мельнице старого Хорхе. Однако что толку жалеть о том, чего в любом случае не вернешь? Судья Гусман просил меня остаться в городе еще на два или три дня, а для этого мне требовалось по крайней мере пять серебряных реалов. Правда, за комнату на улице Сан-Себастьян было заплачено вперед, и я мог жить там вплоть до самого Рождества, но ведь молодому дворянину нужно еще есть, пить и заботиться о своем коне. Если

я не собирался и впредь питаться одними запечеными в глине карасями, мне следовало всерьез озабочиться тем, где добыть означенные пять реалов.

Строго говоря, вариантов было немного. Можно было пойти к ростовщику и в обмен на долговую расписку получить не пять, а все пятьдесят реалов, но, как я уже говорил, одолживаться я не люблю. Возможно, потому, что все былое богатство моей семьи утекло в кошельки ростовщиков-маррано¹ под шелест долговых расписок.

Второй вариант был честнее — деньги можно было заработать. Впрочем, сделать это было не так просто. Молодой дворянин не может торговаться, как купец, или пасти овец, как крестьянин, или продавать индульгенции, как монах. Были, впрочем, места, где молодых идальго принимали с распростертыми объятиями. В каждом испанском порту имелись специальные вербовочные конторы, где иссеченные шрамами ветераны с поэтическим красноречием расхваливали судьбу наемника и готовы были вручить тебе увесистый мешочек с монетами в обмен на согласие сражаться под знаменами того или иного кондотьера. Бесконечные итальянские войны жадно требовали все новых и новых солдат и офицеров, особенно тех, кого не нужно учить обращению со шпагой, конем и аркебузой. Но карьера наемника меня не привлекала — хотя бы потому, что я собирался в скором времени жениться на Лауре и, уже в качестве зятя главного судьи, возобновить обучение на юридическом факультете университета.

Воспоминания о годах, проведенных за изучением права в Саламанке, подсказали мне достойный выход из положения. Хотя диплома правоведа я так и не получил, но все же достаточно поднаторел в юриспруденции, чтобы давать дельные советы людям, толпящимся в приемной суда. Разумеется, самым разумным советом было бы держаться от судов подальше, но раз уж люди

¹ Маррано — исп. «боров» — так в средневековой Испании называли евреев, перешедших в христианство, но продолжавших тайно соблюдать обряды иудаизма.

решились искать справедливости у королевской юстиции, отговаривать их от этого — занятие бесполезное. А помочь правильно составить исковое заявление, жалобу или апелляцию я мог с пользой для клиента и с выгодой для себя. Серебряный реал за грамотно составленную бумагу — в два раза дешевле, чем берут стряпчие в конторах, — и еще пару монет за квалифицированную юридическую помощь. По-моему, совсем недорого. Достаточно помочь трем-четырем бедолагам, и я обеспечу себя обедами и ужинами в «Перце и соли» до конца недели. Да и Мавр будет питаться не пожухлым сеном, а отборным овсом.

Разумеется, дело было сопряжено с небольшим риском — стряпчие, почувствовав конкурента, могли пожаловаться городской страже, — но я не собирался заниматься этим ремеслом долго. Куда более неприятной виделась мне перспектива попасться на глаза судье Гусману — он вряд ли одобрил бы перевоплощение своего будущего зятя в уличного леттадо¹. Но, поразмыслив как следует, я решил, что главный судья Саламанки вряд ли часто появляется в приемной, постоянно заполненной надоедливыми просителями и истцами.

Решив, таким образом, стоявшую передо мной задачу, я повалился еще немного на траве, затем с удовольствием искупался в речке и, радуясь приятной вечерней прохладе, направился обратно в город.

Когда я миновал городские ворота, Саламанку уже окутала бархатная майская ночь. В узких, как ущелья, улочках царил почти абсолютный мрак. Лишь изредка в окнах второго и третьего этажей сквозь щели деревянных ставен пробивался слабый желтый свет; то были зажиточные дома, владельцы которых могли позволить себе целые люстры восковых свечей. Я пробирался едва ли не наощупь, стараясь не приближаться к середине улицы — там были проложены канавы, предназначенные для стока дождевой воды. Увы, помимо дождей, которые в Саламанке выпадают нечасто, эти

¹ Леттадо — в средневековой Испании юрист, член корпорации правоведов.

канавы наполняли всевозможные нечистоты, пропитывавшие ночной воздух непередаваемым зловонием. В темноте ничего не стоило оступиться и угодить в такую канаву; они были недостаточно глубокими, чтобы в них утонуть, но перепачкаться с ног до головы в их содержимом было вовсе не трудно.

Я прожил в Саламанке два года и в совершенстве овладел искусством пробираться по ее ночным улицам, минуя эти отвратительные ловушки. Поэтому к дому сеньоры Анхелы на улице Сан-Себастьян я подошел таким же чистым и свежим, каким покинул живописный речной берег.

Со стороны дом выглядел мрачным и нежилым, но это ничего не означало — просто старая карга экономила даже на свечных огарках. Я взялся за тяжелое бронзовое кольцо, украшавшее массивную дубовую дверь, и трижды ударил им о медную пластину.

Минуту было тихо, затем я услышал шаркающие шаги и знакомый голос подслеповатой служанки Тересы прошамкал:

— Хто это к нам в такую пору пожаловал?

— Открывай, тетушка, — велел я, — это Диего Гарсия де Алькорон.

Тереса загремела засовами. Старая Анхела всегда запирается на десять замков, как будто в ее доме есть что красть. На самом деле все свои сбережения она хранит в монастыре Святого Михаила, настоятельница которого приходится ей дальней родственницей, так что воры могут поживиться разве что поеденными молью нарядами, вышедшиими из моды еще в годы правления короля Фердинанда.

— Ах, молодой господин, — воскликнула она, поднеся плошку со свечой почти к кончику моего носа, — что же вы так поздно?

Этот вопрос не требовал ответа. Даже если я возвращался в дом на улице Сан-Себастьян с первыми лучами солнца, Тереса неизменно беспокоилась, отчего я пришел так поздно.

Я улыбнулся доброй старушке и прошел через темный, пахнущий мышами зал к лестнице, ведущей на второй этаж. Тереса, шурша юбками, направилась куда-то в дальние комнаты — видимо, сообщить хозяйке о моем приезде.

В моей комнате было холодно и неуютно. На узкой монашеской кровати лежало тонкое колючее одеяло и жесткая, словно могильная плита, подушка. Я с легкой печалью вспомнил восточную роскошь «Перца и соли».

Затеплив крошечную свечку, стоявшую на кособоком столе, я снял пояс со шпагой и, чуть помедлив, повесил его на торчавший из притолоки гвоздь. Замешательство мое было вызвано странным чувством, кольнувшим меня подобно тонкой иголке: мне вспомнилось, как совсем недавно привычка вешать шпагу у двери едва не стоила мне жизни. Однако, рассудив, что даже если де ла Торре нанял еще парочку убийц, ожидать их нападения в запертом на десять засовов доме вдовы Хуарес не приходится, я уселся на кровать и принялся стаскивать сапоги.

В эту минуту откуда-то снизу донесся металлический лязг — это ударило в медную пластину бронзовое кольцо на входной двери. Спустя несколько мгновений в дверь забарабанили чьи-то могучие кулаки.

Я вскочил и выглянул в окно. Улица перед домом старой Анхелы была залита багровым светом дюжины факелов. Испуганно ржали кони — в толпе было по крайней мере двое верховых. Кровавые отблески играли на металлических панцирях и шлемах.

В первую минуту я был настолько слишком ошеломлен этим зрелищем, чтобы допустить, что толпа с факелами может явиться по мою душу. Иначе я не промедлил бы у окна, разглядывая сбирающее у дверей — там были облаченные в латы городские стражники, какие-то закутанные в черное фигуры и двое или трое здоровяков в простой одежде и широких шляпах, какие носят крестьяне. Один такой здоровяк держал под уздцы большого вороного коня, на котором возвышался худой мужчина в черном плаще с лицом, прикрытым шарфом.

Знал бы я, кто эти люди и зачем они явились к дому старой Анхелы, — выбрался бы, как кот, на карниз и удрал по крышам куда-нибудь подальше от Саламанки. Хотя вряд ли это прошло бы незамеченным — люди с факелами время от времени поглядывали на мое окно, а под плащами у них, полагаю, были спрятаны арбалеты.

Как бы то ни было, убежать я не попытался. Стоял, как истукан, и смотрел, как незваные гости колотят в дверь. Потом наступила тишина — видимо, добрая Тереса спросила, по своему обыкновению, «хто это в такую пору пожаловал». Грубый мужской голос прорычал ей в ответ:

— Именем Трибунала Священной Канцелярии, откройте!

Меня мгновенно прошиб холодный пот. В ту пору (а может быть, и сейчас) Испания не знала более страшных слов, чем «трибунал священной канцелярии». Ибо за ними скрывалось самое ужасное, самое кошмарное изобретение человеческого ума — святая инквизиция, тайная служба, призванная Католическими королями выискивать и искоренять ересь везде, где только она могла быть обнаружена, и даже там, где ее не было.

Каждый испанец (равно как и иностранец, оказавшийся в пределах власти испанской короны) жил в постоянном страхе, зная, что однажды за ним могут прийти одетые в черное слуги трибунала. Инквизиция была вездесуща; ее шпионы и шептуны сновали повсюду, и даже пируя в дружеском кругу, человек не мог быть уверенным, что кто-нибудь из собутыльников, побуждаемый зависимостью или обидой, не напишет на него донос.

Считалось, что святая инквизиция — это целительный огонь, который выжигает затаившуюся заразу — скрытых иудеев и мусульман, проникших во все слои нашего общества. К несчастью, для того чтобы попасть в руки инквизиции, совсем не обязательно было быть тайным иудеем-маррано, потомком арабских властителей Испании мориском или выкрестом-конверсом. Даже чистокровный кастилец из благородной семьи, чьи предки сражались с маврами во времена Реконкисты, был беззащитен перед слугами Трибунала, если находились негодяи, доносившие, что он склонялся к ереси или не крестился, входя в церковь. Этого было достаточно для того, чтобы инквизиция начинала расследовать его прегрешения, а любое следствие, как известно, должно заканчиваться изобличением преступника. Оправдательных приговоров по делам святой инквизиции было так мало, что о них рассказывали шепотом, как о внушавших трепет чудесах.

Одно из таких чудес произошло с нашим преподавателем теологии, фра Луисом де Леон. Кто-то донес, что он переводит Библию на кастильский. Профессора не арестовали, а вызвали на суд повесткой. У него было время, чтобы убежать, но он отважно явился на заседание Супремы¹ и с блеском разбил все выдвинутые против него обвинения. Тем не менее его держали в тюрьме Вальядолида долгих пять лет; все эти пять лет он не признавал вины, выступая в роли собственного адвоката, и в конце концов добился оправдания и освобождения. Когда его бросили в застенки, я был еще подростком, но я присутствовал в аудитории в тот час, когда похудевший и бледный фра Луис взошел на кафедру и, словно и не было этих пяти лет, объявил: «Итак, в прошлый раз мы остановились на проблеме единой сущности у Аристотеля».

Таким образом, даже мы, беспечные школьяры, хорошо представляли себе, что где-то поблизости наблюдает за нами некая ужасная могущественная сила, способная в любой момент положить конец нашей вольной жизни. Но отвлеченнное знание — это одно, а встреча лицом к лицу с посланцами этой силы — совсем другое.

Мой разум изо всех сил сопротивлялся мысли о том, что люди на улице пришли за мной; в конце концов, в доме находились еще Тереса и старая ведьма Анхела Хуарес — последняя, по-моему, должна была куда больше интересовать святую инквизицию. Но время шло, драгоценные секунды протекали сквозь пальцы, как песок на морском берегу, и, пока я торчал у окна, превратившись в соляной столб, по лестнице загрохотали тяжелые шаги.

Тут оцепенение спало с меня, словно закончилось действие чьих-то злых чар. Я принялся лихорадочно натягивать сапоги, которые так опрометчиво снял за минуту до этого. Бросился к двери, чтобы задвинуть засов...

Не успел. Дверь распахнулась у меня перед носом. В комнату вломились двое крепко сбитых стражников в плащах, накинутых поверх доспехов. От них разило чесноком и потом, и эта смесь сбивала с ног не хуже удара одетого в стальнную перчатку кулака.

¹ Супрема, или Консеха де ла Супрема, — центральный инквизиционный совет, располагавшийся в Вальядолиде (столица Испании с 1492 по 1561 г.).

Впрочем, удар кулака тоже не заставил себя ждать: один из них тут же саданул меня в живот, и, хотя я успел напрячь мышцы, мне показалось, что из меня выбили весь воздух. Второй громила ловко заломил мне руку за спину, вывернув запястье так, что я едва не стукнулся лбом о пол.

В таком плачевном состоянии — вынужденно склонившись едва ли не до земли и безуспешно пытаясь вздохнуть — я встретил человека, который спустя некоторое время появился на пороге моей комнаты.

— Диего Гарсия де Алькорон? — поинтересовался человек неприятным гнусавым голосом. Лица я его не видел, поскольку вынужден был разглядывать носки его сапог, но то, как он произносил слова, наводило на мысль о сломанном носе или, во всяком случае, тех наростах в ноздрях, которые лекари называют «полипами».

— Х-р-р, — утвердительно прохрипел я. На более вразумительный ответ в тот момент я был не способен. Но его, видимо, и такое признание удовлетворило.

— Огня! — приказал он отрывисто. — Я должен убедиться лично!

Вслед за этим чья-то сильная рука схватила меня за волосы и резко вздернула мою голову вверх. Не в меру ретивый стражник сунул факел почти что мне в лицо — брови мне опалило жаром.

— Не так близко, болван, — хрюкнул мой непрошеный гость.

Факел отодвинулся, и я наконец получил возможность рассмотреть лицо гнусавого. Сказать, что в этом лице было хоть что-то привлекательное, означало бы погрешить против истины. Оно было узким, худым, с ввалившимися желтыми щеками и острым, как бритва, носом. Темные глаза под клочковатыми нависшими бровями горели фанатичным огнем.

Первой моей мыслью при виде этого малопривлекательного сеньора было: «Ну ничего себе!» Обладатель этих густых бровей и похожего на острие копья подбородка был мне знаком. Года два назад этот человек проезжал через центральную площадь Саламанки в сопровождении отряда вооруженной охраны, и горожане расступались перед ним, прижимаясь к стенам домов и прячась

под тень крытых галерей. Ибо это был сам Диего Родригес Лусеро, правая рука великого инквизитора Хименеса де Сиснероса. Его, однако, редко называли по имени — слишком уж крепко привязалось к нему прозвище Эль Тенебрero, что значит «Носитель Тьмы».

Но если мне лицезрение Лусеро не доставляло ни малейшего удовольствия, то сам Эль Тенебрero вглядывался мне в лицо с каким-то жадным любопытством. Это продолжалось довольно долго, и наконец тонкие его губы исказила довольно зловещая гримаса, которая могла бы сойти за улыбку, если бы не волчий оскал острых клыков.

— Именем Трибунала Священной Канцелярии инквизиции Кастилии, Леона, Гранады и Арагона, ты арестован! — торжественно объявил он, гнусавя.

К этому моменту я и сам догадался, что незваные гости заявились в дом вдовы Хуарес не для того, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение. Однако меня чрезвычайно занимал вопрос, какие обвинения против меня выдвинуты. Но как раз об этом гнусавый предпочел мне не сообщать. А спросить его я не мог, поскольку по-прежнему испытывал определенные трудности с дыханием.

Он протянул руку и резким движением сорвал с моей шеи цепочку с крестом. Цепочка лопнула, как натянутая струна, а вот витой шнурок подаренной Лаурой ладанки больно впился мне в кожу.

— Срежьте, — бросил Лусеро стражникам.

В опасной близости от моего горла блеснул острый клинок. Эль Тенебрero извлек из складок своего черного одеяния небольшую окованную серебром шкатулку и спрятал туда крест и ладанку.

— В скором времени ты будешь препровожден в тюрьму инквизиции в Вальядолиде для проведения всестороннего расследования, — обнадежил он меня. — А покуда отправишься в городскую тюрьму, где проведешь ночь в покаянии и размышлениях о горестной участи закоренелого грешника.

Тем, кто никогда не бывал в наших краях, надоно пояснить, что в Саламанке у трибунала не было собственной тюрьмы. Все-таки

старинный университетский город был слишком свободолюбив для того, чтобы позволять инквизиции вершить свои страшные дела по соседству с одним из четырех светочей мира, как назвал нашу Эстудио Хенераль¹ сам римский папа Александр IV. Поэтому тех, кого инквизиторы арестовывали в стенах Саламанки, везли в столицу, под самое недреманное око мрачной Супремы.

Как ни странно, слова Эль Тенебрero меня слегка успокоили. В конце концов, наша городская тюрьма, в которую нас, будущих правоведов, водили с ознакомительными целями, — далеко не такое страшное место, как застенки инквизиции в Вальядолиде, о которых ходило множество темных слухов. Не говоря уже о тюрьме в Гранаде, переделанной из подземного зиндана мавров.

С некоторым запозданием я понял, что громилы, так ловко скрутившие меня, тоже были не простыми стражниками из числа записавшихся в городскую полицию увальней, а особыми служителями трибунала — фамильярами, известными своей жестокостью в обращении с задержанными. Фамильяров набирали из опытных солдат-наемников, а иногда — из лучших кулачных бойцов, развлекавших народ на ярмарках. Они носили под плащами стальные кирасы и ловко управлялись с дубинками, чьи медные набалдашники были оббиты толстым войлоком. Такой дубинкой можно свалить с ног даже быка, не рискуя проломить ему при этом череп. Святой инквизиции нужны живые подследственные, а не трупы.

— Скажите мне, по крайней мере, в чем меня обвиняют, — произнес я, неожиданно для себя довольно внятно.

Эль Тенебрero надменно покачал головой.

— Узнаешь в надлежащее время. Уведите его.

И меня поволокли вниз по лестнице.

Пока меня тащили через зал, скучно освещенный двумя свечными огарками (один держала шепчущая молитву Тереса, второй — сама сеньора Хуарес), я лихорадочно обдумывал план побега. Единственный шанс на спасение заключался в том, чтобы, оказавшись

¹Эстудио Хенераль — «Универсальная школа», старое название университета Саламанки, основанного в 1218 г.

на улице, попытаться выскользнуть из рук своих стражей и, пользуясь ночной темнотой, скрыться в запутанных переулках. Но фамильяры, опытные в своем ремесле, понимали это не хуже меня. Прежде чем отворить дверь, один из них врезал мне своей дубинкой по спине, несколько повыше поясницы и правее позвоночника. Меня скрутила жестокая судорога, и я, как куль с зерном, повис на руках своих конвоиров.

Смутно помню, как меня, словно бычка на убой, тянули по улице за веревку, обмотанную вокруг запястий. На этот раз мне уже было не до того, чтобы смотреть под ноги, и несколько раз я наступал в вонючие сточные канавы. Идти пришлось не слишком далеко: тюрьма располагалась всего лишь в четырех кварталах от улицы Сан-Себастьян. У ворот тюрьмы фамильяры передали меня тамошней страже, заставив пожилого начальника караула расписаться в какой-то бумаге.

— Доброй ночи, сеньор Диего, — обратился ко мне начальник караула, когда фамильяры, забрав бумагу, удалились прочь. — Вы ведь сын дона Мартина де Алькорон?

— Точно так, — удивленно ответил я.

Седой тюремщик подошел ко мне и принялся распутывать веревку, стягивавшую мои руки.

— А я ведь знал вашего батюшку, мы вместе сражались под Аусеной!

Битва под Аусеной произошла еще до моего рождения, но отец неоднократно рассказывал о том, как кастильские рыцари славно отделали тогда проклятых мавров.

— Неужели? — пробормотал я. В душе моей вспыхнула надежда — может быть, в память о героическом прошлом, начальник караула найдет способ отпустить меня?

— Мне жаль, что я вынужден так принимать сына своего боевого товарища, но полученные от дона Лусеро указания совершенно недвусмысленны. Святая инквизиция считает вас опаснейшим преступником и настаивает на том, чтобы вы содержались под усиленной охраной. Я очень сожалею, поверьте.

Огонек надежды угас, будто на него выплеснули ведро холодной воды.

— Строго говоря, — продолжал этот достойный сеньор, — у дона Лусеро нет необходимых полномочий, чтобы указывать мне, где должен размещаться узник, который к тому же задержан не светскими, а духовными властями. И я с удовольствием разместил бы вас, сеньор Диего, в своих собственных комнатах, если бы не проводительная бумага, подписанная главным судьей...

— Кем? — вырвалось у меня.

Начальник караула наконец справился с последним узлом и отбросил веревку, словно ядовитого гада.

— Главным судьей Саламанки доном Бернардо Гусманом.

За этот вечер мне довелось испытать немало ударов — как в прямом, так и в переносном смысле, — но этот оказался самым тяжелым.

Перед моим мысленным взором промелькнула странная ухмылка, с которой судья нынче утром говорил о справедливости. Так вот что имел в виду старый негодяй!

— Судья требует, чтобы вы были помещены в подземный каземат, предназначенный для закоренелых преступников, — горестно вздохнул тюремщик. — К счастью для вас, этот каменный мешок сейчас занят, так что я не смогу исполнить его пожелание. Придется вам отправляться в общую камеру, там, конечно, тоже не сады Альгамбры, но по крайней мере можно прилечь и поспать. В каземате это вряд ли бы вам удалось, там кишмя кишат крысы. Я распоряжусь, чтобы вам дали сухой соломенный тюфяк.

— Вы крайне добры, сеньор, — поклонился я, растирая затекшие запястья.

— Утешайте себя мыслью о том, что вы здесь ненадолго, — сказал добрый старик. — Завтра или послезавтра вас отвезут в Вальядолид.

Он отечески похлопал меня по спине и приказал стражникам отвести меня в камеру.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

PARAISO TERRENAL

Первое, что я почувствовал, спустившись по трапу самолета в аэропорту Ла Чинита в Маракайбо, — это запах тропиков. Жаркий, влажный воздух, напоминающий атмосферу турецкой бани, был пропитан невероятными, ни на что не похожими ароматами. В неправдоподобно синем небе ярко сияло полуденное солнце. Контраст с холодной, заснеженной Москвой, которую я покинул двенадцать часов назад, был так велик, что я даже засомневался, не снится ли мне все это.

Кто-то нетерпеливо подтолкнул меня в спину, и я поспешил к автобусу. Автобус был ярко-желтым, очень нарядным; у передней дверцы стояла невысокая смуглая девушка в красивой кремовой униформе и улыбалась пассажирам, демонстрируя крупные белые зубы.

— Bienvenido a Venezuela!¹ — сказала она мне.

— Muchas gracias, señorita hermosa!² — улыбнулся я в ответ.

Ее улыбка на мгновение стала еще шире; удивленно взлетели тонкие черные брови, в глазах мелькнули веселые искорки. В следующую секунду она уже переключилась на идущего за мной пассажира:

— Bienvenido a Venezuela!

— Thanks, — буркнул пассажир по-английски. Это был высокий желчный голландец, сидевший рядом со мной в самолете.

¹ Добро пожаловать в Венесуэлу! (исп.)

² Благодарю, прекрасная сеньорита! (исп.)

Испанского он почти не знал и очень возмущался тем, что таможенные декларации, которые нам раздали в полете, были составлены не на английском.

— Черт знает что, — ворчал он, разглядывая свою декларацию. — Вот что такое «maletas»? Здесь спрашивают: есть ли у меня с собой maletas? Это что, дети? Они хотят знать, путешествую ли я с детьми?

Я объяснил ему, что maletas — это вовсе не дети, а чемоданы, то есть багаж, но после этого он стал смотреть на меня как-то косо.

— Проклятая жара, — прошипел он, протискиваясь в дальний угол автобуса. Он был в длинном черном пальто, вполне пригодном для зимнего Амстердама, но в тропиках смотревшемся дико. Я мысленно похвалил себя за то, что избавился от зимних вещей еще в Шереметьево. Пришлось чуть померзнуть в очереди у трапа, зато теперь в футболке и легких джинсах я чувствовал себя комфортно.

Я путешествовал налегке: в сумке у меня была смена белья, свитер, который я снял еще в самолете, зубная щетка, бритва, фотоаппарат и роман Стивена Кинга «Томминокеры». В багаж я сдал рюкзак с курткой и зимними ботинками, а также спальный мешок. Я не был уверен в том, что он мне понадобится, но наличие спального мешка придавало собранным мною вещам необходимую солидность и основательность.

Паспортный контроль я прошел на удивление быстро, а таможенного не заметил вовсе. Взяв с крутящейся черной ленты свой рюкзак, я вышел через «зеленый коридор» в шумный, заполненный веселой толпой зал и огляделся.

Человека с табличкой «Денис Каронин» я заметил сразу же. На фоне черноволосых, смуглых венесуэльцев он выделялся, как чайка среди ворон. Человек был высок, худощав и голубоглаз. Его длинные светлые волосы, падавшие на плечи, обхватывали тонкий разноцветный поясок, придавая ему сходство не то с хиппи, не то с героем фильма-сказки «Садко».

Я подошел к нему и протянул руку.

— Денис.

— Ну, привет, Денис, — сказал Садко, опустив табличку. — Так вот, значит, ты какой, северный олень. А я Петр Игоревич Трофимов, эсквайр.

— Почему «эсквайр»? — спросил я.

Он пожал худыми плечами.

— Нравится. Но ты можешь звать меня просто Петя. Как говорится, «call me Ishmael»¹.

На вид эсквайру было лет двадцать пять, и я решил, что воспользуюсь его предложением.

— МГИМО заканчивал, Петя?

— Обижаешь, — скривился Садко. — МАИ. С красным дипломом, между прочим. Я бортинженер нашего богоспасаемого судна. Вообще-то оно называется «Ил-76», но все наши зовут его «Китом».

— МАИ — фирма, — сказал я искренне. — Я пять лет там в клубе «Волна» занимался.

Эсквайр Трофимов взглянул на меня с некоторым интересом.

— Аквалангист, что ли? У меня в «Волне» девчонка была, мы с ней гуляли на третьем курсе. Вика Славникова, может, знаешь ее?

Я напряг память.

— Черненькая такая? С короткой стрижкой?

— Ну да! И с вот такими сиськами, — он показал, с какими именно. Проходивший мимо усатый уборщик покосился на нас и одобрительно поднял большой палец. — Ну, тесен мир.

Петя хлопнул меня по плечу и забрал сумку.

— Ты попал в правильное место, Денис! Держись старика Трофимова, и не пожалеешь о том, что приехал в Венесуэлу.

Я и так не думал ни о чем жалеть. Вокруг бурлила незнакомая, немного загадочная жизнь; слышалась торопливая креольская речь, я ловил обрывки разговоров: «К сожалению, сеньора Маркос не смогла приехать, но просила передать доные Имельде свои самые искренние поздравления»; «Кретин Ампаро продал свои акции в тот

¹ «Зовите меня Исмаил», — первая фраза знаменитого романа Г. Меллвила «Моби Дик, или Белый Кит».

самый момент, когда они наконец-то начали расти, и теперь рвет на себе волосы»; «Я же говорила тебе, что дон Симон ни за что не уступит этот виноградник Маурицио, он ведь терпеть не может всю их семью»; «Ловцы жемчуга опять бастуют, требуя повышения платы, — долго еще мы будем терпеть это безобразие?». С огромных телеэкранов ослепительно улыбались черноволосые красотки, рекламирующие дорогие автомобили и белоснежные яхты. А за прозрачными стенами аэровокзала плавился под беспощадным карibbeanским солнцем таинственный город Маракайбо.

Мы вышли из стеклянных дверей на раскаленную площадку, забитую разномастными такси. К нам тут же бросились несколько водителей, наперебой предлагая свои услуги. Петя, руководствуясь непонятными мне мотивами, ткнул пальцем в толстого мужичка с круглыми, как у совы, глазами.

— Отель «Эксельсиор», десять баксов.

— Veinte, señor!¹ — завопил мужичок радостно. — Двадцать, и я довезу вас и вашего друга до «Эксельсиора» с максимальным комфортом. Вы увидите фантастические виды нашего великолепного города!

Видно было, что из всего сказанного Трофимов уловил только числительное «двадцать».

— Ты чего, с дуба рухнул? — спросил он по-русски. — За двадцать я и сам тебя куда хочешь довезу. Десять и то много.

На этот раз ничего не понял водитель. Радостно повторяя «Veinte, señor, veinte!», он сделал попытку отобрать у Пети мою сумку. Петя сумку отдавать не торопился, и у меня возникло нехорошее предчувствие, что первой жертвой их языкового барьера падет мой багаж.

— Прошу прощения, сеньор, — сказал я таксисту вежливо, — боюсь, мы не готовы заплатить ту сумму, которую вы просите. К моему величайшему сожалению, мы вынуждены отказаться от услуг вашего прекрасного такси и поискать более дешевый вариант.

У мужичка отвалилась челюсть.

¹Двадцать, сеньор! (исп.)

— Так сеньор испанец? — спросил он озадаченно. — Тысяча извинений, я принял вас за гринго.

Я не стал его разубеждать и потянулся за своей сумкой. Но таксист упрямо замотал головой.

— Раз вы не гринго, я, конечно, отвезу вас в «Эксельсиор» за десять долларов. Двадцать — цена для богатых американцев, вы понимаете? А если вы из Испании, то это совсем другое дело. Я хочу сказать, мы здесь совсем иначе относимся к своим испанским родственникам, чем к американцам. Мы здесь, в Венесуэле, не очень-то любим гринго, но испанцы нам почти родня...

Не переставая болтать, он подвел нас к видавшему виды «Фольксвагену Гольф» и с большими предосторожностями погрузил мой рюкзак и сумку в багажник.

— Ну ты и чешешь, — с уважением протянул Трофимов. — Где так наблатыкался?

Я едва не ответил — «в институте военных переводчиков», — но тут вспомнил, что такой же вопрос мне неделю назад задавал Рикардо.

— У меня мама — преподаватель испанского, — сказал я. — Сколько себя помню, со мной только на нем и разговаривала.

— Везет. — Петя, сложившись почти пополам, втиснулся в тесный салон «Гольфа». — А у меня маман стюардессой работала, пока меня не родила. А потом уже только киндер, кюхен, кирхе. Так что все, что я от нее унаследовал, — это страсть к небу...

— А ваш друг — он откуда? — обернулся ко мне таксист. Одновременно он выруливал со стоянки, так что мне даже стало не по себе — смотрел-то он в это время на меня.

— Он из России, — сказал я. — Русский летчик.

— О, Руссия! — Шофер поднял к потолку большой палец. — Руссия! Mucho frio!¹ Мы в Венесуэле очень любим Руссию. Русские — наши друзья. Они продают нам много оружия, чтобы Лос Эстадос Унидос, американцы, не могли на нас напасть и захватить нашу нефть.

¹ Очень холодно! (исп.)

Я перевел его слова Трофимову. Он как-то странно усмехнулся.

— Ну да, можно подумать, отбиваться они от американцев «калашами» будут...

— Сеньор тоже знает русский? — уважительно спросил таксист, прислушиваясь к нашему разговору.

— Честно говоря, я и сам русский, — ответил я. — Только что из Москвы. И там действительно очень холодно.

Я ожидал, что он разозлится — ведь, в конце концов, он согласился везти нас за десять долларов, потому что принял меня за испанца, — но таксист и не подумал обижаться. Он просто не поверил мне.

— Не может быть! Я никогда не видел русских, которые бы так хорошо говорили по-испански, а я вожу такси уже двадцать пять лет. Вы, конечно, шутите!

— Я могу показать вам свой паспорт, — сказал я. — Вот, смотрите. Это я, Денис Каронин, гражданин Российской Федерации...

— Де-нис, — по слогам повторил таксист и вдруг протянул мне маленькую коричневую ладонь. — Я Виктор. Виктор Виллануэво. Рад познакомиться с тобой, Денис. Вот моя карточка, держи. — Он сунул мне в руку прямоугольный кусочек картона. — Можешь звонить мне в любое время, Денис. В Маракайбо есть разные люди... и таксисты тоже разные. К некоторым в машину лучше не садиться, ну, ты понимаешь, что я хочу сказать. Но с Виктором Виллануэво всегда безопасно. Смотри, Денис, это моя семья!

В его руке, как по волшебству, появилась фотография — пять или шесть детей под усыпанным крупными розовыми цветами деревом. С краю стоял сам таксист, одетый в светлый костюм и большую соломенную шляпу. Он бережно держал за руку круглую сеньору с добрым лицом.

— Это я, моя жена Сильвия и наши дети — Паскуаль, Мария, Эрнандо, Лусия и Пепе. И еще наш племянник Хоакин. Видишь, какая у нас большая и дружная семья?

В данный момент меня больше всего волновало то, что таксист совершенно не смотрит на дорогу, и я поспешил заверить его, что семья у него просто чудесная.

— А теперь спроси себя, Денис: может ли Виктор Виллануэво, имеющий такую замечательную семью, быть плохим? Может ли он обманывать своих клиентов? К тому же я очень религиозный человек, я все время вожу с собой в машине изображение святой Марии Гваделупской, и она оберегает меня от аварий!

«*Не до такой же степени!*» — едва не закричал я. Виктор по-прежнему сидел вполоборота ко мне и был явно увлечен нашим разговором. Как раз в этот момент ехавший перед нами зеленый пикап неизвестной мне марки резко затормозил, и мы едва не въехали ему в зад. Все, однако, обошлось самым чудесным образом — Виктор, видимо, заметив боковым зрением маневр передней машины, небрежно крутанул руль, и мы вылетели на соседнюю полосу, проскочив в сантиметре от борта зеленого пикапа.

— Не беспокойся, Денис, — ухмыльнулся таксист, — со мной вы — ты и твой друг — в полной безопасности. Спасибо тебе, святая Мария! — Он извлек из-за зеркальца маленькую иконку и поцеловал ее. — Ты впервые в Венесуэле?

— Да, — лаконично ответил я. После того как мы чудом избежали столкновения, я решил, что не позволю словоохотливому водителю втягивать меня в долгие разговоры.

— Я могу устроить тебе экскурсию по нашему прекрасному городу! Показать всякие достопримечательности и красоты! И стоить это будет совсем недорого. За двадцать долларов я буду возить тебя от рассвета до заката, и ты увидишь Маракайбо таким, каким его никогда не видят иностранные туристы...

— Спасибо, Виктор, — сказал я. — Но я не турист. Я приехал сюда работать.

— Тем более! — обрадовался он. — Тебе очень повезло, что ты встретил Виктора Виллануэво! Если тебе нужно будет куда-то поехать по работе, только позвони, и в твоем распоряжении тут же окажется самое быстрое и безопасное такси в городе!

— Хорошо, — сдался я, — я обязательно позвоню, если мне потребуется куда-то поехать.

— Грузил? — спросил Трофимов, когда Виктор высадил нас у отеля «Эксельсиор» и его старенький «Фольксваген» растворился в бесконечном потоке машин, ползущем по Авенida Сентраль. — Уговаривал пользоваться услугами только его такси?

— Ну да. Прикольный такой мужичок.

— Да клоуны они тут все. Трюк с пикапом заметил?

— Сложно было не заметить. Думаешь, это специально?

— Ну конечно. Надо же ему было продемонстрировать, какой он офигенный водитель. У них тут конкуренция знаешь какая! На ходу подметки режут...

Он вдруг посерезнел.

— А вот паспорт ты ему зря показывал. Ну, этому-то, допустим, можно, все равно он нас из аэропорта вез, ясно, что у нас документы с собой, но вообще ты поосторожнее. Таксистам, особенно частным, никогда деньги и документы не показывай. Поездка по городу стоит от пяти до десяти баксов, вот их держи где-нибудь отдельно, например в верхнем кармане. Так, чтобы вытащить — и сразу отдать.

— А что, ограбить могут? — спросил я.

Петя вздохнул.

— Не то слово. Здесь-то еще ничего, можно сказать, цивилизация, а вот в соседней Колумбии — там вообще беда. Есть у них такая разводка — поездка на миллион называется.

— Это как?

— А так. Садишься в такси, с виду все прилично, рация там, лицензия, все дела. Потом где-нибудь в узком переулке машина неожиданно останавливается, и к тебе с обеих сторон подсаживаются громилы. Возят тебя по городу и начинают с тобой разговаривать. И так, знаешь, убедительно разговаривают, что к концу поездки ты отдаешь им все деньги, документы, кредитки и пин-коды к ним, и еще радуешься, что жив остался. Если, конечно, оешься...

Видимо, лицо мое приобрело несколько задумчивое выражение, потому что Петя хмыкнул и ткнул меня кулаком в плечо.

— Ладно, расслабься, мы же не в Колумбии! Пойдем, заселим тебя в этот постоянный двор, у тебя сегодня по расписанию еще знакомство с экипажем.

Несправедливо названный «постоянным двором» «Эксельсиор» оказался вполне приличным четырехзвездочным отелем, выстроенным в колониальном стиле. Ресепшен располагался в крытой галерее обширного внутреннего двора-патио, в центре которого осипал прохладной водяной пылью мраморные плиты небольшой фонтан. Услужливый молодой администратор поинтересовался, какой номер желает сеньор — с окнами, выходящими в патио или на живописную улочку старого города.

— На улочку, конечно, — не раздумывая, сказал я. Мне хотелось узнать о Венесуэле как можно больше, пусть даже наблюдая за городской жизнью из окна отеля.

Администратор протянул мне тяжелую деревянную грушу, к которой на металлической цепочке был подвешен массивный ключ. На боку груши были вырезаны цифры «34».

— Три и четыре в сумме дают семерку, — улыбнулся администратор. — А семерка — счастливое число. Так что у вас счастливый номер, сеньор.

Как из-под земли появился маленький портье, схватил рюкзак и сумку и понес их к лифту.

— Придется давать чаевые, — сказал Трофимов по-русски. — Привыкай, товарищ. Звериный оскал капитализма.

— Много давать? — поинтересовался я.

— Да нет. Двух боливаров за глаза хватит.

— У меня только баксы. — Мысленно я отругал себя за то, что не поменял деньги в аэропорту. — Два боливара — это сколько?

— Что-то около пятидесяти центов. Да не напрягайся, я расплачусь. Ты, я так понимаю, первый раз в Латинской Америке?

Отпираться смысла не было.

— Я вообще за границей впервые. Так получилось.

Я чуть было не рассказал ему, что меня три с половиной года готовили к работе в испаноязычных странах и что не случись той дурацкой

драки на пороге деканата, я был бы уже матерым профессионалом, знающим толк в заграничной жизни, но вовремя прикусил язык. Пете Трофимову этого знать не следовало. По крайней мере, пока.

— Ничего, все в жизни когда-то случается в первый раз, как говорила одна монашка... Короче, Диня, беру над тобой шефство. Ты как, не против?

Вообще-то из всех уменьшительных форм моего имени я признаю только сдержанно-мужественное «Дэн», но у Трофимова это прозвучало весело и необыдно. К тому же он первым предложил называть его Петей.

— Договорились, — сказал я.

Номер 34 оказался не только счастливым, но и очень большим — вся моя московская квартира уместилась бы в нем целиком, может быть, даже с балконом. Окно, выходившее на живописную улочку, было задернуто тяжелой бордовой портьерой, и в номере царил приятный полумрак. На потолке вместо люстры висело нечто, напоминавшее лопасти вертолетного винта.

— Вентилятор, — объяснил Петя. — Понты. На самом деле здесь и кондиционер есть. Но это типа дизайн под старину.

Под старину была сработана и массивная кровать под балдахином, стоявшая в глубине комнаты. Трофимов подошел к ней и при-дирчиво ощупал балдахин.

— А вот это уже не понты. Москитная сетка. Если спать с открытым окном, москиты тучами налетают — не заснешь. Впрочем, если закрывать окно, они все равно откуда-то появляются. Поэтому сетка в хозяйстве нужна. Смотри, чтобы в ней дыр не было. Если заметишь — звони на ресепшен, они обязаны заменить.

Он по-хозяйски обошел номер, открыл холодильник, заглянул внутрь.

— Мини-бар в стоимость номера не входит, имей в виду. А наша бухгалтерия счета за алкоголь не оплачивает. В бодегах¹ бухло сто-

¹ Bodega — в Испании и некоторых странах Латинской Америки — винная лавка. В Эквадоре, как правило, просто сарай.

ит в несколько раз дешевле, чем тут. Если вдруг что-то случайно выпьешь — ну, с похмелья там или забудешься просто, — бутылку не выбрасывай. Купишь в лавке такую же, марочку с названием отеля на нее переклеишь, и обратно в холодильник.

Я вдруг почувствовал зверскую жажду. Достал из мини-бара бутылку пива с профилем индейца на этикетке и, прежде чем Трофимов успел меня остановить, отбил пробку о краешек письменного стола.

— Минус три бакса, — сказал Петя, наблюдая за моими манипуляциями. — На углу тот же самый «Касик» обошелся бы тебе в три боливара.

— Наплевать. — Я сделал большой глоток и протянул бутылку ему: — Хочешь?

— На работе не пью, — ухмыльнулся Трофимов. — А я в данный момент работаю. Выполняю ответственное задание. Встреча и размещение нового переводчика Каронина Д. В. — сделано, инструктаж и предполетная подготовка — так, это нам еще предстоит...

— Стоп, — сказал я, — что значит «нового переводчика»? А что, был старый?

Улыбка сползла с лица Трофимова.

— Ну, был какое-то время. Не очень долго.

Мне показалось, что разговор на эту тему ему неприятен.

— Ладно, — я допил пиво и швырнул бутылку в мусорную корзину, — потом расскажешь. Я в душ.

— Даю тебе полчаса, — крикнул он мне вслед. — А я тут пока покемарю...

Позже я узнал, что Петя Трофимов совершил своего рода подвиг. Накануне весь экипаж «Кита» отмечал Новый год — самозабвенно и от души, как и положено русским людям, заброшенным жестокой судьбой тридцать первого декабря в тропики. Сами венесуэльцы относятся к этой дате спокойно — они широко празднуют католическое Рождество, а в новогоднюю ночь просто выпивают бокал вина и съедают двенадцать виноградин — по одной

на каждый удар часов. Но нашим соотечественникам глотать виноградины под бой курантов кажется издевательством над самой идеей Нового года, поэтому немногочисленная русская община Венесуэлы сняла вскладчину ресторан на побережье и до рассвета гуляла там с песнями, плясками, фейерверками и купанием в теплых водах Карибского моря. Утром, когда все участники праздника расползались по своим отелям и пансионам, самый молодой член экипажа «Ил-76» бортинженер Петя Трофимов вместо того, чтобы идти спать, поехал в аэропорт встречать нового переводчика. К счастью, он приехал заранее и успел привести себя в порядок, умывшись холодной водой и выпив в баре две огромные чашки крепкого кофе. Привел он себя в порядок столь искусно, что новый переводчик, то есть я, так ничего и не заподозрил.

Но обо всем этом Петя рассказал мне спустя несколько недель, уже в Санта-Фе-де-Богота. А в тот день в Маракайбо я очень удивился, выйдя из ванной (она, кстати, была роскошной — мраморная купальня, медные краны, высокое, до потолка, зеркало в золоченой раме) и обнаружив бортинженера, мирно посапывающего на мягкому диванчику.

Будить Трофимова я не стал. Вместо этого я вернулся в ванную, набрал воду и простиринул свою футболку, успевшую во время поездки из аэропорта в отель промокнуть насеквозд — в такси Виллануэвы не было предусмотрено такой роскоши, как кондиционер.

За бордовой портьерой обнаружилось не только окно, но и стеклянная дверь, ведущая на крохотный балкончик. Я вытащил на балкон плетеный стул и повесил на него выстиранную футболку. Солнце уже начинало спускаться за крыши многоэтажных домов, но при такой жаре все должно было высохнуть за полчаса.

Уличка, на которую выходил балкон, действительно оказалась живописной. Она была довольно узкой, с односторонним движением, но движение это было чрезвычайно оживленным. Внизу толкались, гудели, дымили и дребезжали разномастные автомобили, странные экипажи, напоминавшие гибрид мотоцикла с тележкой

рикши, мотороллеры (позже я узнал, что здесь их называют «скутеры») и велосипеды. На нижних этажах дома напротив располагались магазинчики и открытые кафе, прямо на тротуарах стояли прилавки с разноцветными пирамидами фруктов, жаровни, на которых готовили еду, лотки торговцев специями и экзотическими цветами. Запахи пряностей, жареного мяса, морепродуктов, плодов и тропических растений, смешиваясь с бензиновой вонью улицы, превращались в удивительный коктейль, от которого сразу начинала кружиться голова.

Я захлопнул балконную дверь и задернул портьеры. После минутного пребывания на улице воздух в номере показался мне прохладным, хотя огромные лопасти под потолком по-прежнему оставались неподвижны.

— Ну что, освоился? — зевая, спросил Петя. Видимо, его разбудили звуки, доносившиеся с улицы. — Тут вообще-то неплохо. Вечером покажу тебе пару злачных мест, будет весело.

Он протер глаза, помассировал пальцами виски.

— Днем здесь обычно сиеста, народ отдыхает. А вечером, когда солнце садится, начинается самая движуха. Но у нас сегодня день особый, отдыхать некогда. Поэтому начнем, помолясь.

Молиться он, однако, не стал, а извлек из кармана небольшую записную книжку, открыл ее и некоторое время водил взглядом по развороту. Потом с досадой захлопнул блокнот и спрятал его обратно.

— В общем, так. Работать ты, дорогой товарищ, будешь у нас переводчиком. Мы — это команда самолета «Ил-76». Представляешь себе примерно, что это за зверь?

— Грузовой самолет, — сказал я, пожав плечами. — Большой.

— Не просто большой, а очень большой! — Петя наставительно поднял палец. — Один из самых больших грузовых самолетов в мире. Работает на нем экипаж из пяти человек. Одного ты уже знаешь — это бортинженер экстра-класса Трофимов Петр Игоревич, эсквайр. Но есть и другие. Во-первых, Дементьев Леонид Иванович, командир экипажа. Он у нас царь и бог в одном флаконе.

Характер крутой. Под горячую руку ему попадаться не советую. Он еще в Афгане на военных транспортниках летал. С ним так: что скажет, тут же выполняешь. То есть буквально. Скажет лезть на пальму — лезь. И не спрашивай, зачем. Понял?

— У нас начальник заставы такой был, — сказал я. — Майор Бродов. Только вот пальм у нас там не было.

— Номер три, — продолжал Петя, загибая пальцы. — Второй пилот Пжездомский Болеслав Казимирович. Как следует из его ФИО, поляк. А из этого факта, в свою очередь, следует, что характер у него тоже не марципановый. Гордый до идиотизма. Ненавидит, когда неправильно произносят его фамилию. Советую потренироваться.

— Пжездомский, — послушно повторил я. — Нет, Пжездомский... тьфу, язык сломаешь!

— Да, и еще очень не любит, если кто-нибудь путает его имя и отчество. Я как-то его случайно Брониславом обозвал, так он потом со мной месяц не разговаривал.

— А потом? — с интересом спросил я.

— Потом еще не наступило, — ответил Трофимов. — Это было как раз месяц назад.

— Остальные двое тоже с прибахром?

— В каком-то смысле. Штурман у нас пааноик. Ему все время кажется, что за нами следят. Поэтому первое время он будет относиться к тебе с подозрением. Не обижайся, он поначалу со всеми так. Зовут его Лучников Олег Борисович, но мы зовем его просто Лоб. Тебе, конечно, лучше пока так его не звать — он может обидеться. Нет, он точно обидится. И возненавидит тебя на всю жизнь.

— Петя, — спросил я с надеждой, — ты же сейчас шутишь? Ну, что все они такие? Или, во всяком случае, утрируешь?

Трофимов мрачно посмотрел на меня.

— Если бы. Напротив, я честно стараюсь предупредить тебя обо всех подводных камнях. Мне вот в свое время никто ничего не объяснил — так знаешь, сколько я себе шишек набил?

Он поднялся с дивана, с хрустом потянулся и прошелся по номеру.

— Ты пойми, Динь. Здесь у нас работа довольно нервная. Это тебе в Москве могли на уши лапшу навешать — мол, ничего сложного, там потрындишь, здесь потрындишь, и спи-отдыхай. На самом деле все гораздо серьезнее.

Петя на мгновение замялся — мне показалось, что он хочет что-то мне рассказать, но никак не может подобрать подходящих слов.

— Рейсы у нас... небезопасные. Летаем иногда в такую глушь, где белого человека-то сто лет не видели. А там, знаешь, народ всякий встречается. Иной раз наставят на тебя автомат, по-своему что-то лопочут — а ты стоишь и гадаешь, сразу тебе пулю в башку засадят или чуть погодя. А на такие стрессы все реагируют по-разному.

— Погоди, — перебил я, — вы же вроде гуманитарные грузы возите? Вас же, по идеи, на руках должны носить. При чем здесь автомат?

Трофимов вздохнул.

— Знаешь анекдот про поручика Ржевского и охоту на страусов?

Я кивнул:

— Это там, где Ржевского спрашивали, зачем австралийскиеaborигены себе голову бреют?

— Вот-вот. Помнишь, что он отвечал? Дикари-с, мадам.

Мы помолчали.

— Ладно, едем дальше. Крайний член экипажа — радиост Харитонов Владимир Владимирович. С этим на первый взгляд все в порядке. Душа нараспашку, вроде меня. Только со мной откровенничать можно, а с ним — не советую.

— Почему?

Вместо ответа Петя выразительно постучал костяшками пальцев по краю стола.

— Такие в каждом экипаже имеются. Надо же начальству знать, что творится в коллективе.

— А ты не думаешь, что я тоже могу быть?.. — Я повторил его жест.

— Не, — отмахнулся Трофимов, — зачем им сразу два барабанщика на борту. В общем, я тебя предупредил. Ты ж у нас на испытательном сроке?

— Ну да, до пятнадцатого января.

— Вот эти две недели будь особенно внимателен. Харитонов будет тебя прощупывать, может, даже провоцировать. Если хочешь остаться на этой работе, не давай ему поводов накапать на тебя в Первый отдел.

— Спасибо, Петя, — искренне сказал я. — Я постараюсь.

— Так, — он озабоченно взглянул на часы, — инструктаж вроде закончен. Через полчаса у нас встреча с Кэпом, то бишь с Леонидом Ивановичем Дементьевым. Я бы посоветовал тебе постараться ему понравиться, но это бессмысленно: ты ему все равно не понравишься.

— Почему это?

— Ему никто не нравится. Впрочем, он не девушка, а ты не червонец.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗНАКИ ДЬЯВОЛА

Общая камера городской тюрьмы Саламанки представляла собой помещение длиной в двадцать и шириной в десять шагов с единственным узеньким окошком под самым потолком.

До моего появления в ней содержалось одиннадцать человек; я оказался двенадцатым.

Впрочем, все это я узнал только следующим утром.

Начальник караула не обманул: меня действительно снабдили сухим набитым соломой тюфяком. С этим тюфяком под мышкой я и перешагнул порог своего нового жилища.

Была глубокая ночь, и обитатели камеры крепко спали. Стражник посветил мне лампой — я увидел лежавших вповалку грязных и оборванных людей, сопевших и хранивших на плотно утрамбованном земляном полу. Места, куда можно было положить матрас, я не обнаружил.

Стражник, однако, не колебался ни минуты. Он с размаху пнул ближайшего оборванца сапогом под ребра, и тот мигом перекатился на бок, навалившись на своего соседа и освободив небольшой участок пола. Тюремщик проделал то же самое с другим заключенным, и тот так же безропотно подвинулсь к стене. Удивительно, что ни один из узников, несмотря на то что пинки были весьма чувствительными, даже не проснулся!

— Располагайтесь, сеньор, — буркнул стражник, указывая мне на освободившееся место. Я бросил туда свой тюфяк и лег на

спину, закинув руки за голову. Мой конвойр вышел, закрыв за собой дверь; я слышал, как в замке со скрежетом повернулся ключ. Стало совсем темно.

И в ту же минуту в окружавшей меня темноте послышались шорохи, покашливания, неразборчивый шепот. Кто-то невидимый дотронулся до моей щеки, быстрые пальцы пробежали по пуговицам колета, сноровисто забрались в карман...

Я перехватил руку наглеца, заломил ее тем же приемом, что ко мне самому применил давеча фамильяр, и удовлетворенно услышал придушенный крик раненого зайца.

Невидимки отпрянули. Кто-то чиркнул кресалом, во тьме вспыхнул слабый желтый огонек. Его тусклый свет выдернулся из тьмы кошмарные рожи, всклокоченные бороды, яростно блестящие глаза.

— Ты чего кричишь, Гнида? — прошипел обладатель самой чудовищной физиономии. Был он крив на один глаз, со свернутым набок крючковатым носом и жуткого вида дырой в правой щеке.

— Так ведь он мне палец сломал, чтоб его на том свете черти в кипятке искупали! — жалобно простонал тот, кого называли Гнидой, — мелкий, чернявый, похожий на цыгана паренек, тряся пострадавшей рукой. — Покажи ему, Эль Торо¹, кто здесь главный!

— Сейчас я вырву ему глаза, — зарычал Эль Торо, угрожающе растопырив пальцы.

Честно говоря, я был готов к подобному приему. Мне, как будущему правоведу, было известно, какие нравы царят в городских тюрьмах, где содержатся разного рода воры, разбойники и прочий сброд. Поэтому угроза Эль Торо не произвела на меня того впечатления, на которое он, несомненно, рассчитывал.

— Попробуй, — спокойно сказал я, отбрасывая в сторону его руку. — И завтра инквизиторы заберут в Вальядолид не только меня, но и тебя.

— Почему это? — опешил кривой громила.

¹ El Toro — бык (*исп.*)

— Потому что им будет очень любопытно узнать, кто и зачем хотел убить человека, ордер на арест которого подписал сам Великий инквизитор.

Ордер на мой арест наверняка подписывал судья Гусман, но моим новым соседям знать об этом было совершенно незачем.

После моих слов в камере воцарилась мертвая тишина. Я рассчитал правильно — даже этим обреченным на многолетнюю неволю изгоям святая инквизиция внушала панический ужас. Из городской тюрьмы рано или поздно можно было освободиться, а вот из подвалов Трибунала Священной Канцелярии не выходил почти никто.

— Инквизиция? — пробормотал кто-то за моей спиной. — Да, похоже, парень-то из благородных!

Действительно, трибунал редко обращал свое внимание на простонародье, если только речь не шла о потомках мавров или выкrestах-конверсах.

— Вы, сеньоры, имеете дело с Диего Гарсией де Алькороном, — сказал я с достоинством. — Надеюсь, моего имени достаточно, чтобы никто из вас не совершил непоправимой ошибки, попытавшись затеять со мной драку.

— В тюрьме мы все благородные доны, — хмыкнул пришедший в себя Эль Торо. — А шпаги у тебя с собой нет, как я заметил.

Тут он был, к сожалению, прав — шпага моя осталась висеть на гвозде в доме вдовы Хуарес.

— Шпага мне тут без надобности, — возразил я. — А то, что здесь может понадобиться, всегда со мной.

— И что же это? — спросил лысый хмырь, сидевший по левую руку от Эль Торо.

Я прикоснулся пальцем ко лбу.

— Знания, сеньоры. Я *летрадо*, юрист.

Надо отдать должное моим новым соседям — им не пришлось долго объяснять, для чего в тюрьме может пригодиться знание юриспруденции.

— Может, ты еще и писать умеешь? — недоверчиво осведомился лысый.

Я не удостоил его ответом, ограничившись саркастической усмешкой.

— И жалобу написать можешь? — спросил кто-то с надеждой.

— И прошение? Ну, чтобы дело пересмотрели?

— Не прошение, а апелляцию, — поправил я веско.

Это их добило. Враждебность на лицах сменилась крайней почтительностью. Трое заключенных, включая зверовидного Эль Торо, освободили мне лучшее место у дальней стены, под самым окошком. Там, по крайней мере, можно было дышать.

Я перетащил туда свой тюфяк и спокойно улегся, совершенно не опасаясь каких-либо неприятных сюрпризов. Почти каждый из обитателей камеры нуждался в помощи юриста, а единственным юристом в городской тюрьме Саламанки был я. Если вы так нужны окружающим, бояться вам нечего. В мире нет брони крепче.

Другое дело, что заснуть мне удалось далеко не сразу. Тонкая струйка свежего воздуха, проникавшая через зарешеченное окошко, без остатка растворялась в тяжелой, спертой атмосфере камеры. Некоторые узники ужасно храпели; время от времени соседи такого храпуна зажимали ему нос, и он, начиная задыхаться, просыпался и разражался отборной бранью. Другие вскрикивали во сне — им, видимо, снились кошмары. Где-то за стеной заунывно выла собака. В соломенном тюфяке кишмя кишили клопы. Никогда еще мне не доводилось проводить ночь в столь мало подходящем для этого месте.

Но я не стал бы придавать чрезмерного значения этим мелким неудобствам, если бы не терзавшие меня мысли. Попасть в тюрьму само по себе неприятно, но гораздо хуже оказаться узником священного трибунала. Как ни хотелось мне надеяться на чудесное избавление, трезвый рассудок подсказывал, что готовиться нужно к самому худшему.

Было совершенно ясно, что я пал жертвой заговора молодого графа де ла Торре и судьи Гусмана. Мой роковой ошибкой стал визит к отцу Лауры — когда я заявил ему, что один из напавших на меня негодяев перед смертью назвал имя графа, заговорщики

так перепугались, что решили обратиться за помощью к святой инквизиции. Даже если бы у меня на руках имелись неоспоримые доказательства вины де ла Торре (а их, напомню, у меня не было), слугам трибунала было безразлично, кто подкупил убийц: они вообще не занимались светскими преступлениями. Зато все, что хоть немного напоминало ересь, мгновенно приводило их в то состояние, в которое приходят старые боевые кони при звуках полковой трубы.

Вот только я совсем не был похож на еретика.

Конечно, для того чтобы попасть в руки инквизиторов, совсем не обязательно быть *настоящим* еретиком. Достаточно, например, неудачно пошутить над папой римским или, скажем, над епископом Севильи. Но я никогда не шутил над этими достойными сеньорами; более того, скажу честно — мне не было до них вообще никакого дела.

И даже если представить, что я когда-то позволил себе некий выпад в адрес римского престола или Священного Писания, этого было совершенно недостаточно, чтобы арестовать меня среди ночи спустя всего лишь несколько часов после того, как судья Гусман или граф де ла Торре назвали мое имя инквизиторам.

При всей своей мрачной славе инквизиция никогда не действовала вслепую и второпях. Аресту всегда предшествовало предварительное расследование, зачастую довольно длительное. Тот, кого должны были арестовать, конечно же, ничего не подозревал, а за его спиной уже не спеша крутились колеса тайного судопроизводства, копились изобличавшие его бумаги, подшивались показания многочисленных анонимных свидетелей.

Конечно, де ла Торре и Гусман могли написать на меня донос гораздо раньше, как только граф решил посвататься к Лауре. Но зачем тогда ему было тратиться на убийц, которые чуть не прикончили меня на мельнице старого Хорхе?

Я терзался сомнениями до самого утра и лишь на рассвете ненадолго провалился в черный и вязкий, словно деготь, сон. Мне снилась Лаура, восседавшая на огромном вороном коне. Она была

совершенно обнаженной, если не считать повязки на глазах, делявшей ее похожей на статую Фемиды. В руке у нее была плеть, которой она нещадно хлестала своего скакуна. Под воздействием этих ударов лошадиная морда все больше искалась, превращаясь в человеческое лицо, весьма напоминавшее страховидную рожу Эль Торо.

— Эй, сеньор летрадо, проснитесь! — сказал конь, оскалив черные пеньки сгнивших зубов.

Тут я понял, что уже некоторое время лежу с открытыми глазами, а надо мной действительно склонился Эль Торо. Теперь, при дневном свете, через дыру в его щеке был виден толстый красный язык.

— Что такое? — проговорил я, пытаясь сдержать тошноту, вызванную не столько отталкивающим видом моего соседа по камере, сколько зловонием, вырывавшимся из его рта.

— Пришли за вами, сеньор, — громила скосил глаза на дверь.

Там действительно стояли двое тюремщиков, нетерпеливо поигрывавших дубинками. А за их спинами маячил некто в черном балахоне с капюшоном, закрывающим лицо.

Я поднялся и отряхнул прилипшие к колету соломинки.

— Пошевеливайся! — рявкнул один из тюремщиков. — А ну живее!

— А вежливости тебя не учили? — огрызнулся я.

Страж побагровел и взмахнул дубинкой.

— Не трогай его, — негромко проговорил некто в черном. — А вы, сеньор Диего, не заставляйте себя ждать, это невежливо.

Голос у инквизитора был тихий, но довольно зловещий. Тюремщик послушно опустил дубинку и злобно уставился на меня своими красными, словно у хорька, глазками.

Обитатели камеры, затаив дыхание, наблюдали, как я иду к выходу. Лысый хмырь вполголоса пробормотал:

— Вот и остался я без пияцции...

Меня провели по длинному коридору с низким сводчатым потолком. Инквизитор, слегка ссутулившись, шел впереди. Он едва слышно бормотал себе под нос слова молитвы.

— Святая Дева Мария, спаси душу этого заблудшего грешника...

Внезапно инквизитор остановился — так неожиданно, что я едва не сбил его с ног. Он извлек из-под складок балахона массивный ключ и вставил его в замок окованной металлическими полосками двери.

— Прошу вас, сеньор Диего, — прошелестел он, распахивая дверь передо мной, — заходите.

Я перешагнул через порог и осмотрелся. Посреди скучно освещенной комнаты стоял длинный, покрытый грязно-зеленым сукном стол. В торце стола возвышалось деревянное кресло — и «возвышалось» здесь вовсе не фигура речи, как вы, возможно, подумали. Само по себе довольно громоздкое, оно стояло на сколоченной из досок платформе в локоть высотой. С противоположной стороны стола находилась низенькая скамеечка, на которую меня и усадили тюремщики. Инквизитор же, подобрав полы своего балахона, забрался на высокое кресло, оказавшись сразу на две головы выше меня.

Разумеется, то была всего лишь нехитрая уловка, заставлявшая обвиняемого чувствовать себя ничтожным и бессильным перед лицом всемогущего священного трибунала, но, должен признать, уловка весьма действенная. Ибо, глядя снизу вверх на бесстрастное лицо инквизитора, я впервые ясно понял, что в этих стенах со мной и вправду могут сотворить все, что угодно, — и нет никого, кто сумел бы вызволить меня отсюда.

— Диего Гарсия де Алькорон, — голос человека в черном был по-прежнему тих и бесстрастен, — понимаешь ли ты, куда попал и в какой опасности находишься?

Я призвал на помощь все свое мужество и ответил:

— Сеньор, я вижу, что попал в тюрьму, но для меня загадка, что послужило причиной этого. Я не знаю, в чем меня обвиняют, и не представляю, чем моя персона может заинтересовать святую инквизицию.

Минуту инквизитор молча разглядывал меня со своего возвышения. Затем по-птичьи склонил голову и вкрадчиво спросил:

— Скажи мне, Диего, есть ли у тебя враги?

— Вероятно, есть, поскольку я живой человек, а врагов нет только у мертвецов.

Выразиться столь уклончиво меня побудило одно простое соображение. Я хорошо знал, что каждое имя, записанное во время допроса следователем инквизиции, будет непременно использовано в ходе дальнейшего судебного разбирательства. И тех, кого я назову, могут вызвать на закрытое заседание трибунала, где они, облаченные в бесформенные балахоны и белые колпаки, скрывающие лица, будут свидетельствовать против меня. И что тогда помешает графу де ла Торре уже впрямую обвинить меня в какой-нибудь гнусной ереси?

Однако, оглядевшись по сторонам, я не увидел секретаря, который обычно ведет протокол допроса. Место для него имелось — дряхлого вида конторка в темном углу, — но за ней никого не было. Мы были в комнате вдвоем — я и загадочный инквизитор. Тюремщики, к моему удивлению, вышли в коридор, оставив нас наедине. При желании, я, наверное, мог бы даже свернуть следователю шею... вот только для этого мне нужно было выбраться из-за стола, обойти его, дотянуться до сидевшего на возвышении инквизитора... а за это время он десять раз успел бы кликнуть охрану.

И даже если мне удалось бы расправиться с этим сморчком, что бы я стал делать дальше? Выбраться из комнаты было невозможно — узкое окно было забрано крепкой на вид решеткой. В коридоре ожидали стражники с дубинками.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что единственным вариантом было как-то склонить следователя на свою сторону, постаравшись убедить его в своей полной невиновности. О, конечно, я понимал, что каждый узник, попавший в руки инквизиции, твердит одно и то же, но я-то действительно был ни в чем не виноват!

— Как ты думаешь, сын мой, — прервал мои размышления инквизитор, — кто из них мог донести на тебя в Священную канцелярию?

— Понятия не имею, — ответил я, стараясь по возможности изобразить искреннее недоумение. — Возможно, если, святой отец, вы

хотя бы намекнули мне, в чем меня обвиняют, я сумел бы лучше ответить на ваш вопрос.

Хитрость, признаюсь, была неважнецкая, и следователь, разумеется, это понял.

— В этих стенах, сын мой, ты должен отвечать честно и искренне и не пытаться увиливать. Только это может спасти твое бренное тело... о душе же мы поговорим отдельно.

Голос его обладал какой-то магической силой — клянусь, что в это мгновение я был почти готов назвать имена графа де ла Торре и судьи Гусмана. Но, вовремя опомнившись, сказал:

— Два дня назад, отец мой, некие негодяи пытались заколоть меня, спящего, на водяной мельнице в деревушке Ведьмин Лог. Быть может, они и донос на меня написали?

Инквизитор поперхнулся от неожиданности. Такая обычная человеческая реакция на мои слова несколько меня приободрила.

— А ты знал этих людей, сын мой? — спросил он, справившись с секундным замешательством.

Я пожал плечами.

— Никогда прежде их не видел. Но я допускаю, что они могли знать меня.

— И тебе не показалось странным, что какие-то неизвестные люди пытаются тебя убить?

— Еще бы, святой отец! — воскликнул я с воодушевлением. — Я ведь обычный школьник...

— Бывший школьник, — поправил меня инквизитор.

— Вообще-то я собирался продолжить обучение, — скромно сказал я. — Меня привлекает карьера правоведа...

— Довольно странно, сын мой, в твоем положении рассуждать о какой-то карьере, — заметил инквизитор мягко. — Но мы отвлеклись. Ты, кажется, собирался перечислить имена своих врагов...

— Как же я могу их перечислить, если они мне неизвестны?

Человек в черном вздохнул и сложил ладони в молитвенном жесте.

— Юноша, знаешь ли ты, скольких подследственных я допрашивал? Больше тысячи. И мне хорошо известны все ваши жалкие

уловки, к которым подталкивает вас отец всякой лжи, то есть дьявол. Уверяю тебя — ты заговоришь, хочешь ты этого или нет. У нас в распоряжении достаточно средств для того, чтобы сделать твою плоть податливой, а дух — смиренным. Но пока что я намерен беседовать с тобой как с разумным человеком. Назови мне тех, кто имел основания донести на тебя трибуналу.

«Этот так просто не отстанет», — подумал я.

— Что ж, святой отец... год назад я причинил некий физический ущерб секретарю декана нашего факультета, сеньору Рибальдо. Из-за этого меня и отчислили из университета.

Инцидент, о котором я уже упоминал, обсуждали некогда все школьники и преподаватели Саламанки. Скрывать его было глупо, да и не тот человек был сеньор Рибальдо, чтобы я мог его опасаться даже в роли свидетеля трибунала.

— Так, — удовлетворенно сказал инквизитор, по-прежнему не делая никаких попыток записать мои слова на бумаге, — значит, секретарь декана факультета...

И вдруг хлопнул ладонью по столу с такой силой, что я даже подскочил на месте.

— Что ты мне голову морочишь, щенок? Я разве спрашиваю тебя про всяких идиотов, которые готовы даже на его святейшество папу написать донос ради собственной выгоды? Ты обвиняешься в страшном преступлении, и обвинение это подтверждается доказательствами! Да если бы на моем месте сидел другой следователь, он просто отправил бы тебя на костер, да и дело с концом! А мне вот почему-то вздумалось тебе помочь!

Надо признать, эта неожиданная вспышка произвела на меня впечатление.

— Не понимаю вас, святой отец, — пробормотал я смущенно. — Готов признать, что вел довольно беспутный образ жизни. Любил поразвлечься с девицами и даже с замужними дамами. Возможно, пил несколько больше, чем следует. Играли в азартные игры. Но никаких страшных преступлений я не совершил, клянусь расприятием!

— Не богохульствуй, — прервал меня инквизитор. — Обычно на первом допросе подследственному этого не говорят, но ты, видно, и сам не понимаешь, какая беда с тобой случилась. Тебя обвиняют в том, что ты якшался с дьяволом!

Вероятно, ничего хорошего в этой новости не было, но я, признаться, ожидал чего-то более конкретного, и даже слегка расслабился, услышав, в чем, оказывается, состоит мое преступление.

— Совершенно точно нет, святой отец, — сказал я с облегчением. — Я регулярно посещаю церковь, хожу на исповедь и к причастию. Наш семейный духовник фра Бартоломео Матос может это подтвердить.

— О, не сомневайся, его-то мы обязательно спросим, — успокоил меня следователь. — Но что может подтвердить этот достойный служитель церкви? Что ты не давился облатками и святая вода не оставляла на твоей коже ожогов? Ах, юноша, если бы тех, кто продал душу Люциферу, можно было бы вычислить так просто...

Он выпрямился в своем кресле и откинулся с лица черный капюшон. Я увидел худое, изборожденное глубокими морщинами лицо; лицо это принадлежало, безусловно, человеку, привыкшему к аскетическому образу жизни и изнурявшему себя постом и молитвами, но совсем не старому. Глаза инквизитора блестели, словно у игрока в кости перед решающим броском.

— Известно ли тебе, сын мой, что это за вещь? — спросил он, извлекая из складок своего черного одеяния небольшой кожаный мешочек.

Его тонкие пальцы держали мешочек за концы шнурка, которым тот был завязан. Мешочек болтался перед инквизитором, словно маятник, — туда-сюда. Однажды на ярмарке в Толедо я видел египетского фокусника, который с помощью такого вот маятника заораживал публику. У меня появилось чувство, будто передо мной не святой отец, а тот самый египтянин, — как я ни старался, отвести взгляд от мешочка было выше моих сил.

— Понятия не имею, святой отец, — с трудом ворочая языком, ответил я.

Ибо мешочек в руках у инквизитора был как две капли воды похож на ладанку, подаренную мне Лаурой.

Подтверждая мою страшную догадку, следователь ухмыльнулся и перевернул его над столом. Тускло блеснувший серебряный дельфин глухо ударился о зеленое сукно.

Вслед за дельфином упал на стол и сам мешочек, пустой и легкий, как кошелек проигравшегося в пух и прах картежника.

— Дельфин? — спросил я, хотя это было и так очевидно.

— Африканские рабы называют такие вещи *больса де мандинга*¹, — произнес инквизитор мрачно. — Говорят, что негры шьют мешочки, в которых хранят эти богопротивные амулеты, из кожи, срезаемой с грудей своих мертвых женщин.

При мысли о том, что я носил это у себя на шее, меня замутнило.

— Однако эти *больсас* известны не только черным, — продолжал следователь. — Некоторые кастильцы кощунственно вешают мешочки с дьявольскими амулетами себе на шею, как добрые христиане носят крестики или ладанки. Человек, запятнавший себя подобным образом, все равно что подписал договор с дьяволом!

— Я... никогда не слышал ни о чем подобном, святой отец.

Это была чистая правда. Но вторая половинка этой правды, о которой я предпочел умолчать, была гораздо страшнее: «чертов мешок» подарила мне Лаура. Моя возлюбленная, нежная, невинная Лаура.

Инквизитор опечаленно покачал головой.

— Скажи мне, сын мой, где ты провел ночь со среды на четверг?

Я на мгновение задумался, поскольку из-за свалившихся на мою голову бед даже потерял представление о том, какой нынче день недели.

— То есть две ночи назад? Я же говорил — на мельнице старого Хорхе в mestechke Ведьмин Лог.

¹ «Чертов мешок» (*исп.*)

— То была ночь со вторника на среду, — терпеливо возразил инквизитор. — Я же спрашиваю тебя о следующей.

Стало быть, я ухитрился потерять где-то целые сутки!

— В гостинице «Перец и соль», святой отец. Ее владелец, Фелипе Португалец, может это подтвердить.

Следователь удовлетворенно кивнул.

— Не беспокойся, он подтверждает. По словам Фелипе, ты занял так называемую мавританскую комнату на третьем этаже его заведения. Это так?

— Да, — ответил я, насторожившись. — Но мавританской она зовется только потому, что обставлена в восточном стиле, а не потому, что там есть священные мусульманские книги или какие-нибудь статуи Магомета...

— Хорошо же вас учат в Саламанке, — вздохнул инквизитор. — Неужели ты не знаешь, что мусульманам запрещено делать человеческие изображения, поэтому в их мечетях и дворцах вовсе нет статуй? Ладно, речь сейчас не о том. Итак, ты ночевал в этой комнате... один?

— А вот на этот вопрос, святой отец, я предпочел бы не отвечать, — сказал я твердо.

Я ожидал, что следователь разозлится и начнет вновь пугать меня страшными карами, но он лишь устало вздохнул и пожал плечами.

— Как хочешь, сын мой. Я давал тебе возможность облегчить свою участь чистосердечным признанием. Но ты упорствуешь и явно не спешишь спасти свою душу.

Он брезгливо ткнул пальцем в накрытую кожаным мешочком фигурку дельфина.

— Я знаю, что эта вещь появилась у тебя недавно. Мы допросили Фелипе Португальца и всю его прислугу и можем с большой степенью уверенности утверждать, что, когда ты поселился в «Перце и соли», дьявольского амулета у тебя еще не было. А вот когда ты покинул гостиницу утром четверга, он у тебя уже был!

Должен сознаться — даже в тот момент я еще не понял, что на шею мне уже наброшена гаррота¹. А она уже начала медленно сжиматься.

— Видишь ли, сын мой, — продолжал между тем инквизитор, — у этих амулетов есть одна весьма примечательная особенность. Тех, кто ими владеет, дьявол метит своими знаками.

— Какими... знаками? — еле слышно спросил я.

— У носящих *больсас де мандинга* меняются глаза.

Признаюсь, сначала я не понял, о чем он толкует. Следователь растопырил пальцы, словно хотел напугать меня «козой», и боднул ими воздух, метя мне в глаза.

— Какого цвета твои глаза, сын мой?

— Темно-серые, как и у каждого порядочного кастильца, — уверенно ответил я. Конечно, последний раз я смотрелся в зеркало довольно давно, но в чем-чем, а в этом сомнений у меня не было.

— Ты прав, — согласился инквизитор. — Сейчас они именно таковы. И когда ты в среду поселился в гостинице Фелипе Португальца, они тоже были серыми. Но вчера утром... когда ты выходил из «Перца и соли»... и позже, когда встречался с судьей, и наконец, когда тебя арестовали нынче ночью — они были другими.

— Что значит — другими? — охрипшим голосом спросил я.

— Один твой глаз был зеленым, а другой — голубым, — ответил он угрюмо. — Это подтверждают три свидетеля, включая главного судью Саламанки сеньора Гусмана и высокочтимого отца Лусеро. Ты изобличен, сын мой. Дьявол пометил тебя.

Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног.

— Но вы же сами сказали, что сейчас с моими глазами все в порядке, — пробормотал я.

¹ Гаррота — испанское приспособление для казни посредством удушения. В описываемое время представляла собой веревочную петлю с палкой. Палач крутил палку, вызывая медленное сдавливание шеи казненного. Впоследствии трансформировалась в железный обруч, снабженный винтом. Более изощренные виды гарроты («каталонская гаррота») включали в себя еще и острый металлический шип, пронзавший шейные позвонки жертвы.

— Потому что отец Лусеро избавил тебя от проклятой больса де мандинга, — объяснил следователь. — Но если бы я позволил тебе снова взять ее в руки, то через некоторое время твои глаза опять стали бы разноцветными.

Меньше всего мне хотелось притрагиваться к страшному мешочку и к серебряному дельфину. Инквизитор, по-видимому, понял это и, вздохнув, смахнул фигурку и больса в выдвижной ящик стола.

— Ты понимаешь теперь, сын мой, почему мы арестовали тебя? Тебе грозит сюровое наказание... но ты можешь избежать его, если расскажешь, кто дал тебе этот дьявольский амулет.

«Если ты хоть одним словом обмолвишься о Лауре, ты ее погубишь», — прошелестел у меня в ушах чей-то голос. Кто шепнул мне это? Может быть, ангел-хранитель, который, как говорила моя мачтушка, стоит у каждого человека за правым плечом? Не знаю. Но шепот я слышал отчетливо.

— Я... я нашел его, — ответил я первое, что пришло в голову.

— Нашел? — доброжелательно повторил инквизитор. — И где же?

— В «Перце и соли». — Я постарался изобразить раскаяние. — В мавританской комнате. Под подушкой. Вероятно, его забыл там кто-то из прежних постояльцев...

— Неужели? — по-прежнему добродушно спросил следователь. — Но тебе следует знать, сын мой, что мы надлежащим образом опросили всю прислугу в упомянутой гостинице. Комнаты там убираются и моются весьма тщательно. Особенно это касается мавританской комнаты, которую сдают гостям, испытывающим подозрительную страсть к омовениям и телесной чистоте.

Только тут я обратил внимание на запах, исходивший от инквизитора. Правильнее было бы сказать — вонь, ибо, как и большинство его коллег по трибуналу, мой следователь вряд ли мылся чаще двух раз в год. Хорошо еще, что он сидел довольно далеко от меня.

Впрочем, в пору моей юности запах давно немытых тел буквально висел над всей Испанией. Я уже упоминал, что мавританские привычки ежедневного омовения постепенно входили в моду, но

на их приверженцев посматривали весьма косо. Традиции наших героических предков, изгнанных некогда проклятыми маврами в горы и бесплодные пустоши и принужденных вести суровую и бедную жизнь в суровых и бедных краях, все еще были чрезвычайно сильны. Семья Алькорон представляла собой счастливое исключение, ибо моя матушка, донья Изабель, дочь королевского посланника при дворе турецкого султана, провела свое детство в великом городе Константинополе, который мавры называют Истанбулом. Там она приучилась ежедневно принимать ванну, чистить зубы и следить за своими ногтями, а выйдя замуж за моего отца, приучила к этому и его (хотя, как я подозреваю, огрубевший в боях солдат пошел на такие жертвы исключительно из любви к своей юной супруге).

— Можно считать доказанным, — продолжал меж тем инквизитор, — что этого амулета *не было* в мавританской комнате до того, как туда вселился некий Диего Гарсия де Алькорон. А поскольку свидетели показывают, что упомянутый сеньор покидал гостиницу, будучи уже разноглазым, — он выделил это слово интонацией, — то следует признать, что Диего Гарсия де Алькорон получил *больса де мандинга* от кого-то в самой гостинице.

И тут инквизитор впервые позволил себе улыбнуться — одними краешками тонкогубого рта.

— Вероятно, от той самой особы, с которой ты провел ночь со среды на четверг.

В его голосе я явно расслышал лязг захлопнувшегося капкана.

— Ну так что же? — подбодрил меня следователь. — Ты вспомнил, с кем ты был в «Перце и соли» в ту ночь?

На мгновение я усомнился в том, что за всем этим заговором действительно стоят де ла Торре и судья Гусман. Потому что стоило мне сейчас назвать имя Лауры, и судья лишился бы своей любимой дочери, а граф — невесты. И тут же мне стало ясно, что именно на этом и был построен их дьявольский расчет! Ни при каких обстоятельствах я не решился бы подвергнуть опасности жизнь своей возлюбленной. И если этот амулет действительно мог

заинтересовать Трибунал Священной Канцелярии, то я бы скорее умер, чем позволил инквизиторам связать его с моей драгоценной Лаурой.

— Чтобы слегка освежить твою память, — доброжелательно добавил инквизитор, — я скажу тебе, что Фелипе Португалец признался, что в ту ночь к тебе приходила некая сеньора... или сеньорита... закутанная в плащ из нежелания быть узнанной. Если ты сообщишь мне, кто это был, — а как видишь, никаких протоколов сейчас не ведется, ибо это не допрос, а дружеская беседа, — я обещаю выяснить, не может ли эта таинственная дама быть владелицей амулета. В этом случае обвинения в связи с дьяволом будут с тебя сняты...

— Увы, святой отец, — проговорил я, тщательно взвешивая каждое свое слово, — я не могу назвать вам ее имени, поскольку не припоминаю, чтобы в ту ночь меня кто-то навещал. Если Фелипе и видел кого-то, то, верно, перепутал.

— В таком случае, нам остается только признать, что этот дьявольский амулет принес тебе сам дьявол, которого ты вызывал, запервшись в мавританской комнате. Место для этого, во всяком случае, ты выбрал подходящее.

Он вновь накинул капюшон и дважды хлопнул в ладости. За моей спиной открылась дверь, и тюремщики рывком подняли меня на ноги, грубо схватив за локти.

— У тебя будет время подумать над моими словами, сын мой, — напутствовал меня инквизитор. — Ты будешь подвергнут допросу с пристрастием лишь завтра утром.

Я почувствовал, что в позвоночник мне впилась ледяная игла.

Допрос с пристрастием на языке служителей трибунала означал пытку. А пытка почти всегда означала признание.

Даже в том, чего человек не совершил.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛА СИРЕНИТА

Леонид Иванович Дементьев, или, как звал его Петя, Кэп, оказался невысоким кряжистым мужчиной с густой шапкой седых волос и маленькими ярко-голубыми глазами, странно смотревшими на его грубом обветренном лице.

Когда я вслед за Трофимовым вошел на нависавшую над лазурным морем террасу пятизвездочного отеля «Лагуна», Кэп сидел за накрытым белоснежной скатертью столом и расправлялся с огромным лобстером. Лобстер, размером с хорошую курицу, был залит каким-то остро пахнущим розоватым соусом. Гарниром к нему служили ломтики запеченного картофеля, антрацитово поблескивающие маслины и прозрачные дольки лимона. При первом же взгляде на этот праздник живота у меня потекли слюнки и я вспомнил, что последний раз ел еще в самолете над Атлантикой.

— Приятного аппетита, Леонид Иванович, — вежливо сказал Петя, подходя к столу. — Вот, привел нашего нового переводчика. Зовут его Денис.

Некоторое время Кэп сосредоточенно выковыривал кусок сочного белого мяса из развороченного розового панциря. Потом, не поднимая головы, буркнул:

— Садитесь.

Мы сели. Я заставил себя оторвать взгляд от тарелки и посмотрел на Кэпа. Его мощные челюсти равномерно двигались, перевевывая пищу.

— Денис, — сказал он, откладывая вилку. — Тебе уже объяснили, в чем заключаются твои обязанности.

Это прозвучало скорее утверждением, чем вопросом, но я на всякий случай кивнул.

— Объясняю, в чем проблема. Тут почти никто не говорит по-английски. Сплошной хабла испаньоль¹. У тебя с испанским как?

— Нормально, — сказал я. Что-то подсказывало мне, что этот человек лучше всего воспринимает краткие ответы.

— Леонид Иванович, — вмешался Петя, — он по-испански щебечет лучше, чем мы по-русски!

Кэп тяжело посмотрел на Трофимова.

— Ты, может, и щебечешь, а нормальные люди разговаривают. Когда понадобишься, я тебя спрошу.

Петя вздохнул и с видом примерного ученика сложил руки на коленях.

— Короче, Денис. Сегодня у тебя день отдыха. Завтра с утра приезжаешь на склад — Петр объяснит, где это. Будем загружать борт. Посмотришь, что как делается, в случае необходимости поможешь. Третьего января в восемь ноль-ноль у нас вылет.

— Куда? — неосторожно спросил я.

Кэп неодобрительно взглянул на меня своими маленькими голубыми глазками и снова взялся за лобстера.

— Тебе сообщат, — отрезал он, с хрустом оторвав клешню. Брызнул сок. Несколько капель попало на накрахмаленную салфетку, заправленную за воротник рубашки Кэпа. — И запомни. Лиших вопросов здесь задавать не принято. По прибытии на место от самолета не отходить, выполнять мои приказы. Как в армии. Ты хоть служил?

— Погранвойска, — сказал я.

Кэп впился в оторванную клешню губами и, громко чмокая, высосал ее содержимое.

— Вот это хорошо, — он промокнул салфеткой жирные губы. — Молодец. Не то что некоторые. У кого плоскостопие, у кого энурез... В общем, ты меня понял.

¹ Habla Espanol? (произносится как «Абла Эспаньоль?») — Вы говорите по-испански?

Повисло молчание. Кэп вдумчиво полоскал руки в большой миске с лимонной водой. Я посмотрел на Петю.

— Ну, мы тогда пойдем? — спросил Петя неуверенно.

Кэп поднял голову. По его квадратному подбородку стекала мутная капля.

— Идите. Завтра чтоб на складе были к десяти.

Мы спустились с террасы и прошли через цветущий тропический сад. Над нашими головами летали разноцветные попугаи, в переплетении ветвей верещали маленькие обезьянки. По сравнению с роскошной «Лагуной», расположенной в самом дорогом районе Маракайбо на берегу Венесуэльского залива, мой «Эксельсиор» действительно выглядел довольно жалко.

Я уже знал, что в «Лагуне» живут все члены экипажа «Кита», кроме Пети Трофимова. Петя снимал двухкомнатную квартиру в районе старого порта, где у него, как он выражался, было больше пространства для личной свободы.

— Понимаешь, — объяснил он, — в «Лагуне», конечно, круто, но все равно чувствуешь себя как в коммуналке. Все друг за другом присматривают. А иногда ведь хочется и девчонку привести, и вообще... К тому же я за квартиру плачу тысячу боливаров в месяц, а номер в «Лагуне» стоит вдвадцать раз дороже.

— Неужели фирма оплачивает такой дорогой отель? — удивился я.

Трофимов захохотал.

— Конечно нет! Фирма селит всех в «Эксельсиоре». А «Лагуна» — это понты Кэпа и второго пилота. Лоб, хотя и жуткий жмот, панически боится оторваться от коллектива, а радиstu ничего не остается, поскольку он должен за всеми присматривать. Знаешь, как он орал, когда я объявил, что буду жить отдельно? Хулио Иглесиас отдыхает...

Я попытался пересчитать боливары на доллары. Получалось, что только за отель Кэп и другие обитатели «Лагуны» платят по пять тысяч баксов в месяц. Неплохо они тут устроились! Еще вчера я думал, что две тысячи долларов, которые обещали мне в «El Jardin

Magico», — это большие деньги. Но судя по всему, экипаж «Кита» оперировал совсем другими суммами.

— Очень есть хочется, — сказал я, вспомнив давешнего лобстера. — Давай, может, перекусим где-нибудь по быстрому?

— А давай, — согласился Петя. — Как раз рядом с тем местом, где я живу, в порту, есть отличный ресторанчик с морской кухней. Называется «La Сиренита», «Русалочка» по-нашему. Хотя кому я это рассказываю!

Мы вышли из ворот отеля (охранник-негр приложил ладонь к фуражке, отдавая нам честь), и Петя махнул рукой, останавливая такси.

— Порт, — сказал он по-русски, наклонившись к окну машины. — Пуэрто!

— Cinco¹, — проскрипел водитель.

Трофимов открыл дверцу и сделал приглашающий жест.

— Залезай!

— Ты давно в Венесуэле? — спросил я, когда такси отъехало от тротуара.

— Да полтора года скоро. А что?

— Нет, ничего. Просто странно, что ты за это время язык не выучил. Тем более живешь отдельно, практически в гуще народной...

Трофимов пожал плечами.

— К этому способности нужны... а мы люди бесталанные. Как в кабаках выпивку заказывать, знаем — и на том спасибо. Смешной ты человек, Диня! Ты радоваться должен, что я такой раздолбай. Если б я местную речь понимал да балакать на ней мог — на хрена бы ты тогда нам понадобился?

— Да, — сказал я, — об этом я как-то не подумал. А ты еще говорил, у вас тут до меня переводчик был...

— Знаешь, — Трофимов повернулся к окну, как будто там его что-то очень заинтересовало, — я бы предпочел не развивать эту тему. И, кстати, советую остальных тоже об этом не расспрашивать.

¹Пять (исп.)

Некоторое время мы ехали в молчании. Меня все больше занимала судьба моего предшественника — похоже, с ним случилось что-то нехорошее. Почему бы иначе Трофимов так старательно уклонялся от разговора?

Однако довольно скоро мелькающие за окном такси картины полностью захватили мое воображение и заставили забыть об этой загадке. По дороге из аэропорта я не успел как следует рассмотреть город — меня слишком отвлекал Виктор Виллануэво. А посмотреть было на что.

Дорога вилась вдоль берега моря, огибая белоснежные песчаные пляжи, на которых играли в мяч, пили коктейли и ели мороженое веселые загорелые мужчины и женщины. С другой стороны устремлялись к сияющему эмалевой голубизной небу хрустальные стрелы небоскребов. Клонившееся к закату солнце дробилось в зеркальных стенах, заливая их расплавленным золотом.

Я никогда еще не видел таких красивых городов.

— Это новый город, — сказал, оборачиваясь, Трофимов. — В шестидесятых тут начался нефтяной бум, деньги текли рекой... Но мне больше нравится старый, колониальный — мы сейчас к нему подъезжаем.

Старый город был кремово-розовым, он тонул в пышной зелени садов, над россыпью черепичных крыш вздымались тонкие иглы соборов. На берегу возвышался мрачного вида форт из темного камня, чьи мощные стены еще помнили яростные атаки пиратских фрегатов.

Такси нырнуло в лабиринт узких улочек, спускавшихся к порту. Петя жестами показывал шоферу, куда ему поворачивать. Водитель лавировал в плотном потоке машин, мотоциклов и моторикш, почти не снижая скорости. Дважды мы чуть не врезались в выскачивавшие откуда-то сбоку автомобили, один раз чуть не врезались в нас, но под конец поездки я с удивлением понял, что начинаю привыкать к местному стилю вождения. Когда Трофимов наконец похлопал таксиста по плечу и сказал: «Стоп!» — я даже несколько огорчился: слишком быстро закончился этот аттракцион.

Ресторан «La Sirenita» прятался за плотной стеной кустов, усеянных крупными малиновыми цветами. Я не удержался и потрогал один цветок — на ощупь он походил на бархат.

— Пойдем, — Петя потянул меня за рукав, — ты же вроде есть хотел, а не цветочки нюхать.

За живой изгородью находился дворик, уставленный деревянными столиками. Столиков было не меньше двадцати, но ни одного свободного я не увидел.

— Популярное заведение, — объяснил Трофимов. — Дешево и вкусно. Погоди, я сейчас с шефом переговорю...

Он направился к крытой листовым металлом веранде, на которой, судя по всему, располагалась кухня — оттуда тянуло щекочущими нос ароматами. Спустя минуту он вернулся вместе с невысоким пожилым мужчиной в белом поварском халате.

— Познакомься, это Хуан, — сказал мне Петя по-английски — видимо, чтобы Хуан все понял. — Хуан — лучший шеф-повар в Маракайбо. Хуан, а это мой друг Денис из Москвы. Он тоже отличный парень.

Судя по тому, как медленно и мучительно Петя произносил эту короткую речь, английский он знал на уровне «читаю и перевожу со словарем».

— Рад познакомиться, сеньор Денис. — Хуан церемонно наклонил голову. — Друг моего друга — мой друг!

Он неожиданно обнял меня и на мгновение прижал к груди. В институте нам рассказывали, что латиноамериканцы довольно бурно проявляют свои дружеские чувства, но на практике я столкнулся с таким впервые.

— Мой друг Петр, — сообщил я Хуану, — рассказывал мне, что «Ла Сиренита» — лучший ресторан в городе.

— Один из лучших, — серьезно ответил шеф-повар. — Это правда. У нас довольно демократичное заведение, но кухня действительно очень хороша. Сейчас вы в этом убедитесь.

Он жестом подозвал одного из официантов и вполголоса отдал ему какое-то распоряжение.

— Позвольте, я провожу вас, — все с той же важной серьезностью предложил Хуан. — Мы рады всем гостям, но для особенно близких друзей столики накрывают на утесе.

Петя сделал значительное лицо и украдкой показал мне большой палец.

На утесе стояло всего четыре столика; три из них были заняты, а четвертый, судя по всему, только что принесли и установили специально для нас. Отсюда открывался изумительный вид на старый форт и погружающееся в пылающие воды закатное солнце. Внизу, у подножия утеса, бились в облепленные тиной валуны тугие зеленые волны.

— Что сеньоры будут пить? — осведомился Хуан, выждав минутную паузу.

Петя обернулся ко мне.

— Что, сеньор, может, пивка для рывка? А потом что-нибудь посерезнее?

— Поддерживаю, — сказал я.

Мы заказали две литровые кружки того самого «Касика», который я уже пробовал в гостинице, салат из морских гребешков, дораду на гриле и молодых осьминогов в белом вине. Пока мы расправлялись со всем этим великолепием, закат почти додорел, и неслышно подошедший официант зажег на нашем столике свечу.

— Эх, сюда бы еще девчонок, — мечтательно протянул Трофимов. — Такие тут есть мучачи, брат Диня, — закачаешься... Все как я люблю — темненькие, фигуристые... Сиськи, жопа — все при них. Но, блин, по-английски вообще не шарят. Увидишь такую где-нибудь в клубе, начнешь знакомиться — и на втором предложении утыкаешься в языковой барьер. Вылезай, приехали. Все упирается в язык. И не в прямом смысле, что особенно обидно, а в переносном...

Я пожал плечами.

— Разве это проблема? Будем вместе знакомиться. Я же переводчик, ты что, забыл? Наметим цель, я их разведу, а дальше тебе и говорить ничего не надо...

Трофимов рассмеялся, хлопнул меня по плечу.

— Я в тебе не ошибся, товарищ! Мы зададим жару этому городку! Поехали в клуб!

— Погоди, — сказал я. — Я еще лобстера закажу. Я правильно понимаю, что он здесь стоит двенадцать баксов?

— Ну, типа того. Но это самый большой, *a lo macho*. Маленький — восемь... Ты не наелся, что ли?

«Просто я никогда в жизни не ел лобстера», — подумал я. А вслух сказал:

— Да я с прошлого года не жрал, голодный, как собака.

— А! — Трофимов хлопнул себя по лбу. — Ты ж Новый год-то в самолете, поди, встречал?

— Я его вообще два раза встретил. Первый раз еще в Москве, в Шереметьево. А второй — точно, в самолете. Мы как раз к Амстердаму подлетали.

Вспомнив об этом, я усмехнулся. И вдруг странное чувство заставило меня вздрогнуть: мне показалось, что все это происходило не двадцать часов назад, а давным-давно, и возможно, даже не со мной. Словно с того момента, когда я сошел по трапу «Боинга» в аэропорту Ла Чинита, для меня началась новая жизнь. И сейчас на утесе над вечерним Карибским морем сидел какой-то новый Денис Каронин, совсем не похожий на того человека, который встречал Новый, 1995 год в холодном зале ожидания Шереметьево-2.

— Ну, повезло тебе, — ухмыльнулся Петя. — Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. Значит, с работой у тебя все будет путем.

— Не вижу связи, — сказал я.

— Аэропорты и самолеты, — со значением проговорил Петя. — И так круглый год. А чем мы, по-твоему, занимаемся? Летаем на самолетах и сидим на аэродромах. Выводы делай сам.

Он ненадолго задумался.

— А то, что два раза Новый год встретил, так это вообще круто. Будет у тебя в этом году двойное счастье. За это, я считаю, нельзя не выпить.

В каком-то смысле он оказался прав, хотя обычно предзнаменования судьбы противятся столь примитивной расшифровке. Но в этом я убедился гораздо позже, а в тот момент мне не хотелось думать ни о каких тайных знаках. Я думал только о том, что попал в сказочный мир, мир своей детской мечты, и мир этот нисколько не разочаровал меня. Он был нежный, терпкий, веселый и буйный; его можно было пробовать на вкус, его можно было потрогать, его можно было нюхать. Он был реальным, этот сказочный мир, и это было удивительнее всего.

Поэтому я, разумеется, горячо одобрил предложение Пети. Мы взяли вина — сначала белого, к лобстеру, которого я все-таки заказал, а потом красного, к фруктам и мороженому. Мороженое было облито ромом, официант поджег его, и оно красиво горело прозрачным синим пламенем на фоне темно-фиолетового бархата моря. Идея показалась мне удачной; я потребовал бутылку настоящего пиратского рома, и бутылка не замедлила явиться.

Потом мы долго прощались с Хуаном, обнимались и клялись в вечной дружбе между Россией и Венесуэлой. Петя совал в карманы его белого поварского халата мятые двадцатидолларовые банкноты, и я краем сознания, еще выступающим из алкогольного тумана, подумал, что секрет расположения шеф-повара оказался до крайности прост. Затем наступило затмение. В какой-то момент я осознал себя сидящим на скамейке у обочины дороги; Петя пытался о чем-то договориться с таксистом, но, поскольку он делал это на русском, переговоры ни к чему не приводили.

В конце концов Петя обратил ко мне искаженное отчаянием лицо.

— Клуб, — чуть не плача, простонал он, — как по-испански будет «клуб», amigo?

— Эль клуб, — сказал я. Разницы, на мой взгляд, не было никакой, кроме определенного артикла, но таксист сразу же все понял. В машине я, видимо, снова отключился и пришел в себя уже в клубе.

Здесь было шумно и весело. Громко играла музыка, мелькали улыбающиеся лица с яркими белками глаз и неестественно расширенными зрачками. Мы вдруг оказались на галерее, расположенной

довольно высоко над танцполом; отсюда можно было наблюдать за прыгающими и извивающимися внизу телами. Петя куда-то исчез, а когда появился снова, с ним были две девушки.

— Вот! — торжествующе закричал он. — Смотри, какие *chicas*¹! Давай знакомиться!

Я так и не узнал, каким образом Петя их подцепил. Сначала *chicas* вели себя довольно скованно — видимо, напор Трофимова их напугал. Но потом мы их все-таки разговорили — точнее, говорил Петя, а я только переводил, — они повеселились и стали кричать, что хотят «Маргариту». Петя настаивал, что всем нужно выпить текилы. Девочки уперлись в свою «Маргариту», и в конце концов было найдено компромиссное решение — все пили текилу, но девочки запивали ее «Маргаритой». Текила, как ни странно, подействовала на меня отрезвляюще. Я заметил, что с противоположного конца галереи на нас как-то недобро поглядывают накачанные ребята довольно бандитского вида. У меня наметанный глаз на такие вещи; у каждого, кто хотя бы пару раз пил с Русланом в «Тюльпане» и был свидетелем его разборок с юнопортовскими, вырабатывается своего рода механизм раннего оповещения. Я ткнул Трофимова в бок.

— Видишь те рожи?

— Какие? — спросил он, поворачиваясь. — У-у, рожи! Да, неприятные.

— Не знаю, что им от нас надо, но сейчас эти неприятные рожи до нас домахаются, — сказал я. — Их там человек пять. Есть предложение нанести упреждающий удар.

— То есть? — удивился Петя.

— То есть свалить. Расклад не в нашу пользу.

— А девочки? Жалко же их тут бросать!

— Не спорю, — сказал я. — Сейчас попробую их уговорить...

Уговорить девчонок оказалось непросто. Они ни за что не хотели покидать клуб, не выпив прежде еще хотя бы по одному коктейлю.

¹ Chicas — девочки, «крошки» (исп.)

Между тем один из бандитов поднялся и, небрежно одернув белый пиджак, ленивой переваливающейся походкой направился к нашему столику.

— Что это вы на нас плялитесь, уроды? — спросил он, подходя. — Что-то не так?

Мне вдруг стало смешно. Конечно, это могла быть просто разводка, тупой повод для драки, типа нашего бессмертного «дай закурить». Но похоже было, что мы пали жертвой взаимного непонимания: мне почудилось, что они косо смотрят на нас, а им казалось, что мы с угрозой посматриваем на них.

— Все нормально, приятель, — сказал я, пытаясь сдержать смех. «Уродов» я решил пропустить мимо ушей, принимая во внимание превосходящие силы противника. — Мы обознались. Думали, что увидели знакомых.

Возможно, на этом все и закончилось бы, но тут в разговор неожиданно вступил Петя. К сожалению, слово «уроды» оказалось ему знакомо.

— Ты что сказал, — проговорил он по-русски, поднимаясь из-за стола. — Ты что сказал, чудила с Нижнего Тагила? Ты кого здесь уродами обозвал?

Естественно, бандит тоже уловил из всей его тирады только одно слово. Он дернул плечом и ударил Петю в солнечное сплетение.

Точнее, попытался ударить. Петя с не свойственной пьяному человеку грацией отклонился назад, перехватил летящий к нему кулак и рванул противника на себя. Бандит рухнул грудью на стол, расплескав остатки коктейлей и разбив пару бокалов.

Девчонки завизжали. Я увидел, что друзья поверженного бандита, переворачивая стулья, как в замедленной съемке, большими прыжками несутся к нам, чтобы восстановить справедливость.

Самое обидное, что я очень четко осознавал ограниченность своих возможностей. Я был смертельно пьян и вряд ли смог бы справиться даже с одним врагом. А нам предстояло иметь дело по крайней мере с четырьмя.

Пока я соображал, что же можно предпринять в такой ситуации, Петя быстро наклонился над телом бандита и что-то вытащил у него из-под пиджака. Когда он вновь выпрямился, в руке у него оказался большой черный пистолет.

— А ну стоять! — гаркнул он по-русски.

Я бы не удивился, если бы он пальнул в потолок, но этого не потребовалось. Бежавшие к нам бандиты остановились, словно налетев на невидимую стену. Один потянулся было к поясу, но Петя слегка повел стволом, и парень тут же поднял ладони вверху.

— Скажи им, чтобы не делали глупостей, — велел мне Трофимов звенящим от напряжения голосом. — Скажи, что мы сейчас уйдем.

Я перевел, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо и уверенно. Петя начал медленно отступать к лестнице, держа пистолет перед собой. Я последовал за Трофимовым, прихватив на всякий случай полупустую бутылку текилы. В крайнем случае, она могла сгодиться на то, чтобы врезать кому-нибудь по башке.

В это время зашевелился первый бандит. Он явно не понимал, что с ним произошло, и довольно бестолково шарил руками вокруг себя, пытаясь нашупать точку опоры. Двоих приятелей подбежали, чтобы поднять его на ноги. Когда им это наконец удалось, я увидел его лицо — взгляд у него плавал, как у боксера после нокаута.

— Спускайся первым, — отрывисто бросил Петя. — Быстро выходишь из клуба и ловишь машину. Быстро!

Я скатился вниз по лестнице и побежал к выходу, размахивая бутылкой. Никто не пытался мне помешать, наоборот, толпа расступалась передо мной, давая дорогу. Здоровенный вышибала в черной футболке с черепом и костями распахнул передо мной дверь.

Размышлять о причинах такого любезного отношения времени не было. Я выскочил на тротуар и взмахнул рукой, ожидая, что ко мне тут же подъедет свободное такси. Не тут-то было. На площади перед клубом стояло несколько машин, но ни одна из них и не подумала тронуться с места. Две или три демонстративно потушили фары.

Я бросился к ближайшему такси и попытался открыть дверцу. Безуспешно. Я заебарабанил в стекло — ни малейшего результата. В это время на освещенное крыльцо клуба выскочил Трофимов.

— Ну? — крикнул он. — Где тачка?

Пистолет по-прежнему был у него в руке.

— Не хотят везти! — объяснил я. — Совсем зажрались, сволочи...

— Тогда за мной! — скомандовал Петя и огромными прыжками помчался вниз по темной улице.

Не успели мы отбежать от клуба и двух кварталов, как за спиной послышался истошный вой полицейских сирен. Трофимов схватил меня за руку и потащил в какой-то узкий темный проулок.

— Если нам повезет, — бормотал он, — и это не тупик, хрена с два они нас поймают...

Нам повезло. Мы выбежали на довольно широкую освещенную улицу прямо перед носом у дремлющего на своем железном коне моторикши. Петя засунул пистолет под рубашку и вытащил из кармана десятидолларовую банкноту.

— Просыпайся, приятель. — Он звонко пощелкал пальцами перед лицом спящего. Тот проснулся и с удивлением уставился на тяжело дышащего Трофимова. — Динь, скажи ему, что он заработает десять баксов, если отвезет двух сеньоров в «Эксельсиор».

От десяти баксов моторикша не отказался. Мы залезли в темное нутро кабинки, где почему-то сильно пахло соленой рыбой.

— Я у тебя переночую сегодня, — сказал Петя, — если ты не против.

— Да не вопрос. Слушай, а чего нас таксисты у клуба везти не хотели? Боялись, что ли?

Петя хмыкнул.

— Конечно, боялись. С русской мафией никому связываться неохота.

— С русской мафией?

— Да это так говорится просто. Ну, знаешь, Голливуд, то-сё. Хотя, конечно, наши братки здесь время от времени выступают. Поэтому местные если видят, что русский, пьяный, да еще с пушкой, —

стараются от греха подальше. В клубе сразу, как я ствол достал, вызвали полицию. Им ведь что главное — чтобы на их территории стрельбы не было. Поэтому нас никто задерживать и не стал. А у водил, конечно, очко сыграло.

Он задумался, вытащил из-за пазухи пистолет, повертел в руках.

— Испанский «кондор». Дешевка. Слыши, Динь, скажи мастеру, чтобы на пляж заехал.

Я заглянул в маленькое окошечко в парусиновой перегородке, отделявшее кабинку от водителя и передал ему просьбу Трофимова. Повозка вильнула, съезжая на спускающуюся по склону дорогу, и через несколько минут остановилась у границы пустынного ночных пляжа.

— Пойдем, — сказал Петя.

Мы вылезли из кабины и пошли к морю, загребая туфлями сырой холодный песок. Я с некоторым удивлением обнаружил, что в руке у меня до сих пор зажата бутылка с текилой — содержимого в ней оставалось еще грамм двести.

Невидимое море мягко и мощно дышало в темноте. Большая электрическая луна ныряла в тучах, разбрасывая по волнам острые серебристые осколки.

— Нам такие улики на фиг не нужны. — Трофимов аккуратно обтер краем своей футболки рукоятку пистолета и, размахнувшись, с силой зашвырнул его в море. Во тьме будто плеснула большая рыба. — У тебя еще выпить осталось?

Я молча протянул ему текилу. Он сделал большой глоток и отдал бутылку мне. Текила была теплой и почему-то отдавала резиной.

— А девчонки хорошие были, — сказал Петя задумчиво. — Жаль, что телефончик не записали.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

— Во имя Господа нашего!

Внимательно рассмотрев улики и детали данного дела, мы получили основания подозревать заключенного и установили, что можем назначить ему допрос с пристрастием, а значит, с пытками, которым заключенный будет подвергаться в течение такого времени, которое мы сочтем необходимым, чтобы он сказал нам правду относительно обвинений, выдвинутых против него.

Эти слова произнес Эль Тенебреро, возглавлявший следственную комиссию Трибунала Священной Канцелярии. По правую руку от него сидел тот самый молодой инквизитор, который продемонстрировал мне вчера злополучного дельфина. По левую располагался одышилый толстяк с нездорово-багровым лицом и похожим на сливу носом. Все трое были облачены в черные одежды инквизиторов, только у Эль Тенебреро поверх балахона была надета массивная золотая цепь с огромным распятием.

— В дополнение мы заявляем, — торопливо добавил толстяк, — что если заключенный умрет, получит травмы, пострадает от сильного кровотечения или во время пытки лишится конечности, то это целиком и полностью его вина и ответственность, а не наша, потому что это он отказывается говорить правду!¹

¹ Подлинный текст формулы, зачитывавшейся узникам инквизиции перед пыткой.

Обыденный тон, которым было произнесено это предупреждение, бросил меня в дрожь. Я знал, во что могут превратить здорового сильного мужчину хитроумные механизмы, применяющиеся инквизиторами для того, чтобы сломить упрямство обвиняемого. А поскольку я поклялся себе ни за что не выдать свою возлюбленную Лауру, знакомства с этими механизмами было не избежать.

— Запишите также, — проговорил молодой инквизитор, — что обвиняемый, Диего Гарсия де Алькорон, был предупрежден о том, в чем его подозревают: в использовании предмета, называемого «дьявольским амулетом» или *больса де мандинга*, что в глазах святой Церкви приравнивается к колдовству, занятиям черной магией и сношениям с дьяволом.

Секретарь усердно строчил пером в своем темном углу.

— Мы надеемся, — веско произнес Эль Тенебрero, — что пытки, которые мы считаем необходимыми применить к обвиняемому, заставят его покаяться и откроют перед его заблудшей душой путь к спасению.

Возразить я не мог при всем желании — в рот мне был плотно забит вонючий шерстяной кляп. Вообще так не делают, но, когда меня нынче утром вытаскивали из камеры, я сломал одному из тюремщиков руку, а когда остальные все-таки меня скрутили, начал кусаться. Бить меня не стали — видимо, в камеру пыток я должен был попасть целехоньким, — но засунули в рот какую-то жуткую тряпку, о настоящем предназначении которой думать мне не хотелось.

— Палач, — позвал молодой инквизитор, — приступай к делу.

Появился палач — невысокий и довольно щуплый малый с черной маской на лице. Сквозь узкие прорези маски можно было разглядеть мутноватые, болотного цвета глаза.

— Пойдем, — сказал он, беря меня за плечо. Пальцы его больно сжали какую-то косточку, о существовании которой я до сей поры и не подозревал.

Не будь у меня туго стянуты за спиной руки, я уложил бы его одним ударом — такой он был хлипкий, но сейчас мне оставалось

только подчиниться. Тем более что на этот раз меня сопровождало не двое, а целых пятеро охранников.

Идти оказалось недалеко. Специальной пыточной камеры в городской тюрьме Саламанки не имелось, поэтому для нужд трибунала наспех оборудовали сарай, в котором обычно хранили разный плотницкий инвентарь. В углу располагалась устрашающего вида дыба, а посередине стояли обычные деревянные козлы и большой глиняный кувшин с водой.

— Куда его, святые отцы? — буднично осведомился палач у шествовавших за нами инквизиторов. Те переглянулись.

— Дыба как-то криво стоит, — вполголоса заметил толстяк. — Как бы не свалилась...

Эль Тенебрero с сомнением осмотрел жуткое сооружение, подергал за веревки и, скорчив недовольную гримасу, отошел.

— Потро, — бросил он палачу.

До меня не сразу дошло, что слово *потро* — «ложе» — имеет отношение к тем самым деревянным козлам, которые я сначала вообще посчитал оставленными здесь по случайности. И лишь когда палач подтолкнул меня к ним поближе, я понял, что это тоже орудие пытки.

Козлы стояли наклонно, под углом примерно в двадцать градусов. В более высокой их части были явно наспех проделаны два неровных отверстия.

— Положите его, — велел палач тюремщикам.

Меня схватили за ноги и за руки и положили на козлы таким образом, чтобы голова оказалась внизу, а ноги — вверху. Затем я почувствовал, что ноги мои грубо пропихиваются в прорезанные в козлах отверстия, так что они повисли в воздухе. Бедра при этом накрепко примотали к козлам широкими кожаными ремнями, наподобие тех, что используют погонщики скота для своих упряжек.

— Теперь держите за плечи, — распорядился палач.

Железные руки прижали меня к доскам. Палач, наклонившись, деловито закрепил у меня на лбу еще один кожаный ремень,

лишивший меня возможности вертеть головой. Тонкий, больно врезающийся в тело шнур перехватил горло.

— Обвиняемый готов, святые отцы, — доложил он следователям.

Кто-то откашлялся.

— Сын мой, — торжественно произнес Эль Тенебреро (я легко узнал его по гнусавому голосу), — знай, что мы не хотим видеть ужасные страдания, которые тебя ожидают, и приступаем к этому допросу с пристрастием лишь из желания спасти твою душу. Однако ты все еще можешь избежать их, если покаешься и без утайки признаешься в совершенных тобою преступлениях.

Наступило тяжелое молчание. Потом голос молодого инквизитора произнес:

— Монсеньор, у него кляп во рту.

— Ах да, — спохватился Эль Тенебреро. — Выньте кляп. Возможно, обвиняемый хочет сделать чистосердечное признание.

Его предположение не имело ничего общего с истиной. К этому моменту я уже успел мысленно проститься со своей молодой жизнью и не рассчитывал на прощение, тем более что цена этого прощения была слишком велика. Но это не значит, что я безропотно покорился судьбе: напротив, внутри меня кипел настоящий адский котел злобы и ненависти, которую я жаждал выплеснуть на своих мучителей. Поэтому, когда палач с некоторой опаской вытащил у меня изо рта мокрый от слюны комок шерсти, я немедленно плюнул ему в лицо, стараясь попасть прямо в прорезь маски.

— Ну вот, — обиженно воскликнул палач, отшатываясь, — он еще и плюется!

— Обвиняемый упорствует, — заметил Эль Тенебреро. — Секретарь, запишите это. Палач, приступайте к пытке водой!

Палач опасливо обошел козлы и встал у меня в головах. По его знаку двое дюжих тюремщиков подхватили большой глиняный кувшин и подняли его на вытянутых руках. Внезапно палач стремительным движением схватил меня за нос и крепко сжал пальцы. В глазах у меня потемнело от боли, и очень скоро я начал

задыхаться. Однако стоило мне только открыть рот, чтобы сделать спасительный вдох, как палач ловко всунул туда деревянную воронку. Я попытался выплюнуть ее — безуспешно. Палач навалился на меня всем своим весом, и, хотя он был не таким уж тяжелым, сопротивляться ему, будучи спеленатым по рукам и ногам, я не мог.

— Лейте, — распорядился он.

И я почувствовал, как в горло мне хлынула вода.

До того самого дня я очень любил воду. Правда же, нет ничего вкуснее холодной родниковой воды, от которой ломит зубы, — особенно в жаркий и душный летний день. Но вода в глиняном кувшине была какой-то тухлой, теплой и мерзкой на вкус, как будто ее набирали из затянутого тиной пруда вместе с лягушачьей икрой и дохлыми водяными жуками.

Но самое главное — ее было много. Слишком много.

Пальцы, державшие мой нос, разжались, так что я снова мог дышать. Вот только радости мне это не доставляло, потому что первый же вдох, казалось, наполнил водой мои легкие. Вода была везде, она заливала мне глаза, она забила мне ноздри, она хлюпала у меня в груди...

И еще она наполняла мой живот.

Как я уже говорил, я лежал головой вниз, и вода, казалось бы, должна была из меня выливаться. Какая-то ее часть, безусловно, следовала законам природы, но далеко не вся. Позже, когда у меня появилось достаточно времени, чтобы обдумать ее странное поведение, я понял, что причиной тому был слишком сильный напор и узкое горло воронки — таким образом, принцип пытки водой немногим отличался от секрета изготовления фонтанов, известных инженерам и архитекторам. Но в то утро мое сознание было занято совсем другим. Я с ужасом глядел на свой живот, который прямо на глазах раздувался, подобно бычьему пузырю, который мы мальчишками вешали над костром. Довольно скоро он достиг таких размеров, что лопнула поддерживавшая мои панталоны веревка. Я чувствовал, как меня распирает изнутри — напор был такой, что я каждую секунду ожидал услышать треск рвущегося на части желудка.

Внезапно все прекратилось. Поток воды иссяк, воронку вытащили у меня изо рта.

— Обвиняемый, — прогнусавил невидимый Эль Тенебреро, — признаешь ли ты, что дьявольский амулет, изображающий дельфина, хранившийся в мешочке из человеческой кожи, принадлежит тебе?

— Не признаю, — булькнул я.

При этих словах немного воды выплеснулось у меня изо рта, а раздутый живот заколыхался, как вышеупомянутый бычий пузырь под порывом ветра.

— Признаешь ли ты, — вступил в разговор молодой инквизитор, — что ночевал в мавританской комнате гостиницы «Перец и соль» в ночь со среды на четверг?

Отрицать это было глупо, но мне довольно долго не удавалось дать утвердительный ответ, поскольку именно в эту минуту меня начало рвать водой. Инквизиторы терпеливо ждали.

— Признаешь ли ты, — спросил одышливый толстяк, когда я наконец отплевался и откашлялся, — что желал с помощью амулета склонить к плотской связи некую девицу?

— Нет! — крикнул я отчаянно. — Знать не знаю никакого амулета...

— Палач, — вздохнул Эль Тенебреро, — продолжайте.

Пожалуй, я избавлю вас от в высшей степени неаппетитных подробностей. Скажу только, что пытка водой продолжалась до полудня, и за это время я несколько раз терял сознание, хотя ни один из моих внутренних органов, к счастью, так и не лопнул. Затем инквизиторы отправились перекусить, и я получил неожиданную передышку. Палач и охранники обедали тут же, в сарае, — во всяком случае, я слышал громкое чавканье, хотя голову повернуть не мог. Я по-прежнему лежал головой вниз, и вода потихоньку выливалась у меня изо рта.

— Крепкий, — буркнул один из охранников. — Это ж сколько мы в него влили, жуть! У меня руки даже заболели горшок этот держать... А главное, так ни в чем и не признался.

— Признается, — равнодушно сказал палач. — Как *трампу* применим, так сразу и признается.

— А чего ж сразу не применили? — поинтересовался другой охранник. — Времени сколько потеряли...

— Ты торопишься, что ль, куда-то? — возразил палач. — Деньги тебе так и так платят. Ну и мне тоже. А святым отцам спокойнее, если грешник не сразу сознается. Потому как если сразу начнет вонять — признаюсь, признаюсь! — то, скорее всего, лжет. Это его дьявол так научает, чтобы в чем-нибудь неважном признаться, а самое главное утаить.

— Вот оно как, — с уважением протянул охранник. — Наука целая!

— А ты как думал, — высокомерно сказал палач. — Двадцать лет уже кости ломаю, все хитрости превзошел...

Пытка *трампой* — то есть капканом — действительно оказалась ужасной. Прежде всего палач продемонстрировал мне ее орудие — длинную колючую веревку и привязанную к ней деревянную палку. Затем он нырнул куда-то под козлы, и я почувствовал, как он обматывает веревку вокруг щиколотки моей левой ноги.

— Обвиняемый, — забубнил толстяк, — признаешь ли ты, что получил дьявольский амулет, изображающий дельфина, в гостинице «Перец и соль»?

Пока я лихорадочно соображал, как лучше ответить на этот коварный вопрос, палач повернул палку и колючая веревка больно впилась мне в кожу. Я почувствовал, как мою ногу затягивает в какую-то узкую щель с острыми краями — что это было, я видеть, разумеется, не мог, но в голове моей ясно возник образ огромных тисков.

— Нет! Не признаю! — крикнул я.

— Второй виток, — приказал Эль Тенебреро.

На этот раз боль была куда острее, а ногу затянуло в предполагаемые тиски еще дальше. Я грязно выругался.

— Сын мой, — ласково произнес молодой инквизитор, — не усугубляй свою вину богохульством.

— Признаешь ли ты, что приобрел дьявольский амулет у какого-либо колдуна, еврея или цыгана? — прогнусавил Эль Тенебреро.

— Нет!

— Третий виток, — распорядился он, как будто и не ожидал иного ответа.

Мне показалось, что веревка режет уже не кожу, а мясо и вот-вот дойдет до кости. Пальцы ноги сдавило так, что я едва сдержал стон.

— Признаешь ли ты, что получил сей дьявольский амулет от человека, которого считал своим другом? — вкрадчиво спросил молодой.

— Нет! — заорал я что было мочи. — Нет, нет и еще раз нет!

— Четвертый виток!

Колючие шипы веревки вонзились в кость. Пальцы дробила на куски неведомая сила. В глазах у меня плескались кровавые волны.

— Признаешь ли ты, что тебе дала этот амулет девушка, с которой ты состоял в незаконной связи? — донеслось откуда-то издалека.

— Идите вы все к дьяволу! — простонал я. — Горите в аду!

— Мы хотим спасти твою душу, — в голосе молодого инквизитора слышалась искренняя печаль. — Неопровергимые улики свидетельствуют против тебя. Покайся, и избежишь адского пламени, которое страшнее любых земных страданий хотя бы потому, что оноечно!

— Я не знаю, что это за дельфин! — прошептал я. — Я... никогда прежде не сталкивался ни с чем подобным...

— Палаch, еще один виток!

Должен сознаться, что на пятом повороте палки, затягивавшей веревку все туже вокруг моей щиколотки, я не выдержал и завопил от боли. Перед глазами стоял густой багровый туман, в ушах ревели адские трубы и оглушительно грохотали огромные барабаны. Но я всю ночь готовился к этому и знал, чего нельзя делать ни в коем случае. Нельзя было признаваться. Нельзя было называть

чьих-либо имен. Первое означало костер — потому что признание, даже вырванное под пытками, служило неопровергимым доказательством вины и давало инквизиции право передать обвиняемого в руки гражданского правосудия для так называемого освобождения. Но второе было еще хуже, потому что, как учил меня отец, потерять честь для кабальеро куда страшнее, чем потерять жизнь.

Поэтому я молчал. То есть я орал, ругался, скрежетал зубами и даже пытался петь неприличную матросскую песенку, которой когда-то научил меня брат Луис. Но ни одного имени от меня инквизиторы так и не услышали.

А после шестого витка мир вспыхнул у меня перед глазами и я потерял сознание.

Очнувшись, я почувствовал, что боль, пронзившая мою левую ногу, стала не такой острой. Скосив глаза, я увидел палача, который, бурча себе что-то под нос, наматывал окровавленную веревку на деревянную палку. Я попытался пошевелить пальцами ноги, и это у меня получилось, хотя ногу как будто раскаленной иглой пронзило.

— Напрасно вы остановили пытку, брат Алонсо, — брюзгило проговорил Эль Тенебрero. — Еще немного — и он бы нам все рассказал.

— Еще немного — и он бы отдал Богу душу, — мягко возразил хорошо знакомый мне голос. — А мне хочется не только искоренить зло, но и узнать, откуда в Саламанке появилась новая *больса де мандинга*.

«Стало быть, молодого инквизитора зовут Алонсо», — отметил я про себя.

Позже я не раз удивлялся, каким чудом мне, истерзанному пытками, дрожащему от боли и унижения, удалось расслышать и запомнить этот разговор. Но факт остается фактом — я запомнил его от первого до последнего слова.

— Твое стремление найти источник распространения этой скверны похвально, — в голосе Эль Тенебрero слышалось раздражение, —

но порой мне кажется, что ради удовлетворения своего любопытства ты готов закрыть глаза на более серьезные преступления...

— Вы несправедливы, монсеньор, — спокойно возразил брат Алонсо. — Вы же не хуже меня видите, что этот юноша никакой не еретик. Единственное его прегрешение — хотя его тяжесть я не собираюсь оспаривать — заключается в том, что он по глупости воспользовался проклятым амулетом, который дал ему истинный враг нашей Церкви...

— А то, как он тут при нас оскорблял трибунал, его слуг и сам святой престол? — возмущенно закудахтал одышливый толстяк. — Это, по-вашему, не преступление?

Мне показалось, что Алонсо усмехнулся.

— Брат Гомес, — спросил он, — вы же участвовали в допросах епископа Арриаги?

— Разумеется, я ведь был секретарем следственной комиссии!

— Тогда вы должны помнить, какими словами достопочтенный епископ поминал его святейшество папу и его кардиналов. А ведь впоследствии его оправдали. Так что будем снисходительны к словам, которые исторгают из груди грешника *потро и трампа*.

Эль Тенебрero угрожающе засопел.

— Завтра я намерен добиться от этого щенка признания, — заявил он. — Пусть даже для этого придется вырвать ему все ногти — один за другим. Это и в ваших интересах, брат Алонсо. Ведь когда его увезут в Вальядолид, вам уже не удастся узнать, от кого сей сосуд греха получил проклятого дельфина!

— Почему, кстати, его не забрали до сих пор? — спросил одышливый брат Гомес. — Что за дыра эта Саламанка, даже тюрьмы приличной и то нет!

— Завтра вечером должна прибыть тюремная повозка. Так что, братья, у нас есть всего один день, чтобы установить истину.

— Надеюсь, нам этого хватит, — задумчиво проговорил брат Алонсо. — Я каждую ночь молю Господа, чтобы он позволил мне найти и выжечь каленым железом источник этой мерзости!

— Маррано, — уверенно заявил Эль Тенебрero. — Это их еврейская магия. Тут нет никакой загадки. Нужно сжечь всех иудеев и конверсос¹, и дело с концом.

— Для этого в Испании не хватит деревьев, — улыбнулся брат Алонсо. — И позвольте напомнить вам, монсеньор, что амулет быка, как мы знаем достоверно, уже несколько поколений принадлежит семейству Борджа, которое уж никак нельзя причислить к еврейскому племени².

— Тише! — прервал его Эль Тенебрero. — При посторонних, брат Алонсо!

Он, вероятно, имел в виду палача.

— Вы правы, — смиренно ответил брат Алонсо. — Продолжим беседу на улице.

— Приведите обвиняемого в чувство, — велел брат Гомес. — И пусть лекарь его посмотрит.

Когда инквизиторы вышли из саarya, палач приблизился ко мне и несколько раз ударил меня по ребрам деревянной палкой.

— Очухался, zurullón³? — злобно прошипел он. — Знаешь, что я с тобой сделаю? Я засуну тебе эту палку...

— Думаю, брату Алонсо это не слишком понравится, — перебил его чей-то спокойный, уверенный голос. — Он хотел видеть этого бедолагу на завтрашнем допросе живым и по возможности здоровым.

— Как скажете, дон Матео, — пробормотал палач, явно недовольный тем, что ему помешали осуществить задуманное.

— Освободи его, — распорядился невидимый дон Матео. — И принеси теплой воды и чистую тряпичку.

¹ Конверсос — «обращенные» — потомки евреев, обращенных в христианство в средневековой Испании. Часто продолжали исповедовать иудейскую религию, внешне соблюдая христианские обряды. Политкорректный синоним слова «маррано».

² Борджа (исп. Борха), более известные как итальянская патрицианская семья, происходят из Испании, из селения Борха в Арагоне. В Италию переселились в конце XV века.

³ Кусок дермы (исп.)

Когда палач развязал ремень, державший мою голову, я повернулся и посмотрел на моего спасителя. Это был полный розовощекий мужчина лет сорока с пышными усами и обширной блестящей лысиной. Он осторожно вытащил мои ноги из отверстий *трампты* и бережно промыл раны. Левая нога горела, словно пожиравшая адским пламенем.

— Кость не повреждена, — констатировал дон Матео, ощупав ногу (я скрипел зубами, изо всех сил стараясь не закричать). — Я сделаю вам повязку с целебной мазью, юноша, и раны затянутся через одну-две недели. Насколько я знаю наших святых отцов, завтра они примутся за вашу правую ногу, и как там обернется дело, предсказать не берусь, но левую вы, считайте, сохранили.

Он порылся в своей котомке и достал из нее глиняный горшочек, запечатанный пчелиным воском. Сломал печать и, зачерпнув деревянной лопаткой какую-то дурно пахнущую смесь, размазал ее по моей ноге.

Я взывал.

— Спокойней, юноша! — прикрикнул на меня дон Матео. — Если хотите знать, это я должен плакать от горя, а вовсе не вы. Эта мазь, обладающая совершенно чудодейственными свойствами, стоит не меньше двух золотых дублонов за унцию. Думаете, трибунал заплатит мне эти деньги? Дудки! Двадцать реалов в месяц — вот сколько они платят дипломированному медику! Двадцать реалов, при том что мои расходы на лекарства по меньшей мере в три раза больше!

— Мне очень жаль, — прохрипел я. — Если это так дорого... можете не тратить на меня вашу чудо-мазь...

— Бросьте пороть чушь! — рассердился лекарь. — Я, между прочим, давал клятву Гиппократа. Когда выйдете отсюда, пожертвуете некоторую сумму на больницу святого Георгия, и будем считать, что мы в расчете...

— Веселый вы человек, дон Матео, — пробормотал я, — если я и выйду отсюда, то только для того, чтобы принять участие в аутодафе¹.

¹ Аутодафе — буквально «акт веры», наказание еретиков, чаще всего — сожжение на костре.

— Будущего никто не может знать, — философски заметил лекарь. — Я всегда советую своим пациентам надеяться на лучшее. Надежда, как говорили римляне, умирает последней.

Он забинтовал мою ногу и помог мне подняться. Я пошатнулся, ибо стоять на одной ноге было крайне неудобно, но дон Матео во время поддержал меня.

— Вам пока лучше пользоваться вот этим, — сказал он, протягивая мне грубо сколоченный костыль, — но уже через два-три дня старайтесь ходить как можно больше, чтобы разрабатывать мышцы. Иначе кровь может застояться и начнется гангрена.

Я поблагодарил доброго лекаря и, опираясь на костыль, заковылял к выходу.

Мое возвращение вызвало у моих соседей по камере бурю восторга.

— Молодец, дон *Летрадо*! — Эль Торо обнял меня, как брата, и почти донес до моего места у окна. — Я знал, что ты выдержишь!

— Очень больно было? — робко поинтересовался Гнида — тот самый, которому я вчера едва не сломал палец.

— Пустяки, — ответил я сдержанно, — не о чем говорить.

— Тюремщики меж собой шептались, ты шесть витков трампы выдержал, — с уважением сказал лысый хмырь, которого, как я теперь знал, звали Хосе. — Это ж какой характер иметь надо! Ты приляг, приляг, мы тебе тут похлебки с обеда оставили, и хлеба полкраюхи...

Растянутый таким теплым приемом, я заставил себя проглотить несколько ложек похлебки (после пытки водой ни есть, ни тем более пить мне совершенно не хотелось) и, отодвинув миску, оглядел своих соседей по камере.

— Спасибо за еду, сеньоры. Завтра меня ждет еще один допрос, и я не знаю, в каком состоянии вернусь после него. Поэтому всем, кто нуждается в совете юриста, я постараюсь помочь сегодня.

Выполнить это оказалось сложнее, чем пообещать. В камере не было бумаги, и тексты апелляций и жалоб приходилось записывать

на рубашках игральных карт. Гусиного пера у моих товарищей тоже не нашлось — вместо него я использовал заточенное острым камешком голубиное. Роль чернил выполняла бурая жижа, которую заключенные получали, давя в миске больших черных жуков, обитавших в щелях тюремных стен. Но, главное, с заходом солнца работу пришлось прекратить, потому что ни свечей, ни фонарей в камере держать не позволялось, а тусклого света крохотной лампадки, имевшейся у Эль Торо, не хватало, чтобы разглядеть в темноте плошку с жучиным соком.

И все же, как ни странно это звучит, в ту ночь я уснул почти счастливым.

А проснулся оттого, что чья-то широкая, пахнущая железом ладонь зажала мне рот.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЭКИПАЖ «КИТА»

На следующее утро я проснулся рано и долго лежал, внимательно разглядывая балдахин над кроватью и размышляя о вчерашних похождениях.

Было совершенно ясно, что нас с Трофимовым сейчас разыскивает по крайней мере половина полиции Венесуэлы. Хотя мы вроде бы нигде не называли своих имен, я сомневался, что русских в Маракайбо чересчур много. Неленивые и сообразительные полицейские должны были вычислить нас не позже, чем к обеду.

Возникал закономерный вопрос, какое наказание предусматривала венесуэльская юстиция для хулиганов, учинивших погром в ночном клубе и размахивавших пистолетом в присутствии добродорпорядочных граждан. Но ответить на этот вопрос мог только Трофимов, а он заливисто хралел на диванчике, явно не переживая по поводу возможных проблем с законом.

Я поднялся, посмотрел на часы (было без четверти восемь), сходил в душ, натянул джинсы и футболку и только после этого растолкал бортинженера. Петя проснулся и тут же начал яростно чесаться.

— Твари проклятые, — ругался он, — напились русской кровушки! Говорил же тебе — закрывай на ночь окно!

— Душно было, — сказал я.

— А кондиционер на что?

Вчера ночью я не сумел найти пульт от кондиционера, о чем и сообщил Трофимову.

— Постой, постой, я его только что где-то видел, — пробормотал Петя, озираясь. — Вот черт! А я полночи заснуть не мог, все думал, что же мне так впивается в задницу... Ладно, это все лирика. Нам с тобой надо на склад ехать. Кэп вчера говорил — к десяти?

— К десяти, — подтвердил я. — А склад далеко?

— На другом конце города. Да не дрейфь, на такси быстро доберемся.

— Слушай, — сказал я, — нас же, наверное, полиция ищет...

Он посмотрел на меня как на идиота.

— Диня, расслабься! Про вчерашний инцидент уже все давно забыли. Ну, может, кроме пацанов этих из клуба. Здесь полиция серьезные преступления не успевает расследовать — Венесуэла, чтоб ты знал, довольно криминальная страна.

Он озабоченно посмотрел на часы.

— Так, пожрать уже не успеем, но это не страшно — у меня все равно после вчерашнего кусок в горло не лезет.

Я прислушался к своим ощущениям.

— А я бы с удовольствием съел чего-нибудь.

— Ну ты и проглот, Диня! Ладно, по дороге купим тебе тортилью.

Он с некоторым сомнением посмотрел на меня.

— Знаешь, ты бы переоделся. Ты не обижайся, но по следам на твоей одежде можно восстановить половину вчерашних событий.

Я глянул в зеркало и молча принял раздеваться. Вторая пара джинсов лежала у меня в сумке, а футболка, выстиранная накануне, до сих пор сушилась на балконе. К моему немалому удивлению, она осталась такой же мокрой, как и была.

— Местная подлянка, — объяснил Петя, увидев, как вытянулось мое лицо. — Влажность воздуха почти сто процентов. Здесь на улице что-то сушить вообще бессмысленно. Мой совет: сдавай вещи в уличные прачечные. Стоит копейки, стирают качественно, возвращают сухим и выглаженным.

— Отличный совет, — сказал я, — но сейчас-то мне что делать?

— А что, — удивился Петя, — у тебя больше ничего нет? Ладно, не парься. Старик Трофимов в очередной раз спасет твою шкуру.

Он ушел и через десять минут вернулся с пакетом, в котором лежала черная футболка с Че Геварой. Надпись на футболке гласила: «Gunfire and Explosions Ahead».

— Спасибо, — сказал я, натягивая футболку, — сколько я тебе должен?

Петя отмахнулся.

— Потом сочтемся. Давай, собирайся скорее, мы уже опаздываем. А с Кэпом шутки плохи.

Склад компании «El Jardin Magico» располагался на окраине города, в промышленной зоне, несколько напоминавшей московский район Бирюлево. Все здесь было серым и унылым, здания выглядели мрачными и неприветливыми, вдоль пустынных тротуаров ветер гонял рваные пакеты, бумажные стаканчики и обрывки старых газет. О том, что мы по-прежнему находимся в земном раю, напоминало только пронзительно-синее тропическое небо над головой.

— Да, — сказал Петя, заметив мое разочарование, — спорить не стану, это не лучшее место в Венесуэле. Но зато здесь ничто не отвлекает от работы. И полиция сюда наведывается крайне редко.

Я не успел спросить, почему это так важно. Трофимов остановился перед железными воротами в глухой бетонной стене, по верхнему краю которой шла скрученная спиралью колючая проволока, и нажал кнопку звонка.

Почти сразу же в воротах открылось маленькое окошечко, в котором мелькнул чей-то черный глаз.

— Мистер Трофимофф? — спросил грубый голос на ломаном английском. — Ху из зис мэн виз ю?¹

— Ауа нью транслайтор, — ответил Петя, — мистер Ка-ро-нин. Чек ин зэ лист.²

Окошечко захлопнулось — видимо, обладатель грубого голоса пошел сверяться со списком. Спустя минуту железные ворота дрогнули и отъехали в сторону, приоткрыв неширокий проем.

¹Кто этот человек с вами? (иск. англ.)

²Наш новый переводчик. Проверьте в списке (англ.)

За воротами обнаружился обширный двор, служивший стоянкой для пяти здоровенных фур, на борту каждой из которых красовался логотип «El Jardin Magico». За фурами располагалось трехэтажное кирпичное здание с маленькими зарешеченными окнами и высокой трубой, похоже на странный гибрид тюрьмы с фабрикой. Открывший нам охранник гармонично вписывался в эту картину: он был одет в черную форму, высокие армейские ботинки и черный же берет. На поясе у него висел здоровенный револьвер и полицейская резиновая дубинка. Самым примечательным в его облике, впрочем, было другое: охранник был чудовищно волосат. Он зарос бородой по самые брови, так, что из густой жесткой поросли блестели только черные глаза.

— Мистер Ка-ро... — пророкотал он, обращаясь ко мне, и запнулся.

— Можете звать меня просто Денис, — сказал я по-испански.

Я успел заметить, что венесуэльцы, услышав от иностранца родную речь, немедленно проникаются к нему симпатией. Борода не стал исключением — он расплылся в улыбке (что с непривычки выглядело жутковато) и протянул мне руку.

— Меня зовут Хоакин, — сказал он. — Вы теперь будете с нами работать?

— Надеюсь.

— В таком случае вам нужно сфотографироваться. Пойдемте со мной.

— Иди, иди, — ободрил меня Трофимов. — Я пока пойду доложусь начальству.

Я последовал за Хоакином в полутемную кирпичную пристройку, где он извлек из сейфа фотоаппарат «Полароид» и дважды сфотографировал меня на фоне какой-то белой доски.

— Теперь все охранники будут знать вас в лицо, сеньор Денис, — объяснил он, пряча фотографии в папку с прозрачными файлами. — А сейчас напишите, пожалуйста, вашу фамилию латинскими буквами — вот здесь.

Я выполнил его просьбу. Борода Хоакина задвигалась — видимо, он шевелил губами, пытаясь запомнить мою фамилию. Потом вздохнул и убрал папку и фотоаппарат обратно в сейф.

— Вы можете ходить по всей территории, сеньор Денис, за исключением строения В. Там своя охрана, и чтобы попасть туда, вам потребуется специальный пропуск.

— Отлично, — сказал я. — А где сейчас наши? Ну, другие русские?

— Они в строении А. Я покажу вам, куда идти.

Строение А представляло собой бывший заводской цех, переделанный под складское помещение. Пыльный свет, проникавший сквозь грязные стекла зарешеченных окон, падал на горы тюков, циклопические стены контейнеров, пирамиды коробок и ящиков, занимавших почти все пространство склада. На небольшом свободном пятаке перед желтой погрузочной машиной стояли трое мужчин, о чем-то ожесточенно спорившие по-русски. Одним из них был Петя Трофимов, остальных я видел впервые.

— А вот и наш переводчик, — сказал Петя и выразительно кашлянул.

Спорившие, словно по команде, замолчали.

— Здравствуйте, — сказал я, — я Денис, буду с вами работать.

Молчание, последовавшее за этими словами, продолжалось чуть дольше, чем мне бы этого хотелось.

— Оптимистичное заявление, — произнес наконец высокий темноволосый мужчина с холеным лицом, обрамленным бакенбардами. Он был похож на породистого пса. — Ну, здравствуйте, юноша. Мое имя Болеслав Казимирович Пжзедомский. Потрудитесь, пожалуйста, запомнить.

Руки он мне не подал.

Зато стоявший рядом с ним полноватый блондин с красными, как у кролика, глазами тут же сунул мне свою теплую сухую ладонь.

— Приятно познакомиться, Денис. Володя, радиост. Ты не представляешь себе, Денис, как нам не хватало переводчика! Петя говорит, ты в испанском — бог. Не врет?

При этом он заговорщически подмигнул Трофимову.

— Не мне судить, — сказал я. — Может, полубог. Но пока что никто не жаловался.

Радист казался вполне симпатичным человеком, но я хорошо помнил вчерашний Петин инструктаж и держался настороже.

— Ну и правильно, — улыбнулся блондин. — Скромность украшает. Да мы прямо сейчас и проверим.

Он обернулся к желтому погрузчику, за рычагами которого сидел одетый в синий комбинезон венесуэлец.

— Смотри, Денис, это Педро, наш старший грузчик. Знает пять английских слов и три русских, к сожалению, все матерные. Поэтому общаться с ним бывает трудно. Ему надо объяснить, что контейнеры с маркировкой «эс-штрих» загружаются в зеленую фуру, а те, что с маркировкой «гэ», серии с пятой по шестнадцатую, идут в серую фуру. Сможешь?

Я пожал плечами и помахал венесуэльцу рукой.

— Привет, Педро! Меня зовут Денис.

Педро пробурчал что-то нечленораздельное. «Будем считать, знакомство состоялось», — решил я и, стараясь не упустить ни одной детали, перевел то, что сказал Харитонов.

Педро отреагировал своеобразно. Он разразился потоком цветистых ругательств, большую часть которых я слышал впервые. В крайне урезанном варианте его речь сводилась к тому, что проклятые белые, у которых вместо головы жопа, должны сначала разобраться, куда девать контейнеры с маркировкой «зет-желтая», а потом уже давать ценные указания относительно контейнеров «эс-штрих» и тем более «гэ».

— Ругается? — участливо спросил радист. — Это дело обычное. Педро, он всегда такой. За словом в карман не лезет...

Я покачал головой.

— Тут какая-то логистическая проблема. Мне кажется, он просто не может добраться до этих контейнеров, потому что дорогу к ним преграждают другие, какие-то «зет-желтые». Кто у вас отвечает за логистику?

Трофимов вздохнул и торжественно положил мне руку на плечо.

— Теперь за нее отвечаешь ты, Денис.

— Почему? — оторопел я.

— Потому что ты единственный, кто может объяснить грузчикам, что от них требуется. Не бойся, это не больно.

— Но я ничего не понимаю в логистике!

— Да брось ты! — усмехнулся Харитонов. — Мы тут битый час не могли ничего от них добиться, а ты пришел и за две минуты разобрался, что дело, оказывается, в «зет-желтых».

— Толку-то, если я не знаю, куда девать эти «зет-желтые»!

— А вот для этого и существуют старшие товарищи, — успокоил меня радиост. — Сейчас мы тебе поможем. Петя, куда у нас идут контейнеры с желтой маркировкой?

Петя вытащил из сумки уже знакомый мне блокнот, пролистал его и сказал странным голосом:

— Маркировка «зет-желтая» загружается в зеленую фуру после маркировки «эс-штрих».

Повисло неловкое молчание.

— А может, сложить пока желтые контейнеры во дворе, потом загрузить «эс-штрих», а уже после — «зет»? — спросил я неуверенно.

— Да вы, юноша, — проронил холеный Пжзедомский, — просто прирожденный складской менеджер.

— Молоток, — одобрил белобрысый радиост. — А говорил, в логистике ничего не соображаешь. Правильно все придумал. Вот и объясни теперь это нашим обезьянкам.

— Не вижу тут никаких обезьянок, — сказал я холодно.

Харитонов удивленно посмотрел на меня.

— Ну а кто ж они такие, если по-человечески не понимают?

Трофимов незаметно ткнул меня в бок. «Он будет тебя провоцировать» — вспомнил я и прикусил язык, чтобы не ответить грубостью. Вместо этого я повернулся к Педро и постарался донести до него свою концепцию погрузочных работ.

Это был тяжелый и долгий день. Я мотался по всей огромной территории склада, перебирался туда и обратно через хребты контейнеров и тюков, искал какие-то несуществующие маркировки, помогал грузить ящики в фуры, до хрипоты спорил с Педро и другими рабочими и, когда в шестом часу все было закончено, почувствовал себя выжатым, как после десятикилометрового кросса с полной боевой выкладкой.

— Ну, — сказал Трофимов, разливая по чашкам крепчайший кофе из термоса, — теперь перекусим — и в аэропорт.

— А чего так рано? — спросил я. Мы сидели в глубине полупустого теперь склада на каких-то мягких мешках и наслаждались отдыхом — впрочем, бортинженер и без того был бодр и весел. — Вылет же вроде завтра утром?

— А все это добро в самолет загружать Пушкин будет? Или ты думаешь, «Кит» настолько велик, что все пять фур просто въедут к нему в трюм и выедут оттуда уже в Колумбии?

Не знаю, что поразило меня больше — известие о том, что рабочий день еще далеко не закончен, или упоминание о конечной цели нашего путешествия.

— Так, значит, мы летим в Колумбию?

— Упс. — Петя приложил палец к губам. — Считай, что я тебе ничего не говорил.

То ли бригада грузчиков в аэропорту оказалась не такой строптивой, как на складе, то ли сам я уже стал понемногу разбираться в тонкостях этой работы, но, вопреки моим опасениям, погрузка «Кита» завершилась еще до десяти часов вечера. Под самый конец в аэропорт приехал Кэп в сопровождении штурмана Лучникова, мужчины невыразительной внешности с нездоровым желтым цветом лица и большими залысинами. Со мной он поздоровался подчеркнуто вежливо, но во взгляде его мутновато-серых глаз читалась плохо скрываемая неприязнь.

Кэп о чем-то перетолковал с экипажем, а потом поманил меня пальцем.

— Отойдем-ка, — сказал он. Мы медленно пошли по летному полю, прочь от грузного силуэта «Кита». Я ожидал, что Дементьев похвалит меня за то, как я организовал работу на складе, но ошибся.

— Что-то плохо стараемся, — сказал Кэп и замолчал.

Я недоуменно посмотрел на него. Дементьев сунул в рот длинную коричневую сигариллу, щелкнул зажигалкой и затянулся. Выпустил кольцо дыма.

— Не понял, Леонид Иванович.

— Чего непонятного? Занимаешься не своим делом. Твоя задача — обеспечить коммуникацию. Ты, выражаясь военным языком, офицер связи. А ты что делаешь? Грузчиками командуешь? Вот второй пилот жалуется, что у него возникли проблемы с диспетчером, а переводчика рядом не было, потому что он в это время грузил мешки в фуры. Это что за самодеятельность, Денис? Мы вроде не грузчика в Москве заказывали.

«Сука Пхзедомский», — подумал я зло.

— Леонид Иванович, — сказал я, — меня попросили взять на себя обязанности логистика, я не счел возможным отказаться. Если это неправильно...

— Неправильно, — перебил он меня, — перекладывать свою вину на других. Мало ли о чем тебя завтра попросят, что, все будешь делать? У тебя есть своя голова, и ты обязан ей соображать. Все понятно?

Я сосчитал про себя до десяти и, стараясь говорить медленно и спокойно, сказал:

— В таком случае я бы хотел уточнить порядок субординации.

Кэп выпустил новое дымное кольцо.

— Мои приказы и приказы второго пилота являются обязательными к выполнению. Просьбы остальных членов экипажа выполняются в той степени, в которой они имеют отношение к твоей непосредственной работе. То есть если радиостанция попросит тебя перевести что-то по делу, ты обязан выполнить его просьбу. А если захочет, чтобы ты сопровождал его на улицу красных фонарей, смело

посылай его на три веселые буквы. То же относится к штурману и бортинженеру. Вопросы?

— Почему нельзя было сказать сразу? — не выдержал я.

Кэп остановился. В темноте блеснул огонек его сигариллы.

— У тебя была возможность задать этот вопрос, парень. Вчера. Но ты предпочел пялиться на моего лобстера. Поэтому сегодня большую часть дня занимался не своим делом. На первый раз прощаю. Но если второй пилот или кто-либо из экипажа еще раз пожалуется на то, что ты забиваешь на свои прямые обязанности...

Он не договорил, но я понял его и так.

Понял я и кое-что еще. Экипаж «Кита» был вовсе не рад появлению нового переводчика.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МЕРТВЕЦ

За последние несколько дней меня слишком часто пытались убить. Поэтому моя реакция была, возможно, слишком поспешной, но довольно предсказуемой — я впился зубами в жесткую, пахнущую металлом ладонь, зажимавшую мне рот.

— *Mierda*¹, — шепотом выругался хорошо знакомый мне голос. — Яго, ради всего святого! Ты мне пол-ладони откусишь!

Уменьшительным именем «Яго» меня называли только родные. Этот знакомый грубый голос... этот запах железа, въевшийся в руку, не расстававшуюся с эфесом шпаги... быстро сопоставив в уме все эти детали, я разжал зубы и прошептал:

— Педро, братец, что ты здесь делаешь?

— Спасаю тебя, балда, — сердито отзывался мой брат, дуя на укушенную ладонь.

Я, кажется, упоминал уже, что Педро — мой старший брат, единственный из троих детей дона Мартина де Алькорон, имевший право на замок и наследственный титул. Разница в возрасте у нас была четыре года, но Педро всегда казался мне ужасно взрослым. С самого детства он готовил себя к карьере военного, без конца упражнялся во владении мечом и стрельбе из арбалета, а верхом ездил так, что даже наш суровый отец порой приходил в восхищение. К своим двадцати семи годам брат успел уже повоевать в Италии под знаменами прославленного гран-капитана Гонсало

¹ Дерьмо! (исп.)

Фернандеса де Кордoba-и-Агилар и вернуться домой с мешочком золотых монет и шрамом через всю левую щеку.

Когда я несколько дней назад покинул наше родовое гнездо, направляясь к Лауре в Саламанку, Педро дома не было — он гостила в доме своего товарища по итальянской кампании Карлоса Сантильяны, на чью сестру последнее время заглядывался.

— Скорее, дон Летрадо, — прошептал лысый Хосе, подавая мне костыль. — Ваш брат — замечательный человек, настоящий кабальеро! Я бы хотел иметь такого брата, клянусь Мадонной!

«Интересно, чем Педро успел покорить их сердца?» — подумал я ревниво. Впрочем, ответ на этот вопрос не заставил себя ждать — Хосе гордо продемонстрировал мне зажатый между пальцами серебряный реал. Такие же монетки братец раздал и остальным моим сокамерникам.

— Не волнуйтесь, сеньор, — похожий на цыгана Гнида прижал руки к груди, — мы никому ничего не скажем! Никто не видел, как вы исчезли, все спали крепко, как сурки!

— А что с охраной? — поинтересовался я, поглядев на приоткрытую дверь. — Она тоже спит?

— Ты будешь смеяться, но это так, — ухмыльнулся Педро. — И что интересно, часовые спят совершенно бесплатно!

Я сердечно попрощался с заключенными, к которым, как ни удивительно, успел уже привязаться. Эль Торо напоследок так сжал меня в медвежьих объятиях, что у меня что-то хрустнуло в позвоночнике.

— Эх, сеньор! И я бы пошел с вами, если бы ваш брат позволил...

— Друг, — сказал Педро серьезно, — я ведь уже объяснял тебе: я могу вывести только одного человека. Часовые в коридоре спят, но охрана у ворот настороже и готова пустить в ход аркебузы.

— Ясно, — буркнул здоровяк. — Ну, удачи вам, дон Летрадо!

— И тебе, — сказал я. — И всем вам, друзья, удачи!

Мы вышли из камеры, и брат вновь запер дверь тяжелым железным ключом. Только теперь я обратил внимание, что Педро был одет в какой-то жуткий холщовый балахон, усеянный грязно-бурыми пятнами.

— Пойдем, — брат потянул меня за рукав, — охранники ведь могут и проснуться!

Но, когда мы проходили по темному коридору (я изо всех сил старался не стучать костылем), ни один из часовых даже не пошевелился. Впрочем, их было всего двое — один прикорнул на низеньком табурете в нескольких шагах от двери моей камеры, второй спал прямо на полу в конце коридора.

— Что с ними? — шепотом спросил я брата.

— Чересчур крепкое вино, — так же тихо ответил Педро. — Подарок дона Матео.

— Дон Матео? Значит, это он помог тебе пробраться сюда?

— Да, под видом своего помощника. Ну а теперь, будь добр, заткнись иди молча.

Мы свернули в боковой коридор и спустились в подвал по выщербленным кирпичным ступеням. Здесь, в узкой и темной комнатушке, нас ожидал лекарь.

— Как ваша нога, юноша? — осведомился он вместо приветствия. — Дайте-ка, я осмотрю повязку...

Он с неожиданной для его комплекции ловкостью присел на корточки и, задрав штанину, сноровисто размотал бинты. Я скосил глаза — нога выглядела, на мой взгляд, довольно жутко, но дон Матео, кажется, придерживался другого мнения.

— Отлично, просто отлично, — бормотал он, разглядывая засохшие струпья на моей щиколотке. — Самое главное — рана чистая. Об остальном можно не беспокоиться — молодой сильный организм сам о себе позаботится...

Он отбросил окровавленные бинты в сторону и извлек из своей котомки еще один глиняный горшочек.

— Снова ваша чудодейственная мазь, дон Матео? — через силу улыбнулся я. — Если вы будете тратить ее на меня в таких количествах, то скоро разоритесь!

— Помолчи, — оборвал меня лекарь. Он откупорил горшочек, откуда сразу же шибануло таким зловонием, что меня чуть не вывернуло наизнанку. — Этот состав гораздо дешевле, хоть и пахнет не так приятно.

И не успел я возразить, как дон Матео вылил все содержимое горшочка на мою многострадальную ногу.

— Неужели это помогает? — недоверчиво спросил мой брат, стараясь держаться подальше от нас с доктором.

— Еще как! — воскликнул дон Матео, вытирая руки тряпицей. — Должен признаться, что честь изобретения этого состава принадлежит не мне, а профессиональным нищим, просиявшим милостынью на ступенях собора Святой Троицы. С его помощью они ухитряются придавать себе вид больных,увечных,прокаженных... et cetera, et cetera. Я позаимствовал у них некоторое количество этого средства и, подвергнув его анализу, пришел к выводу, что оно не только совершенно безвредно, но и обладает некоторыми — небольшими, впрочем, — целебными качествами. Самое же главное — для наших целей оно подходит как нельзя лучше, ибо нога, смазанная должным количеством такой мази, выглядит и пахнет точь-в-точь как конечность, пораженная газовой гангреной.

— Чем-чем? — нахмурился Педро.

— Газовой гангреной, — охотно повторил дон Матео. — Это страшная болезнь, от которой умирают быстрее, чем от чумы. А главное, для того, чтобы заразиться ею, достаточно подышать воздухом, отравленным миазмами, которые источает пораженный орган.

Я с ужасом смотрел на то, во что превращается моя нога. Растекшаяся по ней вонючая мазь застывала, образуя жуткого вида язвы и волдыри. Действительно, очень похожие обрубки высовывали из своих лохмотьев городские нищие, но я никогда не предполагал, что это всего лишь трюк, — настолько реалистично все выглядело.

— Но что, если охранники не знают, что такая газовая гангрена? — спросил Педро. — Мне бы не хотелось устраивать стрельбу...

— Еще как знают! — успокоил его лекарь. — Те методы, которые применяет трибунал, весьма действенны... но если перегнуть палку, то допрашиваемый может потерять руку или ногу. Веревка пережмет жилы, тиски раскрошат сустав... и через несколько дней конечность почрнеет и станет выглядеть вот так. С такими

бедолагами даже инквизиторы стараются не иметь дела. Поэтому насчет охранников можешь не волноваться — они прекрасно понимают, чем рискуют, если умерший от гангрены узник останется в тюрьме хотя бы на несколько часов.

— Умерший? — возмутился я. — Благодарю покорно, дон Матео! Я, конечно, хочу поскорее покинуть эти стены, но живым человеком, а не трупом!

Лекарь не обратил на мои слова никакого внимания.

— Выпейте это, юноша, — велел он, протягивая мне маленький пузырек зеленого стекла.

— Это яд? — подозрительно спросил я.

Дон Матео отечески улыбнулся.

— Нет, мой молодой друг, это не яд. Это лекарство, которое спасает от смерти на костре.

— Пей, Яго, — поддержал лекаря Педро. — Я доверяю дону Матео, а значит, и ты должен ему доверять.

Я пожал плечами, понюхал пузырек (он слабо пах лавандой) и одним глотком выпил его содержимое. Минуту или две ничего не происходило, а потом комната начала кружиться у меня перед глазами — все быстрее и быстрее. Мне показалось, что где-то неподалеку басовито загудел колокол.

— Все-таки вы меня отравили, — сказал я укоризненно. Покачнулся и упал на руки подскочившего Педро.

Последнее, что я услышал, был голос дона Матео:

— Кладите его на носилки, живо!

А потом я увидел звезды.

Самые настоящие, крупные звезды, таинственно мерцавшие в темно-фиолетовом небе. Сначала мне показалось, что они покачиваются, — но нет, это покачивался я сам, лежа лицом вверх на плавно плывущих в ночи носилках. Меня несли четверо облаченных в бесформенные балахоны людей — в первую секунду я встревожился, приняв их за инквизиторов, но, убедившись, что руки и ноги мои не связаны, расслабился.

— Педро! — тихонько позвал я.

Носилки замерли. Человек в балахоне, шедший справа, повернулся ко мне. На лице у него была страшная белая маска мортуса¹.

— Очнулся, братец! — весело сказал он. — А я боялся, что ты продрыхнешь до самого Кадиса!

Он махнул рукой, и я почувствовал, как носилки опускают на землю. Попробовал слезть с них — мышцы были как ватные, а в голове шумело, словно после хорошей выпивки, но, в общем, я чувствовал себя прекрасно.

Свежий ночной ветерок, наполненный ароматами цветов и трав, овевал мое лицо. После духоты и зловония тюремных казематов я не вдыхал, а буквально пил его, как драгоценное вино.

Только в этот момент я наконец поверил в то, что спасен и свободен.

Моему брату и добруму лекарю Матео каким-то чудом удалось вытащить меня из тюрьмы!

— Можете снять маски, — распорядился Педро, срывая свою белую личину. — Здесь нам уже нечего опасаться патрулей Эрмандады.

Святой Эрмандадой, то есть Святым Братством, называли огромное полицейское ополчение, охранявшее порядок на дорогах Кастилии и Арагона. Когда-то эрмандады были местными отрядами добровольцев, а их командиры — алькальды — избирались всеобщим голосованием из наиболее достойных жителей той или иной провинции. Теперь же это была государственная милиция, подчиненная непосредственно королю и выполнявшая, помимо всего прочего, приказы Трибунала Священной Канцелярии.

Тroe спутников моего брата последовали его примеру. В одном из них я узнал Антонио — слугу своего брата, который не раз спасал ему жизнь во время войны в Италии. Двое других, дюжие

¹ Мортус — в средневековой Европе человек, в обязанности которого входили уход и наблюдение за больными чумой, а также уборка и утилизация трупов. Название происходит от латинского *mortuus* — «умирать». Профессия не для слабонервных.

молодцы, напоминавшие скорее солдат, чем мирных жителей, были мне неизвестны.

— Друзья, — сказал я растроганно, — я ваш вечный должник!

— Не разбрасывайся словами, — усмехнулся Педро, — тем более что должен ты главным образом дону Матео. Антонио полез бы за мной даже в самую распроклятую адovу дыру, ты же его знаешь. Что касается Мигеля и Серхио, то они в любом случае обязаны подчиняться приказам своего командира.

Я рассмеялся и крепко обнял брата.

— Спасибо тебе, Пейо! Ты что же, собираешься снова идти на войну?

— Был бы признателен, если бы ты не называл меня детским именем при моих подчиненных, — буркнул смущенный Педро. — И да, ты прав, Наварра готовится к войне с Францией, и мы с Карлосом собираем бандейру, чтобы поучаствовать в этой заварушке.

— Э, братец, — воскликнул я, — похоже, сестре Карлоса придется долго ждать свадьбы! Вчера Италия, сегодня Наварра, завтра что-нибудь еще — ты, похоже, совсем не склонен к спокойной жизни!

— Зато я твердо стою на ногах. А вот тебя ветерком шатает.

Он был прав. Без костыля я едвадерживал равновесие. Педро подставил мне свое плечо.

— Обопрись на меня, Яго, и пойдем. Осталось немного — в роще нас ждут оседланые кони.

До апельсиновой рощи действительно было не более двухсот шагов, но эти шаги дались мне дорогой ценой. Левую ногу то и дело пронзала жуткая боль — мне казалось, что я ступаю по раскаленным углем, перемешанным с битым стеклом. Я успел тысячу раз мысленно обозвать себя безмозглым кретином за то, что не доехал остаток пути на носилках. Но отступать было поздно, тем более что выглядеть слабаком перед братом и его помощниками мне совсем не хотелось.

— Как тебе это удалось, брат? — спросил я, сдерживаясь, чтобы не заскрипеть зубами от боли. — Вы действительно выдали меня за мертвеца?

— Ну конечно. Ты был недвижим, не дышал и вонял, как труп, пролежавший в могиле по меньшей мере неделю. Охранники даже подойти к тебе не решились. К тому же каждый из них получил поувесистому кошелью с золотом.

— Но ведь утром инквизиторы меня наверняка хватятся!

— Скорее всего, — кивнул Педро. — Но все подтвердят, что ты внезапно умер в камере, а дон Матео объяснит, что оставлять твой труп в тюрьме было слишком опасно как для заключенных, так и для охранников. Им придется смириться, братец.

— А тело? — продолжал упорствовать я. — Они же обязательно захотят увидеть мое тело!

— Брошено в известковые ямы за городом. Туда скидывали трупы умерших от Черной Смерти еще полтора века назад¹.

Я знал эти ямы — мрачное, зловещее место, которое все обходили стороной.

— Вижу, вы все хорошо продумали. Но почему дон Матео согласился помочь тебе?

Педро пожал плечами.

— Я сделал щедрое пожертвование больнице Святого Георгия, в которой он лечит больных.

— Черт возьми, братец! Сколько же денег ты выложил за мое освобождение?

На лицо Педро набежала тень.

— Лучше не спрашивай, Яго. Я бы с радостью отдал за тебя все, что привез из итальянского похода, но те деньги я уже успел вложить в покупку оружия и обмундирования для нашей бандейры.

— Но как же тогда?..

— Отец продал нашу долю в корабельных мастерских Кадиса, — неохотно ответил брат. — Так что теперь Луис уже не партнер, а всего-навсего наемный управляющий.

От неожиданности я даже остановился.

— Но ведь это... это же все деньги, которые были у нашей семьи!

¹ Педро имеет в виду эпидемию чумы, опустошившую Европу в середине XIV в.

— Неужели ты думаешь, что семье дороже деньги, а не ты, мой бестолковый братец? — сердито спросил Педро. — Когда мы узнали, что с тобой произошло, отец сразу же велел вытащить тебя из тюрьмы, не считаясь с расходами. Счастье еще, что тебя не успели перевести в Вальядолид: из подвалов Супремы выкупить тебя не смог бы даже сам герцог Альба.

Я готов был провалиться под землю от стыда. Положение нашей семьи и без того нельзя было назвать блестящим — небольшие доходы, которые отец получал от сдачи в аренду принадлежавшего нам леса и корабельных мастерских Кадиса шли в основном на уплату процентов по многочисленным векселям. И вот теперь из-за того, что я попал в лапы инквизиции, мы лишились даже этого скромного денежного ручейка. Особенно болезненным этот удар должен был стать для Луиса, который обладал прирожденной деловой хваткой и мечтал о том, чтобы расширить мастерские и получить лицензию королевского арматора.

— Прости, брат, — проговорил я, избегая смотреть Педро в глаза. — Клянусь, что не совершил ничего противозаконного и не был причастен ни к какой ереси.

— Знаю, Яго. — Педро похлопал меня по плечу. — Твой тайный друг сообщил нам и об этом.

Я насторожился.

— Тайный друг? Что ты имеешь в виду?

Но ответа я так и не получил. Мы как раз добрались до апельсиновой рощи, где щуплый деревенский парнишка стерег четырех оседланных скакунов. К сожалению, моего Мавра среди них не было.

— Не беспокойся о Мавре, — сказал Педро, помогая мне взобраться в седло. — Я заплатил Португальцу, и он будет кормить и ухаживать за твоим любимцем, пока я не заберу его в замок.

— Я бы предпочел забрать его сам, — ревниво возразил я. Терпеть не могу, когда на Мавра садится кто-нибудь другой, пусть даже и мой брат.

Педро вздохнул и легко вскочил в седло своего коня (что касается меня, то мне помог сесть Антонио).

— Боюсь, Яго, ты долго не увидишь Мавра.

— Почему же? Если инквизиторы поверят в то, что я умер...

— То ты будешь в безопасности, только пока кто-нибудь не узнает тебя на улице. А это рано или поздно произойдет.

— Ну, какое-то время я посижу в замке, — проворчал я, пытаясь поудобнее пристроить больную ногу. Щиколотка терлась о бок скакуна, причиняя мне если не страдания, то, во всяком случае, крайне неприятные ощущения. О том, чтобы сжимать бока коня бедрами, не могло быть и речи. После долгих попыток приспособиться я был вынужден усесться в седле по-дамски, хотя со стороны это и выглядело весьма комично. — А потом все уляжется...

— Не уляжется, — сурово ответил Педро. — Трибунал Священной Канцелярии никогда ничего не забывает. И очень не любит тех, кто пытается обвести его вокруг пальца. Через год или через два правда выплынет наружу, и тебя вновь арестуют. Ты же не сможешь безвылазно сидеть в замке до самой старости!

Мне пришлось признать, что доля истины в его словах присутствовала.

— И что же ты предлагаешь, Пейо?

— Сейчас мы поедем в Кадис, — заявил мой брат. — Поедем вчетвером, Антонио останется в Саламанке, чтобы наблюдать за развитием событий на месте. Нам важно знать, поверят ли инквизиторы в легенду дона Матео, будут ли тебя разыскивать, сообщат ли алькальдам других городов и поднимут ли на ноги Святую Эрмандаду. Надеюсь, у нас будет достаточно времени, чтобы добраться до Кадиса, не опасаясь быть схваченными.

— Почему в Кадис? Там тоже есть агенты трибунала и фамильяры!

— Кроме того, там есть Луис, — напомнил мне Педро.

— Да, Луис... я, конечно, должен извиниться перед ним...

— Не мели чушь, — перебил меня брат. — Дело не в извинениях. Просто Луис — единственный, кто может по-настоящему помочь тебе.

— Чем отсиживаться на складе с пенькой, я предпочел бы вернуться в наш замок!

Педро усмехнулся и надвинул на лицо капюшон.

— А я и не предлагаю тебе сидеть на складе, Яго. Ты, похоже, не понимаешь, в какой заднице оказался. Если трибунал узнает, что ты жив и оставил его с носом, тебе не удастся спрятаться даже в самой укромной мышиной норе. Единственный выход для тебя, братец, — покинуть Испанию.

Я не стану воспроизводить здесь весь последовавший за этим спор. Скажу лишь, что длился он несколько часов, в течение которых мы резвой рысью двигались на юго-запад, в направлении дальнего побережья. Уже давно рассвело, и мы ехали через живописные, поросшие дикими маками и дроком пустоши. Один из крепких молодцев, по имени Мигель, скакал впереди, зорко оглядывая окрестности в поисках патрулей Эрмандады. Второй здоровяк, которого звали Серхио, замыкал нашу маленькую кавалькаду и следил за тем, что происходит у нас за спиной. Мы с Педро держались посередине между ними и, пользуясь тем, что можем не слишком внимательно смотреть по сторонам, ожесточенно спорили. Брат доказывал, что, оставаясь в Испании, я подвергаю опасности не только свою жизнь, но и жизнь своих родных. В этом он был, несомненно, прав, потому что если бы инквизиторам удалось узнать, каким образом я покинул тюрьму Саламанки, трибунал принял бы жестоко мстить всем, кто был к этому причастен, — и мои братья, а также мой отец свели бы тесное знакомство с дыбой, потро и трампой.

— Сейчас ты мертвец, — повторял Педро, — а мертвые не интересуют святую инквизицию. Таким и оставайся. За пределами королевства тебя никто искать не будет, особенно если ты возьмешь себе другое имя...

— Ни за что, — возмутился я. — Я был рожден Диего Гарсия де Алькорон, с этим именем буду жить, с ним и умру!

— Ты уже мертв.

Тон, которым мой брат произнес эти слова, покоробил меня. Но я вовремя вспомнил, на какие жертвы пошла моя семья, чтобы вытащить меня из темницы.

— Имя ты, конечно, можешь оставить, — смягчился он, явно стараясь избежать ссоры, — но прошу тебя, Диего, ради своей жизни, ради семьи Алькорон — уезжай из Испании!

Некоторое время мы ехали молча, потому что я не знал, что ответить брату, а он не настаивал, понимая, что и без того поставил меня в трудное положение.

— И куда же я уеду, Педро? — спросил я, усмирив готовый вырваться наружу гнев. — По твоему примеру — в Италию, воевать за одно из их бесчисленных княжеств? В Нидерланды, в качестве торгового агента Луиса? Или, может быть, мне стоит предложить свои услуги турецкому султану и стать янычаром?

Педро расхохотался.

— Ох, Яго, ты не смог бы стать янычаром, даже если бы захотел, ибо турки набирают янычар из свирепых и диких детей, взятых в плен в землях Великой Тартарии, и с раннего возраста обучаются в специальных военных школах. Кроме того, все они поганые магометане. Что же касается Нидерландов, то если магометанин из тебя еще мог бы получиться, то торговый агент — никогда.

— Остается Италия, — сказал я хмуро.

— Где инквизиторов не меньше, чем в Кастилии. А шпионов и доносчиков в два раза больше.

— Так что же ты предлагаешь? — вскинул я.

Педро ответил не сразу. Я уже было решил, что он и сам не знает, куда бы меня отправить, но тут он показал рукой куда-то на запад и спросил:

— Знаешь, что находится там, куда заходит солнце, братец?

— Эстремадура, — ответил я, пожав плечами. — А за нею — Португалия.

— А еще дальше к закату?

— Море-Океан...

— А за ним?

— Индии... Постой, на что это ты намекаешь?

Конечно, как и многие молодые люди того времени, я слышал об Индиях, открытых генуэзским мореплавателем Кристобалем

Колоном, поступившим на службу к Католическим королям. Моряки в тавернах охотно рассказывали о зеленых островах под ярким южным солнцем, о меднокожих дикарях, поклонявшихся обмазанным кровью идолам, о золотых россыпях и жемчужных отмелях, якобы встречавшихся в Индиях на каждом шагу. Но мало кто возвращался из-за моря разбогатевшим — по правде сказать, я не встречал ни одного такого счастливчика. Впрочем, могло быть и так, что те, кому там действительно повезло, просто не хотели возвращаться в Испанию.

— Через десять дней из Кадиса уходит в Индии каравелла «Эсмеральда». Она плывет на Кубу — слышал о таком острове?

— Название вроде бы знакомое...

— Это самое сердце Индий. Там живет несколько тысяч кастильцев, многие из них владеют богатыми поместьями и сотнями рабов. Человек предпримчивый легко может сколотить там состояние...

— Ты же знаешь, Педро, я не из тех, кому по душе копаться в земле.

— Знаю, — усмехнулся брат, — но и для таких, как ты, в Индиях найдется дело по душе. Ведь Колон открыл не остров и не архипелаг, а целый огромный континент, простирающийся на многие тысячи лиг на север и на юг. Никто не знает, что таится в его глубинах. Там могут прятаться богатейшие туземные королевства, населенные неведомыми нам народами. Неужели тебе не хотелось бы своими глазами увидеть все эти чудеса?

От его напора я даже растерялся.

— Конечно, хотелось бы! Но такие дела не делаются наспех. Эти Индии черт знает как далеко! А у меня, между прочим, в Саламанке осталась девушка, на которой я собирался жениться!

— Отец которой передал тебя в руки инквизиции, — перебил меня Педро. — Забудь о своей возлюбленной, Яго, если хочешь вообще остаться жив. Да, ты прав, отправляясь за море, надо хорошенько все взвесить и продумать... вот только у тебя нет на это времени, поэтому взвешивать и думать тебе придется уже на борту каравеллы.

Он помолчал, оглядывая далекий холмистый горизонт.

— Луис получил указание купить тебе место на «Эсмеральде». Теперь все зависит от нас и наших коней — мы должны успеть добраться до Кадиса до ее отплытия.

— Так вы уже все устроили? — спросил я, чувствуя, как во мне опять закипает гнев.

— Я не знаю, удалось ли Луису договориться с капитаном каравеллы. Отец отправил почтового голубя только два дня назад, когда стало известно, что ты попал в беду.

— Да, кстати, — спохватился я, — ты упоминал о каком-то таинственном друге... Это он сообщил вам, что я в тюрьме?

— Он или она — этого я не знаю, — ответил брат. — Нуньес (так звали нашего старого управляющего) услышал, как кто-то стучит во входную дверь, но, пока он доковылял до крыльца, там уже никого не было. Лежало только свернутое в трубку письмо.

— И что же там было написано?

— Что тебя по ложному навету арестовал в Саламанке сам Эль Тенебрero. Что тебе грозит костер, и единственная возможность тебя спасти — это подкупить начальника охраны тюрьмы, пока тебя не перевели в Вальядолид.

— Так ты еще и начальника охраны подкупил?

Педро покачал головой.

— Нет, я решил, что надежнее будет с ним не связываться. Сначала договорился с доном Матео, а потом заплатил часовым, чтобы не совали нос не в свое дело.

В эту минуту мы въехали на вершину невысокого холма. Отсюда открывался прекрасный вид на залитые солнцем луга, тянувшиеся к востоку, и на охристо-желтое плато Эстремадуры, лежавшее между нами и благословенной Андалусией.

Педро обернулся и из-под ладони посмотрел на оставленную нами холмистую местность.

— Погони за нами нет. Надеюсь, инквизиторы поверили в сказку дона Матео и не будут разыскивать тебя по всему королевству.

— Да, это было бы неплохо. Если только какой-нибудь очередной невидимка не шепнет им, что я жив и здоров...

— Невидимка? По-моему, тот, кто подкинул нам письмо, пытался тебе помочь.

— Видишь ли, братец, — вздохнул я, — у меня есть не только таинственные друзья, но и не менее загадочные враги...

И я рассказал Педро обо всех событиях последних дней, начиная с нападения наемных убийц на мельнице старого Хорхе.

— Да, Яго, — протянул он, когда я закончил рассказ, — похоже, ты действительно крупно кому-то насолил...

— Не кому-то, а молодому графу де ла Торре, — я сплюнул прямо на сиреневый цветок чертополоха, — который положил глаз на мою Лауру.

— Ты это знаешь наверняка? У тебя есть доказательства?

— Прямых нет, но масса косвенных улик свидетельствуют против него...

— Только избавь меня от своих крючкотворских замашек! — рассвирепел Педро. — Я не собираюсь вызывать этого надутого павлина в суд. Если ты уверен, что донос на тебя действительно написал он, то я просто встречу его в темном переулке и насажу на шпагу. Но если у тебя нет ничего, кроме «косвенных улик», — прости, Яго, но я не стану брать грех на душу.

Я был вынужден согласиться с тем, что по крайней мере в этом мой брат прав.

— И все равно, мне трудно избавиться от ощущения, что я попал в какую-то омерзительную паучью сеть. Барахтаюсь в ней, но только запутываюсь еще больше! Как будто кто-то, скрываясь в тени, наблюдает за мной...

— Не преувеличивай, — махнул рукой Педро. — Письмо могла написать твоя девушка, эта самая Лаура. А подбросить мог кто-нибудь из ее слуг...

— Почерк был женский? — спросил я.

— Не разберешь. Буквы специально были выписаны очень вычурно, так, знаешь, чтобы вообще невозможно было определить, чья рука их выводила. Но доставил письмо мужчина.

— Откуда ты это знаешь?

— Крестьяне, возвращавшиеся из лесу, видели всадника, скакавшего по дороге на Компостелью. Лица они в сумерках не разглядели, но то, что это был мужчина, совершенно точно.

Это показалось мне очень странным — ведь у Лауры, насколько я знал, не было доверенных слуг-мужчин. Да и старая жадная дуэнья Антонилла не стала бы подыскивать для своей подопечной курьера, который мог бы доставить письмо в наш дом, расположенный довольно далеко от Саламанки.

— Так или иначе, — заключил Педро, — вдалеке от Испании ты окажешься в безопасности — хотя бы потому, что тебя потеряют из виду и святые отцы, и все эти загадочные невидимки...

Он внезапно замолчал — мне показалось, что в голову ему пришла какая-то неожиданная и не слишком приятная мысль.

— Погоди-ка, — медленно проговорил он, — так, значит, инквизиторы обвинили тебя в том, что ты пользовался *больса де манинга*?

— Они еще называли это «амuletом дьявола». Хотя по мне ничего дьявольского в этой штуке не было. Обычная фигурка дельфина, сделанная, кажется, из серебра...

Педро помрачнел еще больше.

— А эта фигурка... этот амулет... он что, висел на цепочке? — спросил он через минуту.

— Нет, он лежал в кожаном мешочке, в каких носят ладанки, — ответил я. — Брат Алонсо еще сказал, что негры делают мешочки для этих амулетов из кожи, которую сдирают с грудей своих мертвых женщин.

Некоторое время мы ехали молча.

— Это правда, — сказал наконец мой брат. — Я видел такой мешочек своими глазами. И похоже, насчет амулета тоже не совсем выдумки. Мне доводилось встречаться с такими колдовскими вещицами в Италии... одной из них владел мой командир, гран-капитан Гонсало Фернандес. Солдаты болтали, что он продал дьяволу душу в обмен на талисман, дававший ему нечеловеческую храбрость в бою.

— По-моему, это басни, — сказал я. — В Кастилии хватает храбрецов, которые не нуждаются ни в каких талисманах.

— Ты прав, Яго. Но нельзя отрицать, что гран-капитан был невероятным храбрецом. Он словно летел вперед на крыльях богини Победы, клянусь всеми святыми! И, знаешь, все солдаты и офицеры нашего отряда, если в бой вел их Гонсало Фернандес, глядя на него, волей-неволей становились прямо-таки неудержимыми львами.

— И какой же талисман был у твоего командира? — полюбопытствовал я. — Неужто лев?

Педро хмуро кивнул.

— Из-за него все и случилось... Гран-капитан всегда носил льва в кожаном мешочке на шее — ну, ты и сам теперь понимаешь, из чего был сделан этот мешочек... Но как-то его ранили, и, пока он лежал без сознания, талисман кто-то украл. Вора быстро нашли — им оказался один наемник из итальянцев, Джованни. По правде сказать, его даже искать не пришлось — он был туп, как пробка, и к тому же очень любил выпить. Напился и поставил льва на кон, играя в кости... А был у нас один лейтенант, некто Писарро, мрачный малый родом из Эстремадуры. Гран-капитан ему доверял, хотя я бы к такому головорезу спиной поворачиваться не стал. Ну, одним словом, Писарро увидел, что Джованни выложил на бочку льва, и тут же, без долгих разговоров, отсек ему правую руку. Отнес льва командиру, отдал, все честь по чести... На том бы все и закончилось, но кто-то, видимо, проболтался об этом случае фамильярам. И не успели раны Гонсало Фернандеса затянуться, как его вызвали в Рим — вроде бы для встречи с каким-то кардиналом. Только вот обратно он уже не вернулся.

— Его арестовала инквизиция? — догадался я.

— Да, его заточили в замок Святого Ангела — самую страшную тюрьму в Италии. Писарро поклялся отомстить за своего командира, но потом куда-то исчез — может быть, инквизиция и до него добралась, не знаю.

— Так его схватили только из-за талисмана?

— О чем я тебе и толкую. Видно, святые отцы действительно до смерти боятся этих кусочков серебра. И если уж они, не задумываясь, бросили в темницу такого прославленного и благородного ка-бальеро, как Гонсало Фернандес де Кордoba-и-Агилар, то тебе, братец, точно не стоило рассчитывать на оправдательный приговор.

Педро снова обернулся и посмотрел туда, где за зелеными холмами и апельсиновыми рощами осталась Саламанка.

— И тот, кто подкинул дельфина в твою комнату в гостинице, прекрасно об этом знал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЕРВЫЙ РЕЙС

На следующее утро мы вылетели в Колумбию.

Мне, разумеется, не терпелось взглянуть на Южную Америку из кабины пилотов, но Кэп строго-настрого запретил мне покидать грузовой отсек. В результате я провел три часа в полном одиночестве, бесцельно шатаясь между ящиками с разноцветной маркировкой и ругая себя за то, что не захватил в дорогу Кинга. Я представлял себе расстилающуюся под стальным брюхом «Кита» непроходимую сельву, широкие медленные реки, кишащие пираньями и аллигаторами, затерянные под кровом дождевого леса индейские деревушки, и сердце мое билось все сильнее и тревожней. То, о чем я мечтал в детстве, о чем я столько читал в книгах, было совсем рядом, а я, как нарочно, был заперт в этом металлическом гробу. В грузовом отсеке «Кита» имелись иллюминаторы, но в них я видел только белую пелену облаков, сквозь которую кое-где просвечивали зеленые и голубые пятна. В конце концов я нашел слабое утешение в мысли, что из кабины пилотов видны, вероятно, все те же облака.

Потом «Кит» пошел на посадку — довольно резко, будто провалившись сразу на несколько километров. Иллюминаторы заволокло седым туманом.

Самолет начало ощутимо трясти — ящики, опутанные крупноячеистыми сетями из крепких канатов, беспокойно заерзали по полу. Я живо представил себе, что произойдет, если одна из сетей

порвется и гора ящиков прижмет меня к переборке. «Может, это и случилось с прежним переводчиком? — мелькнула у меня безумная мысль. — Расплющило грузом?»

«Кит» выровнялся, тряска прекратилась. За иллюминатором вновь засияло солнце. Внизу расстипалось сплошное зеленое покрывало лесов без малейшего намека на город или хотя бы поселок.

«Доставка гуманитарных грузов в труднодоступные районы», — вспомнил я слова Рикардо. Интересно, для кого предназначены эти ящики? Для индейцев, не имеющих никаких контактов с цивилизацией?

Дверь кабины пилотов приоткрылась, показалась голова Трофимова.

— Ты пристегнись, что ли, — озабоченно сказал он, — сейчас садиться будем.

И, прежде чем я успел ответить, он нырнул обратно.

Предупреждал он меня зря — посадка оказалась на удивление мягкой. «Кит» коснулся земли, чуть заметно подпрыгнул и покатился по полосе так гладко, словно мы были не в глухой колумбийской сельве, а в аэропорту Шереметьево.

Спустя несколько минут из кабины вышли Кэп и Харитонов. Я шагнул было к ним, но Кэп выставил вперед широкую ладонь.

— Не мельтеши!

Харитонов едва заметно пожал плечами и заговорически мне подмигнул — мол, сам видишь, шеф не в духе. Про себя я подумал, что, хотя наше знакомство с Дементьевым трудно было назвать долгим, я еще ни разу не видел его в другом настроении.

Кэп и радиостроители прошли на середину отсека, Харитонов повозился с замками и открыл люк. Влажный, полный незнакомых ароматов воздух проник в самолет. Там, за бортом «Кита», кто-то кричал, ворещал, щелкал, ухал на сотни ладоней. Мне ужасно хотелось подойти и выглянуть наружу, но нарываться на очередную грубоость со стороны Кэпа я желания не испытывал.

Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся — это был, конечно, Трофимов.

— Готовы, сэр?

Я заметил, что при других членах экипажа Петя никогда не называл меня «Диней». Видимо, понимал, что я и без того чувствую себя не слишком комфортно.

— Как пионер, — отозвался я. — Вот только мне было приказано не мельтешить.

— Погоди, — загадочно усмехнулся Петя. — Сейчас они там выяснят, кто сегодня на раздаче, тут-то твой выход и объявят.

— А как они выясняют? — удивился я. — Без переводчика-то?

— На языке жестов, — хмыкнул Трофимов. — Да не переживай ты так, все равно без тебя ничего не начнется...

В люк просунулась чья-то черноволосая голова. Петя сразу же замолчал.

— Где переводчик? — резко спросил черноволосый по-испански.

— Я переводчик, — ответил я, делая шаг вперед.

В следующую секунду он уже стоял рядом со мной. Как у него это получилось — я не понял. Он был маленького роста, худой и жилистый, с резкими, рублеными чертами лица и коричневой кожей. «Индеец», — подумал я.

— Меня звать Хуан, — сказал он отрывисто. — Я буду говорить, ты будешь переводить. Слово в слово, никаких ошибок. *Esta claro?*¹

Я молча кивнул. Только сейчас я обратил внимание на две вещи, почему-то ускользнувшие от меня в первое мгновение: Хуан был одет в зеленовато-коричневую камуфлированную форму и за спиной у него висел автомат Калашникова.

Старый добрый АКМ, из которого мне не раз доводилось стрелять и в учебке, и на заставе.

— Ты хорошо знаешь испанский? — подозрительно спросил он. Видимо, его насторожило мое молчание. У него был какой-то странный акцент, но слова он произносил четко, фразы строил простые и короткие.

¹ Ясно? (*испн.*)

— Да, Хуан, — смиленно ответил я. — А что, у вас раньше были проблемы с русским переводчиком?

Не знаю, зачем я это спросил. Возможно, потому, что понял: никто из экипажа «Кита» правды мне не расскажет. А из нашего разговора с Хуаном никто ничего не поймет.

Маленький индеец уставился на меня своими пронзительными черными глазками.

— Не у меня, — сказал он, криво усмехнувшись. — У него были проблемы. И не со мной. А с твоими друзьями.

Потом резко повернулся к штабелям ящиков и, потеряв ко мне всякий интерес, принял их считать. Никаких пометок он не делал, просто шевелил губами и водил по воздуху коричневым пальцем.

— Ну что, — спросил шепотом Трофимов, — познакомились?

— Во всяком случае, его имя я теперь знаю. А как меня зовут, ему, по-моему, неинтересно.

— Сколько всего зеленых ящиков? — спросил Хуан, не оборачиваясь.

Он, видимо, имел в виду цвет маркировки — так-то все ящики были одного цвета.

— Кажется, сорок, — сказал я, не подумав.

Индеец повернул голову.

— Кажется? — переспросил он с неприятной интонацией.

— Видите ли, Хуан, я же переводчик, а не суперкарго...

— Так какого дьявола ты отвечаешь, если ты не суперкарго?

Возразить было, по сути, нечего. Я дернул Трофимова за рукав.

— Он хочет, чтобы ему доложили, сколько ящиков на борту. Кто этим занимается?

— Пжездомский. Позвать его?

— Да уж, будь добр. А то, по-моему, наш гость сейчас рассердится.

Второй пилот не заставил себя долго ждать. Повел он себя неожиданно дружелюбно — пожал Хуану руку, а мне даже улыбнулся, хотя и несколько напряженно.

— Ну, юноша, — сказал он, — какие у вас возникли вопросы?

Я объяснил. Пжзедомский извлек из кармана сложенный листок, распечатанный на матричном принтере.

— Так, переведите ему, юноша: контейнеров с маркировкой «эм-зеленый» — сорок штук.

«Я же говорил», — подумал я мстительно.

— А с желтой? — спросил Хуан.

— «Зет-желтых» — двадцать пять.

— Почему так мало?

Это прозвучало так, что по спине у меня пробежали мурашки.

Я перевел, стараясь смягчить агрессивную интонацию Хуана.

— Не ко мне вопрос, — развел руками Пжзедомский. — Это компетенция господина Дементьева.

— Петя, — сказал я, — позови, пожалуйста, Кэпа.

Но Трофимов уже и сам понял, что разговор принимает нежелательный оборот. Он, как спринтер, метнулся к люку и исчез в проеме.

— Ты не понял вопрос? — прищурившись, спросил Хуан. — Я спросил — почему так мало желтых ящиков?

— Наш второй пилот не знает. А я не суперкарго, а переводчик. Я позвал Кэпа.

Это почему-то развеселило индейца. Правда, ухмылка у него была тоже довольно зловещая.

— Хорошо, — сказал он. — Подождем Кэпа.

Наконец Кэп явился, и начался длинный и, на мой взгляд, почти бессодержательный спор. Хуан был явно недоволен тем, что каких-то контейнеров было меньше, чем в прошлый раз; Кэп, как механический органчик, твердил, что все было обговорено с каким-то доном Эстебаном и что если у Хуана и его товарищей есть претензии по существу, то ему нужно заявлять эти претензии непосредственно дону Эстебану, а вовсе не Кэпу, который, как всем хорошо известно, не более чем рабочая лошадка с крыльями.

В конце концов упрямство Кэпа пересилило. Хуан забористо выругался и сплюнул коричневой слюной прямо на пол отсека.

— В следующий раз, — сказал он, — я поеду в Боготу и отрежу дону Эстебану яйца. Так ему и передай.

Кэп серьезно кивнул. Хуан подошел к люку, высунулся и что-то крикнул на незнакомом мне языке.

— Крутой, — сказал Дементьев неодобрительно. — Яйца он Эстебану отрежет... Это он у себя в джунглях такой смелый...

Хуан, словно поняв, о чем идет речь, обернулся и бросил на Кэпа пронзительный взгляд.

— Скажи, пусть откроют грузовой люк, — крикнул он мне.

Я перевел. Кэп кивнул Трофимову, тот рысцой побежал в кабину. Все происходило в каком-то нервном темпе, и трудно было отделяться от ощущения, что вся команда, включая и самого Дементьева, хочет поскорее убраться отсюда.

Со скрипом раскрылись створки грузового люка. Внезапно весь отсек оказался заполнен маленькими смуглыми людьми в такой же пятнистой форме, как у Хуана. Почти все были вооружены «калашниковыми», у одного я заметил израильский «узи». На нас они не обращали внимания. Быстро и сноровисто, словно муравьи, они освободили контейнеры от удерживавших их сеток и поволокли вниз по выпавшему из люка языку грузового трапа.

— Перекур, — сказал Трофимов, вытаскивая пачку «Житан». — Ближайший час, а то и два работы у тебя будет не много.

Он протянул мне сигарету. Я покачал головой.

— Я лучше выгляну, посмотрю, что снаружи творится.

Петя воровато огляделся.

— А чего там смотреть? Джунгли и джунгли, тоска зеленая. Ну, глянь, конечно, если уж так невтерпеж...

Снаружи было жарко и влажно. Сплошная стена сельвы высилась метрах в тридцати от самолета — переплетение ветвей, лиан, тонких стволов, высоких трав, усеянных крупными цветами кустов. А вдоль этой зеленой стены тянулась темно-серая бетонная взлетно-посадочная полоса, на которую и приземлился наш «Кит».

Она тянулась прямо посреди сельвы, прямая и ровная, как немецкий автобан. Ничего удивительного в этом не было бы (в конце концов, взлетно-посадочные полосы и должны быть прямыми и ровными), если бы не окружавшие ее джунгли. По обе стороны

от полосы вся растительность была выкорчевана и выжжена. Земля там была почти черной и плотно утрамбованной какой-то тяжелой строительной техникой.

Зрелище это производило сильное впечатление. Чтобы сделать такую первоклассную полосу, нужны были бульдозеры, экскаваторы и асфальтоукладчики. Нужны были грузовики с гравием. Каким образом все это появилось посреди глухих южноамериканских джунглей, было совершенно непонятно.

Впрочем, если здешние жители нуждались в гуманитарной помощи, которую можно было доставить лишь самолетом... Нет, ерунда получается. Выходит, правительство смогло выделить немалые средства на то, чтобы построить в самом сердце сельвы первоклассный аэродром, но не сумело помочь своим собственным гражданам, чья жизнь зависит от таких компаний, как «El Jardin Magico», поставляющих им продукты и медикаменты?

Было во всем этом что-то неправильное, какая-то нестыковка, порождающая множество вопросов. Но меня волновала не столько явная алогичность всего происходящего, сколько бросающаяся в глаза нервозность Кэпа и всего экипажа. Внезапно я понял, что мне напоминало их поведение: пару раз я по просьбе Руслана ездил с ним и его товарищами на бандитские «стрелки». Ничего особенного от меня не требовалось, просто своим присутствием обеспечивать массовку, да и до стрельбы или поножовщины на этих разборках ни разу не дошло, но ощущение электрического напряжения, буквально потрескивавшего в воздухе, я запомнил очень хорошо. И вот теперь Кэп, Пжедомский и даже Петя вели себя так, как будто приехали не к нуждающимся в гуманитарной помощи индейцам, а на «стрелку» к бандитским авторитетам...

Я прошел немного по полосе. Рядом, не обращая на меня никакого внимания, сновали маленькие и деловитые смуглые люди. Вовсю жарило солнце, дальний конец полосы был окутан колеблющимся сизым маревом. Туда, в это марево, уползали желтые электрокары, нагруженные привезенными нами ящиками, словно огромные муравьи, бредущие с добычей в свой муравейник.

Электрокары, как я успел увидеть, были новенькие, японские. Куда они везли наш «гуманитарный груз», я так и не узнал, потому что шагах в пятидесяти от самолета меня остановили два довольно свирепого вида охранника, направившие на меня стволы своих «калашей».

— Стоп, гринго, — сказал один из них, скривив презрительную гримасу. — Стоп, стоп! Atras!¹

Я остановился и поднял руки на уровень груди, выставив вперед ладони.

— Я только хотел прогуляться, — сказал я миролюбиво. — Хотел посмотреть на сельву.

— Нечего смотреть, — огрызнулся один из охранников. — Иди назад, быстро. Не то... — И он угрожающе повел стволом автомата.

Спорить с ним я не стал. Повернулся и пошел обратно к «Киту».

— Ну, нагляделся? — спросил меня Трофимов, когда я вернулся в самолет. — Как впечатления?

— Какие-то они здесь недружелюбные, — сказал я. — Вот и вози таким гуманитарную помошь...

Петя криво усмехнулся.

— Ничего, со временем привыкнешь. Их главное не злить, а так они по-своему нормальные парни. Во всяком случае, честные.

К нам подошел жующий Харитонов. В руке у него был надкусенный бутерброд.

— Что, молодежь, скучаем? А ну-ка, помогите там с разгрузкой, а то обезьянки медленно работают.

При этих словах он бросил на меня быстрый лукавый взгляд — видно, не забыл, как я вчера среагировал на «обезьянок».

Петя театрально вздохнул и сделал шаг по направлению к грузовому отсеку, но я не двинулся с места.

— Я неясно выразился? — удивился радиист. — Повторить?

— Вчера вечером, — сказал я вежливо, — я имел разговор с Кэпом. И Кэп очень доходчиво объяснил мне, что я должен только

¹Назад! (*исп.*)

переводить, а не заниматься логистикой, погрузкой и так далее. А также рассказал, как мне следует реагировать, если кто-то из экипажа, за исключением его самого, попробует заставить меня делать что-то помимо моих должностных обязанностей. Процитировать?

Лицо Харитонова приобрело оттенок вареной свеклы.

— Вот, значит, как ты заговорил? Думаешь, побежал к Кэпу, пожаловался, и все сразу тебя полюбили? Ошибаешься, Денис Баткович, очень ошибаешься!

— Я Денис Владимирович, — подсказал я. — Запомнить несложно — у нас с вами отчества одинаковые.

Радист не удостоил меня ответом, резко повернулся и направился в грузовой отсек.

— Круто ты с ним, — задумчиво проговорил Трофимов. — Теперь жди какой-нибудь подлянки... А ты что, действительно к Кэпу ходил?

— Ага, — хмыкнул я. — Знаешь, армянское радио спрашивают: правда ли, что Рабинович выиграл в лотерею «Волгу»? Армянское радио отвечает: правда, только не Рабинович, а Иванов, не в лотерее, а в карты, не «Волгу», а «Запорожец», и не выиграл, а проиграл. — И я кратко пересказал Трофимову суть своей беседы с Кэпом.

— Слушай, стариk, — сказал Петя, — мне как бы неудобно... это ж я тебя вчера с толку сбил с этими контейнерами... надеюсь, ты не думаешь, что я это сделал специально?

— Не думаю. А вот в том, что сейчас Харитонов собирался повторить этот фокус еще раз, не сомневаюсь.

— Чем-то ты ему не нравишься.

— А предыдущий переводчик ему тоже не нравился?

— Опять ты о своем, — сокрушенно вздохнул Трофимов. — Нет, если хочешь знать, твой предшественник как раз был в прекрасных отношениях с нашим радистом. — И, не желая больше продолжать этот разговор, ушел в кабину пилотов.

Я остался один. Солнце быстро спускалось к западу. Подлесок окутал туман, звуки стали приглушеннее, будто тонули в плотной

вате. Грузовой отсек почти опустел; несколько колумбийцев сгружали на платформу электрокара последние контейнеры.

— Каронин! — рявкнул Кэп прямо у меня над ухом.

Я даже подскочил от неожиданности. Пока я любовался вечерней сельвой, Дементьев ухитрился незаметно подобраться ко мне со спины.

— Что, Леонид Иванович?

— Спишь, что ли? — брюзгливо спросил Кэп. — Мне тут Харитонов жаловался, ты его послал?

— Не совсем, — сказал я. — Но, в общем, можно и так сказать.

— Не рано борзеешь, молодой?

На мгновение мне показалось, что они тут все сговорились — и Кэп, и Харитонов, и даже Петя. Решили совместными усилиями устроить мне невыносимую жизнь. Но потом я догадался, что недовольный тон Дементьева может быть просто очередной проверкой на вшивость.

— Никак нет, Кэп, — бодро ответил я. — Выполняю ваше распоряжение, полученное вчера.

Дементьев усмехнулся.

— Ладно, Каронин, будем считать, что урок ты усвоил. Но впредь хамить радиstu не советую — он человек непростой.

— Да я тут вообще простых что-то не вижу, — не удержался я.

Кэп уставился на меня колючим взглядом.

— А ты тут не для того, чтобы наблюдать, Каронин, а для того, чтобы обеспечивать коммуникацию. И ровно через пять минут тебе представится отличная возможность продемонстрировать всем свое умение. Все ясно?

— Так точно, Кэп. Ясно.

— Тогда двигай за мной, Каронин. Сейчас у нас будет важный разговор с Хуаном и еще одним человеком. И боже тебя упаси ошибиться хоть в одной запятой.

К моему разочарованию, «важный разговор» состоялся не за пределами охраняемой автоматчиками зоны, где я мог бы увидеть хоть

что-то, дающее представление о месте, куда мы привезли несколько десятков тонн «гуманитарного груза», а под крылом «Кита». Трофимов принес туда несколько раскладных брезентовых табуретов и такой же походный столик. На столик он поставил бутылку «Столичной», несколько пластиковых стаканчиков и пепельницу.

— А закуска? — спросил я, наблюдая за его манипуляциями.

— Рукавом занюхают, — мрачно отозвался Кэп. Он напряженно всматривался в туман, наползавший от густого подлеска.

Из тумана вышли четверо — двое охранников, державших на готове автоматы, знакомый уже мне Хуан и старый, совершенно седой человек, одетый, в отличие от остальных, не в камуфляж, а в странное черное одеяние, чем-то напоминавшее рясу монаха.

Кэп принял вид радушного хозяина и широким жестом пригласил всех к столу.

— Сеньор Бено! — воскликнул он. — Какая честь видеть вас здесь!

Одетый в черное Бено холодно ответил на приветствие и первым уселся за стол. Подскочивший Трофимов тут же налил ему водки.

— Налейте переводчику, — велел Хуан, даже не взглянув в мою сторону.

— Это опасно, — ухмыльнулся Кэп, — а вдруг он напьется и начнет делать ошибки?

— Тогда мы его пристрелим, — равнодушно ответил Хуан. — Но налить ему надо. И этому, — он кивнул на Трофимова, — тоже.

Петя разлил водку по стаканчикам. Охранники остались шагах в десяти от импровизированного застолья, и им выпить никто не предложил.

— За наших русских друзей, — произнес Бено с каменным выражением на лице. — Выпьем!

Водка была ледяная — видно, Трофимов только что достал ее из морозилки. Хуан крякнул, глаза его налились красным. Бено опрокинул свой стаканчик, даже не поморщившись.

— К делу, — сказал он.

Хуан, отдышавшись, вытащил откуда-то большую тетрадь в кожаном переплете, раскрыл и положил перед собой на столик.

— Вы привезли не все, что мы заказывали. — Он ткнул пальцем куда-то в тетрадь. — Вот по этим позициям — «зет-желтая», «джи-зеленая», «эф-черная» — серьезные расхождения с нашим заказом. И еще культиваторы. Ты говоришь, что это решает Эстебан, — ладно, хорошо, пусть Эстебан. Но тогда передай Эстебану — он тоже будет получать товара меньше. У нас есть кому продавать товар — Эстебан, мать его, не единственный покупатель в этой стране.

Кэп, похоже, был готов к такому повороту событий, потому что начал отвечать гладко, словно читал по бумажке. Переводить его было одно удовольствие — не то что утром, когда он волновался и путался в словах.

— Это ваше право, сеньор Хуан, и, безусловно, я передам все, что сейчас от вас услышал, дону Эстебану. Но прошу вас, не сокращайте количество товара прямо сейчас. Вы же понимаете, что если вы сделаете это без предупреждения, дон Эстебан накажет не вас, а меня и моих людей. И в этом случае никто не получит никакой выгоды, а вам придется иметь дело с новым экипажем, и еще неизвестно, будут ли эти люди лучше нас.

Хуан мотнул головой.

— Нет, Кэп. Если мы сейчас отгрузим столько же товара, что и раньше, Эстебан подумает, что мы прогнулись, и будет продолжать вести себя как последняя сволочь. Он, блин, на нас экономит! На тех, кто обеспечивает его сволочное процветание! Он бы на девках своих лучше экономил, ублюдок!

В оригинале эта филиппика звучала гораздо более экспрессивно, но я постарался смягчить наиболее нецензурные выражения. Кэп мигнул Трофимову, и тот снова наполнил стаканчики.

— Сеньор Хуан, я полностью с вами согласен. Но если мы сейчас получим меньше товара, чем ждет дон Эстебан, нас всех просто убьют.

«Он не шутит, — понял я вдруг. — Это никакая не фигура речи — вон как волнуется Кэп, даже капли пота на лбу выступили... И когда он говорит, что нас всех убьют, он и меня имеет в виду тоже».

— Вряд ли, — ответил Хуан равнодушно. — На первый раз простит. Где же он еще найдет такую команду?

Кэп прикусил губу. Индеец его поймал. Скажи он сейчас: «Да где угодно», — и Хуан с полным правом пожмет плечами: ну так нам какая разница, с кем работать? А если экипаж «Кита» и впрямь незаменим, то Эстебану, кем бы он ни был, невыгодно нас убивать.

— Короче, Кэп, — сказал Хуан, — товара сегодня будет на двадцать процентов меньше.

— Сеньор Боно! — Дементьев с надеждой повернулся к одетому в черное старику. — Ну вы-то ведь понимаете, что это для нас смертный приговор! Вы же меня знаете, я никогда никого не подводил!

Старик пожевал бесцветными губами и осушил свой стакан. Сделал он это так равнодушно, будто там была не сорокоградусная «Столичная», а обыкновенная вода.

— Капитан, — проговорил он, — я тебя давно знаю, это правда.

Он выдержал драматическую паузу. Хуан без всякого выражения смотрел на Кэпа. У Дементьева от напряжения дергалась жилка на виске.

— Ты честный человек, капитан, — вновь заговорил Боно. — Насколько это вообще возможно в нашем бизнесе.

Кэп вздохнул.

— Ну так я и прошу — под мою ответственность. Под мое честное слово.

Боно поднял руку, и Дементьев замолчал.

— Нет, так не пойдет. Ты напишешь расписку, капитан. Мы отгрузим товар в полном объеме, но ты отвечаешь за его пятую часть. В следующий раз ты или привозишь нам то, что не привез сегодня, или возвращаешь деньги за пятую часть товара, или... — Он опять сделал паузу. — Или тебе лучше не прилетать сюда вовсе. Хотя, как ты понимаешь, это не спасет твою шкуру.

Кэп утер со лба пот.

— Где же я возьму такие деньги, сеньор Боно?

— А вот это меня не интересует, — отчеканил седой старик. — Я предлагаю тебе простой выбор, капитан. Или ты улетаешь без части товара и разбираешься с доном Эстебаном сам. Или же ты забираешь весь груз, но пишешь расписку. Выбирай.

Хуан неожиданно повернулся ко мне и подмигнул.

— Скажи своему капитану, парень, что сеньор Боне не каждый день бывает таким добрым.

Дементьев выругался сквозь зубы.

— Ладно, — сказал он, — я напишу. Но будет лучше, если вы тоже... сформулируете свои претензии к дону Эстебану письменно.

— Не волнуйся, — презрительно ответил старик, — я уже подготовил письмо для дона Эстебана...

На этом переговоры и завершились. Поскольку Кэп, разумеется, не умел писать по-испански, это пришлось делать мне под диктовку Боне. Не уверен, что эта расписка имела хоть какую-то юридическую силу, но формулировки ее звучали довольно зловеще. Особен но последняя фраза: *«И если я не выполню обещаний, данных брату Боне и брату Хуану перед лицом Бога и Девы Марии, то буду гореть в аду миллион миллионов лет и буду растерзан Дьяволом на миллион миллионов частей и ввергнут в Тьму Внешнюю»*. Я окончательно убедился в том, что черный балахон Боне когда-то был ряской.

Когда Кэп расписался под этим жутковатым текстом, напряжение, висевшее в воздухе, исчезло, словно электрический заряд, скользнувший в землю по штыку громоотвода. Хуан хлопнул Кэпа по плечу, Боне невозмутимо допил остатки водки, и наши гости в сопровождении охраны удалились в туман. Очень скоро оттуда вновь послышалось басовитое гудение электрокаров, и в раскрытые створки грузового люка «Кита» начали загружать какие-то тюки. Их подвозили на платформах, их передавали по живой цепочке, затаскивали в грузовой отсек и складывали плотно утрамбованными штабелями. Манипуляции эти происходили почти в полном молчании и на фоне сгущавшихся сумерек выглядели довольно жутковато.

Погрузка заняла три часа — все это время я старался не упускать из виду Кэпа, на случай, если ему вдруг понадобится переводчик, но случай так и не представился. Трофимов сидел в грузовом отсеке с блокнотиком в руках и считал тюки. Снаружи за погрузкой очень внимательно наблюдал Пжзедомский. Он расхаживал вдоль

живой цепочки, покуривая трубку с ароматным табаком. Время от времени он останавливался и приглядывался к тому или иному тюку; казалось, он едва удерживается от того, чтобы не залезть туда с головой.

У меня к этому времени уже почти не осталось сомнений в том, какой «товар» грузили в чрево «Кита» одетые в камуфляж бойцы. Если бы Пжедомский ткнул в какой-нибудь тюк ножом, оттуда наверняка посыпался бы белый порошок. Тогда второму пилоту оставалось бы только потрогать его пальцем а потом облизать, как это делают бандиты из голливудских боевиков. Правда, я не знал, как можно отличить на вкус кокаин от какой-нибудь детской присыпки, но Пжедомский наверняка был осведомлен лучше меня.

Впрочем, подозревать Хуана и Бону в подлоге было глупо: в этих джунглях детскую присыпку наверняка достать было гораздо сложнее.

Конечно, я знал о том, что Колумбия — один из центров мировой наркоторговли, специализирующийся на производстве кокаина. Знал и о том, что в труднодоступных районах этой страны существуют не только плантации, где выращивают коку, но и целые фабрики, где из листьев этого растения добывают кокаин. Видимо, одна такая фабрика располагалась где-то неподалеку — это объясняло и наличие взлетно-посадочной полосы, и будильную охрану, и вполне современную технику, непонятно как очутившуюся в дикой сельве. Как любому производству, этой фабрике наверняка требовалась какие-то комплектующие, какое-то оборудование — вполне возможно, что его-то мы и привезли сюда из Венесуэлы. Поставщиком этого оборудования был неизвестный мне сеньор Эстебан. И похоже, на этот раз он решил слегка «нагреть» своих партнеров Хуана и Бону, а расплачиваться за это пришлось Кэпу.

Странно, но это открытие (если можно назвать открытием цепочку умозрительных рассуждений) не вызвало у меня сильных эмоций. Возможно, потому, что я был подсознательно готов к чему-то подобному: намеки Трофимова, вскользь брошенная фраза о том, что в район складов редко заглядывает полиция, барская

привычка экипажа жить в шикарном пятизвездочном отеле на берегу океана даже самого наивного романтика заставили бы призадуматься. А я не был ни наивным, ни романтиком.

Я даже испытал нечто вроде облегчения: мне наконец стало ясно, почему экипаж, кроме Трофимова, так недружелюбно меня встретил. Эти люди занимались опасным и совершенно незаконным делом. Возможно, они даже друг другу не доверяли, что уж говорить о чужаке, которого ни один из них раньше в глаза не видел. К тому же мой предшественник, судя по всему, сделал что-то, что им очень не понравилось, не зря же Хуан сказал: «У него были проблемы с твоими друзьями». Правда, если верить Трофимову, у прежнего переводчика были хорошие отношения с радиостом. Но кто знает — может быть, именно это и сыграло роковую роль в его судьбе?

Погрузка закончилась незадолго до полуночи. Снова появился Хуан, коротко спросил Кэпа: «Все нормально?» Кэп сверился с блокнотом Трофимова, посовещался с Пжедомским и кивнул: «Да».

— Тогда летите, — сказал Хуан. — И помни, Кэп, ты дал слово.

Он махнул рукой, и вдоль проложенной в сельве посадочной полосы зажглись яркие огни.

«Кит» взлетел в бархатную колумбийскую ночь, к крупным, словно горох, звездам. На этот раз Кэп приказал мне находиться в кабине пилотов — видимо, из опасения, что я не удержусь и проковыряю дырочку в одном из тюков. Таким образом, я стал невольным свидетелем «выяснения отношений» среди экипажа.

— На этот раз вроде бы пронесло, — вздохнул Лучников (пока мы находились на земле, я вообще его не видел — он безвылазно сидел в кабине).

— Если только это называется «пронесло», — желчно усмехнулся Пжедомский. — А я ведь предупреждал, что этот Робин Гуд рано или поздно нас подставит.

Кого он называл Робин Гудом — то ли Эстебана, то ли Бено, — я так и не понял.

— По всем понятиям, мы теперь им должны, — поддержал его Харитонов. — И должны так, что мама не горюй.

— Не мы, а я, — веско сказал Кэп. — Расписку писал я, и ответственность вся на мне.

Я заметил, что легче от этих его слов никому не стало.

— Как будто Боня разбираться станет, — возразил радиост. — Вы ж сами знаете, Леонид Иваныч, если что, хлопнут всех...

— А Эстебан точно не заплатит? — робко спросил Трофимов.

— Догонит и еще раз заплатит, — оборвал его Кэп. — Как мы ему докажем, что он кому-то чего-то недопоставил?

— Накладные же есть, Леонид Иванович... — неуверенно проговорил штурман.

— Ты с ними в суд пойдешь? Все было на честном слове. Эстебан просто скажет, что его не так поняли. А кто подтвердит, что мы правы?

— Так вы ж сами с ним разговаривали, Кэп.

Дементьев на мгновение оторвался от своих приборов и обернулся ко мне.

— Был еще один человек, если кто не помнит.

Видимо, он имел в виду предыдущего переводчика. Для меня не стало сюрпризом, что после этих слов в кабине повисла мертвая тишина. Я уже привык к тому, что экипаж «Кита» всячески избегал разговоров о моем предшественнике.

Мое присутствие явно мешало остальным обсуждать крайне важную для них проблему. Я потянулся и, стараясь, чтобы это произвучало естественно, спросил:

— Долго нам еще лететь-то? Я бы покемарил.

— Валяй, — разрешил Кэп. — Посадка через шесть часов.

Это меня удивило, потому что перелет из Венесуэлы занял у нас всего три часа. Но, поскольку никто не сообщал мне, куда мы лягим, решил лишних вопросов не задавать.

Когда я проснулся, кабина была залита ослепительным светом встающего солнца. Мы летели прямо на поднимающийся из-за горизонта раскаленный диск. А под крыльями «Кита» лежал пламе-неющий в рассветных лучах океан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДОН ЭСТЕБАН

Было нестерпимо жарко.

Солнце еще только начало взбираться к зениту, но знойное морево уже колыхалось в воздухе. Бетон, на котором стоял «Кит», был раскаленным, как адская сковородка. Я чувствовал это даже через подошвы кроссовок.

— Экватор, — объяснил Петя, — что ж ты хочешь.

— Ясности бы хотелось, — сказал я.

— Все просто, товарищ. Мы улетаем в дальний путь, а ты останешься здесь. Как бы за старшего. Твоя задача — дождаться нашего возвращения в целости и сохранности. Не утонуть в океане, не обожраться до смерти ананасами, не упиться кашасой. В общем, два дня приятного ничегонеделания. Которые, кстати, будут оплачены тебе как рабочие. О чем это говорит?

— О том, что Кэп мне не доверяет, — мрачно ответил я.

— Дурашка. О том, что и у нашей работы есть свои положительные стороны. Ну чем тебе не курорт? — Петя обвел рукой окружавшую аэропром пальмовую рощу. — Найди себе здесь юную мулатку-шоколадку и развлекайся, сколько душе угодно. Ну?

— Слушай, — сказал я, — а если вы, к примеру, не вернетесь? Так, чисто гипотетически? Что мне тогда делать? Я ведь даже не знаю, в какой точке экватора нахожусь...

Трофимов задумался.

— Хороший вопрос. Начнем с того, что это все-таки не совсем экватор. Километров двести к югу. Представляешь себе карту Бразилии?

— Так мы в Бразилии?

— В ней, родимой. Залив Сан-Маркос, если тебе это о чем-то говорит.

Я напряг память.

— Дельта Амазонки?

— Эрудит, — похвалил меня Трофимов. — Тебя в «Что? Где? Когда?» играть не приглашали? Зря. Ну, в общем, ты прав. В двух днях пути отсюда на север — город Белен. Если что, доберешься до него, там есть все признаки цивилизации, включая телефон и Интернет. Свяжешься с нашим московским офисом, тебя вытащат. Но это, как ты понимаешь, самый крайний вариант...

— Погоди, погоди... а почему я не могу связаться с Москвой отсюда?

Петя улыбнулся.

— Отсюда — не можешь. Это бывший армейский аэродром, официально он уже лет десять как не существует. Да не волнуйся ты, через два дня мы тебя заберем.

Он хлопнул меня по плечу и пошел к трапу — высокий, нескладный, словно журавль.

«Кит» уже разогревал турбины, готовясь к взлету. Я закинул на плечо свой рюкзак и направился к приземистой бетонной коробке, примыкавшей к белой башенке диспетчера.

Там играли в карты двое охранников-негров. Возможно, правда, это были не негры, а мулаты с преобладанием африканской крови или даже самба — потомки от смешанных браков негров и индейцев.

— Привет, — сказал я по-испански. Охранники уставились на меня, как на привидение. — К сожалению, я не говорю по-португальски. Вы понимаете испанский?

Один из негров что-то пробормотал, но я не разобрал ни единого слова. Я попробовал обратиться к ним по-английски — с тем же успехом.

— Мне нужна посада «Эмеральда». — Я вытащил из нагрудного кармана листок, который дал мне Трофимов, и протянул охранникам. — Па-у-са-да «Э-ме-раль-да», comprende?¹

Читать они, кажется, тоже не умели, но моя попытка повторить название по слогам оказалась удачной. Лица охранников просветтели (насколько это вообще возможно при их цвете кожи).

— А! — радостно воскликнул один из них. — «Эмеральда»!

И они, перебивая друг друга, принялись объяснять мне, где находится искомая посада, то есть маленькая частная гостиница.

Располагалась она не так уж и близко — километрах в пяти к юго-востоку от аэродрома, но дорога к ней была настолько живописна, что я нисколько не пожалел о потраченном времени. Впервые в жизни я очутился в настоящем тропическом лесу, где солнца почти не было видно из-за нависавших ярусами переплетений ветвей, где прямо перед моим лицом перелетали с дерева на дерево огромные яркие птицы, а в кустах возилась какая-то мелкая живность. Я едва не наступил на переходившего тропинку броненосца; он сердито зашипел и свернулся в чешуйчатый шар.

Потом лес неожиданно кончился, и я вышел на берег океана. Могучие волны набегали на пустынный пляж. Вокруг не было ни единой души — только вода и песок. Вдали, на холме, в окружении усеянных розовыми цветами деревьев, виднелся белый дом с коричневой черепичной крышей. Это и была посада «Эмеральда», в которой мне предстояло провести ближайшие два дня.

Насколько я понял из лаконичных объяснений Трофимова, здесь у экипажа «Кита» было нечто вроде перевалочной базы. Аэродром, хоть и числился несуществующим, функционировал исправно. Во всяком случае, стоило только нашему самолету приземлиться, как откуда-то появилась машина-заправщик, и «Кит» принялся жадно глотать горючее.

¹ Понимаете? (исп.)

— В «Эмеральде» спросишь сеньору Мануэлу, — напутствовал меня Петя. — Скажешь, что от русского капитана Леонида. Это для нее лучшая рекомендация — она Кэпа очень уважает.

Сеньора Мануэла оказалась сухонькой старушкой с коричневым морщинистым лицом и удивительно прозрачными, словно бы детскими, голубыми глазами. Мне показалось, что она и без всяких рекомендаций обрадовалась бы постояльцу, но упоминание о Кэпе привело ее в настоящий восторг. Мы общались на странной смеси испанского и английского языков, но ее это совершенно не смущало. Сеньора Мануэла была чрезвычайно говорлива. Половину того, что она мне рассказала в первые же десять минут нашего знакомства, я не понял, но все же сумел сделать вывод, что в настоящий момент в посаде живет всего лишь два человека; я буду третьим и могу выбирать себе любую из шести пустующих сейчас комнат.

Я выбрал просторную светлую комнату с видом на океан. Вся мебель состояла из большой кровати под балдахином, низенького журнального столика и плетеного кресла-качалки, которое я тут же вытащил на балкон. Внизу, на террасе, сеньора Мануэла накрывала на стол — я появился в «Эмеральде» как раз к обеду.

Позже я не раз вспоминал время, проведенное в маленькой посаде на берегу Атлантики, как самые спокойные дни в своей жизни. Делать мне было решительно нечего; я купался в океане, насколько можно назвать купанием постоянную борьбу с волнами, норовившими сбить с ног и протащить по песку; загорал на белоснежном кварцевом пляже, а по вечерам пил на террасе кашасу с сеньорой Мануэлой и двумя другими постояльцами. Людей этих я больше никогда не встречал, и все же они остались в моей памяти: пожилой бельгийский священник Люсьен Февр, приехавший в Белен навестить своего бывшего однокашника по иезуитскому колледжу, и молодой австралиец по имени Колин (фамилии своей он не назвал), путешествовавший по свету без особой цели.

С Февром мы общались на испанском, с Колином — на английском, хотя его австралийский акцент поначалу очень мешал

взаимопониманию. Однако с каждой новой рюмкой кашасы языковые барьеры стремительно рушились.

Вообще-то кашаса — это тростниковая бразильская водка, но напиток, который выставляла на стол сеньора Мануэла, по вкусу напоминал скорее хороший виски. По словам хозяйки «Эмеральды» — в переводе полиглota Февра, — то была настоящая «кашаса сердца», то есть напиток для знатоков и ценителей. А еще была штука под названием *кайпиринья* — крепчайший коктейль, состоящий из трех ингредиентов — кашасы, лайма и большого количества тростникового сахара. Очень рекомендую, хотя должен честно сказать, что по-настоящему его умеют делать только в Бразилии...

Вот там-то, в маленькой гостинице на берегу Атлантического океана, я впервые отчетливо понял, что не хочу возвращаться домой. Москва, с ее серым, задымленным небом, с ее грязными улицами и бесконечной зимой, казалась не просто очень далекой — она казалась нереальной. Некстати вспомнилось, что я пока нахожусь на испытательном сроке — и если Дементьев или Пжедомский по каким-то причинам решат, что я им не подхожу, мне придется лететь обратно в Москву. И если еще два дня назад я воспринял бы такую перспективу философски, то теперь при одной мысли о возвращении меня бросало в дрожь.

И еще меня одолевало любопытство. Я чувствовал, что экипаж «Кита» занимается каким-то опасным и незаконным делом, но не был до конца уверен, что речь идет о транспортировке наркотиков. Возможно, мне просто не хотелось в это верить, потому что мне нравился Трофимов. Да и Кэп, при всем его умении внушать антипатию к себе, все же казался настоящим мужиком. Но, как бы то ни было, я должен был проникнуть в их тайну.

У меня было достаточно времени, для того чтобы обдумать ситуацию, в которой я оказался. Я валялся на пляже, сидел на балконе, разглядывая незнакомый узор южных созвездий, и думал, думал, думал...

Два дня проскользнули незаметно. На утро третьего дня я расплатился с добродушной сеньорой Мануэлой (счет за проживание и еду

был настолько копеечным, что я прибавил к нему еще столько же — просто чтобы не ронять марку), попрощался с Февром и Колином и отправился через тропический лес обратно на военный аэродром.

«Кит» должен был прилететь в одиннадцать. Я немного не рассчитал время и добрался до аэродрома лишь в начале двенадцатого, но самолета не было. Негры-охранники на все мои расспросы лишь расплывались в искренних, но ничего не объясняющих улыбках. В конце концов я плонул, уселись в теньке и принялся ждать возвращения «Кита».

Время шло, солнце жарило все сильнее, раскаленный воздух дрожал над расплавленной бетонкой. Самолета все не было.

«Они не прилетят, — подумал я. — Они вообще не собирались возвращаться за мной — просто решили таким образом от меня отделаться. И с предшественником моим сделали, наверное, то же самое, просто бросили его где-нибудь в джунглях, он попытался найти дорогу к городу, заблудился и пропал в лесах...»

Конечно, это была полная чушь, но в тот момент я был готов в нее поверить. И чем дольше я ждал, чем длиннее вытягивалась тень от башни диспетчера, тем больше я убеждался в том, что экипаж «Кита» уже давно отдыхает в Маракайбо. Я начал уже прикидывать, как мне добраться до Белена, когда в вечернюю тишину ввинтился тяжелый гул турбореактивных двигателей.

Это был «Кит». Он вывалился откуда-то из-за кромки леса, грузный, неуклюжий на вид, устремился, теряя высоту, к посадочной полосе, с размаху шлепнулся на шасси, подпрыгнул и побежал по бетонной дорожке к дальнему концу поля.

Один из охранников подошел и потрогал меня за плечо, улыбаясь во весь рот крупными сахарными зубами.

— ОК! — сказал он, показывая на самолет.

Но все было совсем не ОК. Это я понял сразу, как только увидел Трофимова.

Есть такое старое выражение — на нем лица не было. Так вот, на моем приятеле в полном смысле слова не было лица. Наверное,

так мог выглядеть человек, выстоявший двенадцать раундов против Майка Тайсона. Даже огромные темные очки не могли скрыть жутковатых кровоподтеков и ссадин, не говоря уже о заклеенном пластирем распухшем носе.

— Здорово, — гнусаво сказал Петя, протягивая мне руку. — Как отдохнул?

— Нормально. А ты, я вижу, не очень?

— Суки, — сплюнул Трофимов. — Две вещи ненавижу, Диня, — расизм и негров. Но негров, кажется, все-таки больше.

— Осторожно, — предостерег я, — тут рядом один стоит.

— Эти не такие. К тому же по-русски ни хрена не петрят.

Петя вытащил из кармана толстую пачку долларов и протянул ее улыбающемуся охраннику.

— Зэтс фор фуэл энд фуд, ОК?¹

Охранник провел толстым указательным пальцем по купюрам, прислушался к их шелесту и согласился:

— OK!

Потом сочувственно показал на Петино лицо:

— Бокс?

Видимо, ему пришла в голову та же ассоциация, что и мне.

— Ага, — скривился Трофимов. — Фул контакт.

— Бокс — ф-фу, — поделился с нами своей философией охранник. — Капоэйра — классе альта!²

— Обязательно займусь, — пообещал Петя по-русски. — Вот только зубы себе новые вставлю — и вперед.

— Непредвиденные обстоятельства? — спросил я, когда охранник, насвистывая, удалился. Спрашивать напрямую — «а кто ж тебе так начистил морду» — было не слишком тактично.

— Не то слово. И поверь мне: вот это, — он осторожно дотронул-ся до распухшей скулы, — далеко не самое неприятное...

Но больше я от него так ничего и не добился. Остальные члены экипажа оказались еще менее разговорчивы. Никто из них

¹ Это за горючее и еду. OK? (иск. англ.)

² Высший класс (порт.)

вроде бы не пострадал — во всяком случае, ни синяков, ни сломанных носов я не увидел. Но все они — от Кэпа до Харитонова — пребывали в крайне дурном расположении духа. За те два дня, что мы не виделись, явно произошло что-то, что самым негативным образом сказалось на состоянии экипажа. Загадкой оставалось лишь то, какую роль сыграл в этих событиях Трофимов.

В грузовом отсеке, куда меня снова высадили из кабины пилотов, было непривычно пусто. Все было тщательно вымыто и даже продезинфицировано: в воздухе стоял неприятный запах хлорки. Никаких следов груза, за исключением прилипшего к переборке стикера с эмблемой ООН и надписью «Humanitarian Aid».

В аэропорту Маракайбо на борт поднялись двое таможенников и один пограничник, и Кэп потребовал меня к себе. Петя копался в недрах какого-то прибора, делая вид, что чрезвычайно занят, и старался не поворачиваться к гостям лицом.

Гости, явно выполняя скучную и рутинную повинность, задали Кэпу несколько формальных вопросов о целях и маршруте нашего полета. Кэп, не моргнув глазом, сообщил, что самолет доставлял гуманитарную помощь в департамент Каука, показал полетный лист и накладные. После этого таможенники осмотрели грузовой отсек, поставили свои подписи на каких-то бумагах, проштамповали наши паспорта и равнодушно поздравили нас с прибытием в Венесуэлу.

— Все свободны, — сказал Кэп, когда мы вышли на уже знакомую мне стоянку такси. — Можете отдохнуть вплоть до особых распоряжений. Всем быть на связи, чтобы не искать по полдня... Трофимов, к тебе особо относится.

— Угу, — буркнул Петя. — Сто раз же говорил — давайте купим всем сотовые телефоны.

— Дорогой, — усмехнулся Харитонов, — нам сейчас только сотовых телефонов не хватает.

— Каронин, — продолжал Кэп, не обращая внимания на их пикниковку, — сиди в отеле, сегодня никуда не выходи. Возможно, ты понадобишься.

— Понял, — сказал я. — А как насчет завтра?

— До завтра еще дожить надо, — хмуро ответил Кэп.

В «Эксельсиоре» я первым делом принял душ и переоделся. Висевшая на балконе футболка наконец-то высохла. Усталости я не чувствовал, хотелось побродить по городу, поглядеть на местные достопримечательности, посидеть в кафе на берегу океана — но приказ есть приказ. Некоторое время я просто валялся на кровати, бездумно щелкая пультом телевизора, а потом незаметно для себя заснул.

Разбудил меня резкий, оглушительно громкий звонок висевшего на стене телефона.

— Денис, — каркнул в трубку Дементьев, — ноги в руки — и ко мне. Чтобы через полчаса был тут!

— В «Лагуне»? — спросил я, пытаясь сообразить, что к чему.

— Нет, блин, в Капотне! — рявкнул Кэп и отключился.

Я побрел в ванную умываться. Голова была словно набита ватой — я вообще не очень люблю спать днем, а тут еще эта духота...

В себя я более или менее пришел только в такси. За окнами было уже почти темно — сумерки в Венесуэле короткие, стоит солнцу коснуться края горизонта, как через несколько минут наступает ночь. Несколько часов сна не освежили меня — наоборот, я чувствовал себя так, словно по мне проехал асфальтоукладчик.

Приехал я вовремя, но Кэп уже ждал меня у ворот «Лагуны». Он был одет в парадный белый костюм, фуражку с золотыми крыльями и блестящие лакированные туфли. Я в своих джинсах и футболке сразу почувствовал себя оборванцем.

— Получишь зарплату — купишь себе полотняную пару, — сказал Дементьев, презрительно меня разглядывая. — Если, конечно, получишь...

Нельзя сказать, что он меня этим сильно утешил, но вопросов я предпочел не задавать. Кэп извлек из кармана массивный брелок и нажал на кнопку. Стоявший метрах в десяти черный «Мерседес-500» с тонированными стеклами дважды мигнул фарами.

— Ваш? — уважительно спросил я.

У Дементьева дернулся уголок рта.

— Нет, Пушкина А. Эс... Садись, полиглот.

До этого момента мне не приходилось ездить в машинах такого класса. Когда «Мерседес» тронул с места, я даже не почувствовал этого — только увидел, как поплыла назад живая изгородь, окружавшая территорию отеля.

— Отличная машина, — сказал я, поскольку Кэп не проявлял особого желания начинать разговор.

— Да ты что, — хмыкнул Дементьев и снова замолчал. Он вел машину так же спокойно и уверенно, как и свой самолет; огромные его лапы расслабленно лежали на руле, незаметными постороннему глазу движениями управляя «Мерседесом».

Минут через пять я предпринял вторую попытку.

— Леонид Иванович, — сказал я, — я не хочу лезть не в свое дело, но если бы вы дали мне хоть какую-то вводную, мне было бы гораздо легче работать.

Дементьев подумал. Боковым зрением я видел, как он играет желваками.

— Вводная простая, — ответил он наконец. — Мы сейчас едем на самую важную встречу в твоей жизни. По-испански ты вроде рубиши нормально, так что предупреждать тебя, чтобы ты не косчил по мелочам, я не стану. Но запомни: если нам повезет, мы вернемся домой живыми. А если нет...

— Мы едем к дону Эстебану? — спросил я.

Кэп скосил на меня глаза.

— Догадался уже? Ну, давай, выкладывай, до чего еще ты там допер.

Отец научил меня замечательной американской поговорке — «Если умеешь считать до десяти, остановись на восьми». То есть никогда не выкладывай на стол сразу все свои козыри, не показывай излишней осведомленности. Тут, на мой взгляд, был как раз такой случай.

— Во-первых, — сказал я, — я предполагаю, что дон Эстебан — это бизнес-партнер компании «El Jardin Magico». Судя по переговорам,

которые вы вели в Колумбии, он вас кинул. И теперь вы хотите убедить его заплатить ту сумму, которую вы должны Хуану и Боно.

— Дальше, — коротко приказал Дементьев.

— Кроме того, какая-то неприятность произошла с вами в то время, пока я дожидался вас в Бразилии. И вам предстоит с ним по этому поводу объясняться.

— Все?

— Все. — Тут я, конечно, покривил душой, и Кэп, скорее всего, это понял. Во всяком случае, взгляд, которым он меня наградил, сложно было назвать доброжелательным.

— Теперь слушай меня, Каронин. Ты парень неглупый, должен был догадаться, что мы тут не в бирюльки играем. Дон Эстебан — крупнейший в Южной Америке торговец кокаином. Гангстер мирового масштаба.

«Ну вот, — подумал я, — слово и произнесено. Значит, все-таки кокаин».

— Я человек военный, — продолжал Дементьев, — куда Родина пошлет, туда и летаю. Про государственные соображения я тебе ничего объяснить не буду — тебе достаточно знать, что они есть, и все. Еще когда Советский Союз не развалился, мы здесь таких, как дон Эстебан, очень поддерживали, поскольку они нам помогали бороться с нашим главным врагом. Куда шел колумбийский кокаин? В первую очередь в Соединенные Штаты, разлагал их там изнутри. Ну а пиндосы, в свою очередь, покровительствовали афганским героиновым королям, потому что тамошний герыч через Среднюю Азию проникал на нашу территорию. Такая, понимаешь, холодная нарковойна.

Он помолчал, обгоняя по встречной полосе огромную, причудливо разрисованную фуру.

— Поэтому не думай, что мы тут все с потрохами продались местной наркомафии. Мы важное дело делаем, Каронин. Что, однако, не отменяет.

Что именно не отменяет данный факт, Кэп не пояснил. Видимо, и сам до конца не знал.

— Есть такая поговорка: «С волками жить — по-волчьи выть». Слыхал?

Я кивнул.

— С гангстерами работать сложно. Чуть расслабился — тебя и поимели. Что и произошло в прошлый раз. До тебя с нами работал переводчик, из торгпредства парень... Вроде бы нормальный, а потом выяснилось, что Эстебан его купил. И парень этот нас крупно подставил. Запутал нас, и мы заключили с Эстебаном договор, по которому Эстебан обязан поставлять Хуану и Бону гораздо меньше... комплектующих, чем раньше. Парень получил свои комиссионные и исчез, а мы теперь в заднице.

— А как вы об этом узнали?

— Не твое дело, — нахмурился Дементьев. — Важно, что теперь Эстебан нас держит за жабры. А тут еще эти либерийцы...

— Кто-кто?

Мы выехали из города и мчались теперь по прибрежному шоссе, залитому ярким светом фонарей. Дементьев гнал со скоростью 180 километров в час, но в салоне «Мерседеса» это почти не ощущалось.

— Имей в виду, Каронин, если мы выйдем от Эстебана живыми, тебе придется забыть все, о чем я здесь тебе рассказывал. Иначе...

И Кэп очень неохотно, опуская подробности, посвятил-таки меня в суть дела.

Из Венесуэлы в Колумбию «Кит» доставлял, как я и предполагал, необходимые для работы фабрики по переработке коки материалы, медикаменты и еду. С некоторой натяжкой это действительно можно было назвать «гуманитарным грузом». Далее, уже с грузом кокаина на борту, «Кит» летел в Бразилию, где совершал промежуточную посадку для дозаправки. Это было необходимо, потому что следующим пунктом его назначения была Либерия — страна на западном побережье Африки.

В Либерии кокаин забирали местные бандиты, и оттуда наркотик на кораблях доставляли в Западную Европу, где продавали по цене, в несколько тысяч раз превышавшей его себестоимость. Как

только груз сдавали с рук на руки, на счет дона Эстебана переводилась очередная кругленькая сумма (Кэп ничего не сказал о вознаграждении экипажа «Кита», но ясно было, что компания «El Jardin Mágico» получает приличный процент от этой суммы).

Рейс, в котором мне довелось принимать участие, оказался крайне несчастливым. Не только потому, что Хуан и Боно, возмущившись вероломством дона Эстебана, заставили Кэпа взять на себя ответственность за двадцать процентов товара. Самое неприятное произошло в Либерии.

Местные гангстеры заявили, что несколько тюков, полученных от Хуана и Боно, были наполнены вовсе не кокаином, а совершенно безвредным тальком. Они даже сунули этот тальк под нос Кэпу — и тот был вынужден согласиться, что на кокаин этот порошок совсем не похож.

Возможно, конечно, что все это было хитрой местью колумбийцев, раздосадованных выходкой дона Эстебана, но Кэп в этом сомневался. Скорее подлянку устроили сами либерийцы — ведь они «обнаружили» тальк уже после того, как «Кит» был полностью разгружен, так что подменить мешки им не составляло большого труда.

Поскольку на кону стояли огромные деньги, экипаж «Кита», естественно, начал качать права. Но либерийцев было гораздо больше, к тому же они были вооружены. Петю Трофимова, пытавшегося прорваться на склад, чтобы своими глазами увидеть спорные тюки, избили прикладами автоматов. В итоге либерийцы заплатили за груз гораздо меньшую сумму, чем ожидал дон Эстебан, — и крайними вновь оказались русские летчики.

— Теперь мы должны Эстебану два с половиной лимона, — закончил свой рассказ Кэп. — А этот сукин сын имеет обыкновение с должниками не церемониться. Он и за десять тысяч баксов людей в асфальт закатывал. Не говоря уже о том, что с Хуаном и Боно тоже нужно как-то разбираться.

— Леонид Иванович, — сказал я, — я, конечно, обо всем этом забуду, не вопрос. Вопрос в другом — как вы собираетесь из этой ситуации выпутываться?

— А я пока не знаю. Как там Наполеон говорил — ввязнемся в драку, а там посмотрим. Ты драться умеешь, Каронин?

— С наркобаронами еще не приходилось, — попытался пошутить я. На самом деле мне было совсем не весело. Где-то в глубине души ныл противный тоненький голосок: «Ну при чем тут ты? Ты же вообще попал сюда случайно! А теперь тебя грохнут за компанию с остальными и отправят кормить рыб в залив! Это несправедливо!»

Я приказал голоску заткнуться. В конце концов, выбора у меня все равно не было — разве только открыть дверцу и выпрыгнуть из «Мерседеса» на ходу. Учитывая скорость, с которой мы двигались, это был неплохой способ самоубийства.

Не успел я подумать об этом, как Кэп начал притормаживать. «Мерседес» мягко свернул на дорогу, уходящую к побережью. Эта дорога тоже была освещена, но не так, как шоссе: здесь не было фонарей на обочинах, лампы были вмонтированы в асфальт, и свет словно струился из-под земли. За пределами освещенного пространства тяжело вздыхал океан.

Вскоре дорога нырнула под арку, образованную огромными ветвистыми деревьями. В свете фар мелькнули металлические конструкции, напоминающие противотанковые «ежи». Затем из темноты показалась высокая — метра четыре — бетонная стена, на гребне которой сверкали осколки стекла. «Мерседес» притормозил перед массивными стальными воротами, по обе стороны которых возвышались башенки с узкими окнами, больше напоминавшими амбразуры.

К машине вразвалочку подошел коренастый широкоплечий мулат. Оружия у него не было — во всяком случае, я не заметил, — но вид был такой, словно в каждой руке он держал по нацеленному на нас пистолету.

— Кто такие? — спросил он, заглядывая в окно (стекло со своей стороны Кэп предусмотрительно опустил).

— Капитан Дементьев с переводчиком, — ответил Кэп. — Скажи ему, Каронин, что дон Эстебан пригласил нас к десяти ноль-ноль.

На часах было без десяти десять.

— Документы, — потребовал мулат, когда я объяснил ему, кто мы такие.

Кэп протянул свой паспорт и посмотрел на меня.

— А у меня нет, — растерянно пробормотал я. Мой паспорт остался в отеле — Кэп же не предупредил меня, что он может понадобиться.

Кэп тихо выругался.

— У меня с собой нет документов, — сказал я мулату. — Я же не знал, что у вас тут такие порядки. Но я и вправду переводчик.

— Выйди из машины, — скомандовал мулат.

Я вздохнул и открыл дверцу.

— Ты куда? — забеспокоился Дементьев.

Я не ответил. Мулат подошел ко мне и довольно профессионально обыскал с ног до головы. Видимо, осмотр его удовлетворил, потому что он молча мотнул головой, отдал Кэпу паспорт и ушел в свою караулку.

— В следующий раз, Каронин, — проговорил Кэп сквозь зубы, — я с тебя за такое скальп сниму...

— В следующий раз предупреждайте, — удивляясь собственной наглости, сказал я. — И не нужно так нервничать, это очень чувствуется. Получается, мы заранее признаем, что виноваты...

— Психолог, блин, — фыркнул Дементьев. — Доктор Фрейд сопливый...

Очень хотелось ответить ему грубостью, но ясно было, что Кэпа просто колбасит в ожидании предстоящих разборок. Поэтому я проигнорировал его слова.

Створки ворот медленно поползли в стороны. За ними открылась пальмовая роща, прорезанная упирающейся прямо в океан аллеей. «Мерседес» неторопливо миновал ворота, проехал немного по аллее и свернул вбок, к большому ярко освещенному особняку. Под колесами громко захрустел гравий.

У парадного входа особняка нас ожидали двое «горилл» в строгих черных костюмах — пиджаки пятьдесят шестого размера красноречиво оттопыривались под мышками.

— Добрый вечер, сеньор Дименте, — вежливо поздоровался один из них, с пышными щегольскими усами. Посмотрел на меня и добавил: — Добрый вечер, сеньор...

— Каронин, — подсказал я. — Переводчик.

«Горилла» важно кивнул.

— Дон Эстебан примет вас в белой гостиной, — сказал он. — Я провожу.

И мы пошли — один «горилла» впереди, второй у нас за спиной. Кем бы ни был загадочный дон Эстебан, к вопросам своей безопасности он относился серьезно.

Белая гостиная представляла собой огромную полукруглую комнату, одна стена которой была полностью стеклянной. Эта стена-окно выходила на океан — в лучах скрещенных прожекторов перекатывались тяжелые маслянистые волны.

«Гориллы» остались стоять у двери. Мы с Кэпом немного побродили по гостиной — она была уставлена низенькими мягкими диванчиками, креслами, больше напоминавшими белые бесформенные туфяки, так что непонятно было, сидят на них или лежат. По стенам были развешаны картины — в основном нагромождения геометрических фигур и цветных пятен. Мне понравилось, что все они были заключены в простые, строгие и элегантные белые рамы — кем бы ни был человек, разрабатывавший дизайн этой комнаты, в определенном вкусе отказать ему было нельзя.

Я так увлекся разглядыванием картин, что не услышал, как в дальнем конце гостиной открылась дверь.

— Apareciste? — Голос вошедшего в комнату мужчины удариł меня по ушам, как хлыст. — Yo quiero saber que significa toda esta mierda?¹

Он широкими шагами пересек гостиную и с размаху швырнулся в лицо ворох каких-то бумаг. Бумаги разлетелись стаей плоских белых птиц. Кэп стоял как оплеванный, лицо его медленно наливалось темной кровью.

¹ Явился? Я хочу знать, что значит все это дермо? (исп.)

«Сейчас он его убьет, — подумал я с тоской. — Все-таки военный летчик, Афган прошел... А у дверей — «гориллы» с пушками... Нет, зря мы сюда приехали...»

А потом я неожиданно услышал собственный голос, спокойный и ровный, будто бы принадлежавший совершенно постороннему человеку.

— Леонид Иванович, этот человек хочет знать, что все это значит.

Мужчина резко обернулся и уставился на меня большими, слегка навыкате глазами. Он был среднего роста, полный, с округлым лицом, обрамленным черной с проседью бородкой. На вид ему было лет сорок.

— А ты еще кто такой, мать твою?

— Денис Каронин, переводчик, — сухо представился я. И на всякий случай уточнил: — Новый переводчик.

— Так переведи ему, — рявкнул бородач, — что я не получил за свой груз два с половиной миллиона гребаных американских долларов! И я, черт возьми, очень хочу знать, где мои деньги!

— Кэп, — сказал я, обращаясь к совершенно уже багровому от гнева Дементьеву, — он хочет знать, где его деньги. Кстати, это и есть тот самый дон Эстебан?

— Кто же еще, — процелил Кэп сквозь зубы. — Скажи ему, что его деньги остались у либерийцев. Объясни, что нас кинули. Расскажи ему все, что я рассказывал тебе, да будь, ради бога, победительнее...

Я обернулся к бородачу:

— Уважаемый дон Эстебан, произошло ужасное недоразумение...

— Ужасное недоразумение, — перебил меня наркобарон, — произойдет через несколько минут. Двое гостей моего дома по ошибке решат искупаться в аквариуме с акулами. Возможно, виной всему большое количество водки — они же русские. Конечно, охрана попытается их остановить, но будет слишком поздно. Акулы в моем аквариуме всегда очень голодны.

— При всем уважении, — сказал я, — никакой водки я и в глаза не видел. Нам с Кэпом вообще не предложили выпить. И это прославленное венесуэльское гостеприимство?

Зачем я это сказал — не знаю. Возможно, потому, что почувствовал — живыми нас отсюда не выпустят. А раз так, то можно было идти ва-банк.

Несколько секунд дон Эстебан молча смотрел на меня, видимо, пораженный моей наглостью. Потом, нехорошо усмехнувшись, сказал:

— Перед казнью принято исполнять последнее желание приговоренного. Ты хочешь водки, парень?

— Я хочу, чтобы вы меня выслушали, дон Эстебан, — сказал я. — Пять минут. А потом можете делать с нами все, что захотите.

Дементьев настороженно смотрел на меня, пытаясь понять, о чем мы говорим с хозяином поместья. Я отдавал себе отчет в том, что рисую не только своей, но и его жизнью, но, сделав первый шаг, остановиться уже не мог. Понятно было, что Кэп после нанесенного ему оскорбления в переговорщики не годится; поэтому мне ничего не оставалось, как из простого переводчика превратиться в дипломата. Я очень коротко описал дону Эстебану наш визит в Колумбию и рассказал о конфликте с Хуаном и Бони. Рассказал о расписке, написанной мною под диктовку старика в черной рясе, и о том, что Кэп взял на себя всю ответственность за не полученный колумбийцами груз. Затем пересказал историю, услышанную от Кэпа, — о либерийцах, подменивших тюки, и об избиении Пети Трофимова.

— Ты был там? — спросил дон Эстебан, глядя на меня из-под сведенных к переносице бровей.

Я покачал головой.

— Я дожидался возвращения самолета в Бразилию.

При этих словах дон Эстебан презрительно скривился, и я понял, что он мне не поверил.

— Ну что? — нервно спросил Кэп. Он тоже чувствовал, что наши переговоры не приносят успеха. — Ты все ему рассказал?

— Все, что знал от вас. Он хочет, чтобы я подтвердил это лично, но этого я сделать не могу.

— Скажи ему, что я не доверял тебе и потому не взял с нами в Африку.

Я перевел. Наркобарон прошелся по комнате, бросая на нас подозрительные взгляды. «Гориллы», замершие у дверей, явно были готовы в любой момент пустить в ход оружие.

— Послушайте, — сказал я в отчаянии, — дон Эстебан, у вас, венесуэльцев, есть поговорка — «*Нет ничего тайного между землей и небом*». Вы же понимаете, что такой обман невозможно скрыть! И какой смысл нашим летчикам подставлять себя под удар иозвращаться к вам на расправу? Ну подумайте сами!

— Кто тебе сказал, что я венесуэлец? — удивился наркобарон. — Я чистокровный колумбиец, мать твою! И откуда ты так хорошо знаешь венесуэльские пословицы?

Я и сам не мог бы объяснить, откуда выскочил этот образец венесуэльского фольклора. Возможно, из того конспекта по страноведению, который я нашел на антресолях перед отъездом. Но вспомнился он мне вовремя.

— Мне очень нравится Южная Америка, — ответил я искренне. — Ее культура, ее люди. Знаете, обидно будет, если меня сейчас убьют, — я ведь всего пять дней как приехал.

Дон Эстебан, прищурившись, рассматривал меня, словно дико-винную зверушку в зоопарке.

— Ну а колумбийские пословицы ты знаешь, парень? — насмешливо спросил он. — А ну как тебе это поможет?

«Вот ведь влип, — подумал я, — тоже мне, специалист по народному творчеству... Я и венесуэльскую-то одну-единственную случайно вспомнил... Колумбия, Колумбия... Кто же нам про нее рассказывал?»

И тут я словно бы наяву услышал глуховатый голос своего отца:

— Знаешь, Денис, колумбийцы говорят: быка берут за рога, а человека ловят на слове.

Когда это было? Давно, чертовски давно. Я еще учился в школе. Я поспорил с пацанами из параллельного класса и обошел по периметру крышу нашей двенадцатиэтажки — обошел за ограждением, по узкому двадцатисантиметровому карнизу. Кто-то из малышей рассказал об этом своим родителям, те — еще кому-то, а вечером о моих подвигах узнал отец. Кажется, единственный раз в жизни он действительно хотел меня ударить — но не ударил, сдержался, только лицо его стало землисто-серым, а глаза — тусклыми и больными. На следующий день он позвал меня в гараж, и там мы долго сидели молча, пока мне, раздавленному его взглядом, не захотелось провалиться под землю от стыда. Тогда-то он и процитировал мне эту пословицу, а я еще некстати подумал: откуда отец знает, как говорят колумбийцы, ведь он же служил на Кубе?

— Быка берут за рога, а человека ловят на слове, — повторил я вслед за своим мертвым отцом.

Дон Эстебан усмехнулся. Я с облегчением заметил, что его лицевые мышцы немного расслабились, уголки рта стали не такими жестко очерченными.

— Значит, ты утверждаешь, что вас подставили? — спросил он почти спокойно.

— Да, сеньор. Возможно, даже дважды.

— Ты очень хорошо говоришь по-испански, — заметил наркобарон. — Мне как раз нужен человек, который одинаково хорошо знает испанский и русский. Пойдешь ко мне работать?

«Эстебан купил нашего переводчика, — вспомнились мне слова Кэпа. — А потом парень сбежал, получив свои комиссионные»

— У меня контракт с «El Jardin Magico», — ответил я. — Если бы я нарушил его, перейдя работать к вам, у вас были бы все основания мне не доверять.

Полные губы дона Эстебана сложились в трубочку, как будто он собирался дунуть.

— А если я прикажу убить русских летчиков, — спросил он, — а тебе оставлю жизнь, при условии, что ты поступишь ко мне на службу, — каков будет твой ответ?

Я понимал, что это проверка, но внутри у меня все сжалось в тугой комок.

— В этом случае я совершил бы предательство, сеньор. А предателей нигде не ценят.

Дон Эстебан резко повернулся и сделал знак «гориллам». Те молча вышли из комнаты, оставив нас втроем.

— Хорошо, парни, — сказал наркобарон, поглаживая бородку. — Допустим, я вам поверю. К либерийцам я пошлю разбираться Эль Лимона, он сумеет выбить из них деньги. Но вы все равно остаетесь мне должны — ведь я упустил свою выгоду, к тому же эти идиоты Хуан и Бони теперь будут считать меня вором. А долги, парни, надо отдавать.

Я перевел его речь Кэпу. Глаза Дементьева засияли.

— Ты что, сумел его уболтать?

— Похоже на то, — сказал я сдержанно. — Но мы же не знаем, что он с нас за это потребует.

— Спроси его, как он хочет получить с нас долг.

— Вы полетите в горы, — сказал дон Эстебан. — К моему другу команданте Виктору и его бойцам. Отвезете им оружие. Оружие вы получите от меня, но горючее вы покупаете сами. И, разумеется, за этот рейс никакой оплаты. Но если все пройдет гладко, ваш долг будет прощен.

Условия, по-моему, были вполне приемлемые, но, судя по выражению лица Кэпа, в предложении дона Эстебана присутствовал скрытый подвох. Впрочем, мы находились не в том положении, чтобы спорить.

— Хорошо, — глухо сказал Дементьев. — Спасибо за вашу добродорту, дон Эстебан.

— Благодари своего переводчика. — Наркобарон хлопнул меня по плечу. — Так как, ты говоришь, тебя зовут, парень?

— Денис.

— Вот что, парни. Я рад, что мы договорились. Ты знаешь, Кэп, мне всегда нравились русские. В знак примирения я приглашаю вас на маленькую вечеринку на пляже. Что скажете?

Видно было, что Кэпу сейчас не до вечеринок, но он не хуже меня понимал, что огорчать нашего вспыльчивого хозяина опасно. Поэтому он выдавил из себя жалкое подобие улыбки и ответил:

— С удовольствием принимаем ваше приглашение.

— Тогда пошли. — Наркобарон подошел прямо к стеклянной стене, что-то нажал, и прозрачная панель ушла вбок. В гостиную ворвался свежий морской бриз. — Вечеринка в самом разгаре. Пока я тут тратил на вас свое время, там пьют мое виски и тискают моих женщин.

И он энергично зашагал туда, где среди темных силуэтов пальм переливались огни и играла музыка. Мы с Кэпом, переглянувшись, последовали за ним.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

АМАРАНТА

Пляж начинался за рядом раскидистых пальм, чьи широкие, как лопасти, листья казались выкованными из черного металла. Между пальмами были развешаны гирлянды разноцветных лампочек, сразу напомнившие мне Новый год и елку. На берегу стояли большие жаровни, под которыми таинственно мерцали алые угли. От них шел аппетитный аромат. Почти у самой воды были расставлены длинные столы с батареями разнокалиберных бутылок. Там горели заключенные в стеклянные колбы свечи; бармены в белых костюмах жонглировали шейкерами. Гости дона Эстебана с бокалами и тарелками в руках гуляли по пляжу: столиков, за которые можно было бы присесть, я не заметил.

— Что ж, друзья мои, — обратился к нам наркобарон, — угощайтесь, пейте и веселитесь! Сегодня день рождения моей обожаемой матушки, и вы нанесете мне серьезную обиду, если не станете радоваться вместе со мной.

С доном Эстебаном произошла удивительная перемена. Еще десять минут назад он готов был отправить нас с Кэпом на тот свет, орал и ругался, а теперь, как по мановению волшебной палочки, превратился в радушного хозяина. Не знаю, как Дементьева, а меня это почему-то насторожило.

— Мы желаем крепкого здоровья и долгих лет жизни вашей уважаемой матушке, — проявил любезность Кэп.

Дон Эстебан махнул рукой.

— Старушка умерла два года назад. Не важно. Как любящий сын, я все равно каждый год отмечаю ее день рождения.

Он подтолкнул нас к столам с напитками.

— Давайте, парни, оторвитесь по полной. Не забывайте, вы сегодня избежали гораздо более неприятной участи! Увидимся позже!

Развернулся и энергично зашагал к причалу, у которого сверкала огнями пришвартованная яхта длиной с московскую пятиэтажку. Оттуда доносилась громкая музыка, хлопали то ли петарды, то ли бутылки с шампанским.

— Что желают сеньоры? — спросил кучерявый, с плутоватым лицом, бармен. — Виски, ром, джин? Может быть, коктейль?

— Водки, — глухо проговорил Кэп. — Рашен водка, понимаешь?

— Разумеется, — улыбнулся бармен. — Дос?

— Будешь водку, Каронин?

Я машинально кивнул. Внутри у меня словно разжалась скрученная в тугую спираль пружина. Только теперь я по-настоящему осознал, насколько близка и реальна была смерть.

Бармен протянул нам два бокала, доверху набитые льдом. Водки там было совсем немного.

— Дрянь какая, — сказал Кэп, одним махом выщедив свою порцию. — А ну-ка, повтори, и давай без льда.

Я вдруг почувствовал жуткий голод. Возможно, это была реакция на миновавшую опасность.

— Есть не хотите, Кэп? — спросил я.

— Нет. — Дементьев допил второй бокал и протянул его бармену. — Давай еще. А ты сходи, съешь чего-нибудь, конечно. И вот еще что, Каронин... — Он помедлил, словно с трудом подбирая слова. — Спасибо тебе.

Мне стало неловко.

— Ага, — сказал я. — Ладно. Ну, я пойду. — И, оставив Кэпа в приятной компании кучерявого бармена, направился к ближайшей жаровне.

Там я разжился здоровенным куском мяса, истекавшим розовым соком, горой картофеля фри и десятком разнообразных соусов.

Куда деваться со всем этим добром, я не знал — не на песок же было садиться. В конце концов я решил посмотреть, нет ли каких-нибудь сидячих мест на палубе яхты. Оказалось, что их нет и там — на корме стоял большой белый рояль и играл оркестр, а сама палуба была приспособлена для танцев. Я пристроил свою тарелку на швартовочную тумбу и взялся за стейк, время от времени поглядывая на танцоров.

На палубе под зажигательную мелодию отплясывали несколько пар. Я почти ничего не понимаю в танцах, но это, кажется, была сальса. Одним из танцоров был сам дон Эстебан — пиджак он сбросил, оставшись в белоснежной сорочке, черными лезвиями блестели лакированные туфли. Он танцевал с высокой, ослепительно красивой мулаткой в серебристом платье с глубоким декольте на спине. Сам дон Эстебан доставал ей едва ли до подбородка, но это его совершенно не останавливало. Он вертел мулатку, как манекен, едва ли не ронял ее на землю, подхватывал в нескольких сантиметрах от пола и снова подбрасывал вверх. Танцором он был великолепным; кроме того, в каждом его движении чувствовалась какая-то мощная, звериная страсть, которая, словно магнитное поле, притягивала к нему партнершу.

Оркестр взял еще более быстрый темп. Дон Эстебан кружил свою партнершу на вытянутых руках, отбивая такт подкованными каблуками своих узких туфель. Другие танцоры расступились, уступая им место.

А потом мулатка вдруг прыгнула на него.

Она обхватила дона Эстебана руками за шею, сжала коленями его талию и повисла на нем, как это делают балерины или фигуристки со своими партнерами. Некоторую пикантность этой сцене придавало то обстоятельство, что дон Эстебан был на голову ниже ее и, по-моему, весил меньше. Я был уверен, что безумная мулатка свалит его на пол, и он действительно покачнулся, но устоял. Более того, он даже не перестал танцевать. Зрители восторженно захлопали. А мулатка под их аплодисменты грациозно выгнула шею и запрокинула голову назад так, что ее длинные волосы коснулись пола.

— Своловь, — негромко произнес кто-то рядом со мной. Я оглянулся. В двух шагах от меня стояла девушка — невысокая, черноволосая, со смуглой, блестевшей в свете прожекторов кожей. Зеленые глаза ее были широко открыты, а зрачки, наоборот, сужены от злости. — Дочь портовой шлюхи. Кобыла...

Тут она заметила, что я смотрю прямо на нее, и смутилась. Но лишь на мгновение.

— А вы что скажете? — спросила она с вызовом. — Вам тоже нравится эта уродина?

— Поосторожнее, сеньорита, — улыбнулся я. — Эта девица нравится хозяину дома, а он человек опасный.

— Да что вы говорите? И что, по-вашему, мне *тоже* следует его опасаться?

Есть девушки, которых злость или гнев только красят. Моя собеседница относилась именно к такому типу. Лицо ее, и без того смуглое, приобрело какой-то совсем особый оттенок темной бронзы. Зеленые глаза потемнели и стали похожи на два кусочка нефрита.

— Не думаю, — сказал я. — Вы слишком красивы.

— Красивее ее?

— Да, — ответил я, слегка покривив душой. Партнерша дона Эстебана — я не удивился бы, узнав, что это жена наркобарона, — была эффектной красоткой с роскошными формами. По сравнению с ней моя собеседница выглядела просто милой девушкой и, вероятно, сама прекрасно это понимала, но не мог же я сказать ей это в лицо. Как ни странно, она приняла мою маленькую ложь вполне благосклонно.

— Значит, у вас вкус лучше, чем... — она замялась, — чем у хозяина дома.

— Спасибо за комплимент. Хотите что-нибудь выпить?

Она посмотрела на меня так, будто до этого момента думала, что говорит со стеной.

— Нет, благодарю. Мне еще нужно разобраться с этой коровой.

— Может, все-таки не стоит рисковать? — сказал я. — Вы вообще знаете, кто он такой?

— Знаю, — усмехнулась девушка. — Вообще-то он мой муж.

Повернулась ко мне спиной и пошла в ночь. Она была в маленьком черном платье, из тех, что подчеркивают достоинства женской фигуры. Ноги у нее были длинные и стройные. Я остался стоять у швартовочной тумбы, думая о том, какого же дурака свалял.

Почему-то я даже не подумал о том, что моя собеседница может иметь какое-то отношение к дону Эстебану. Возможно, сыграли свою роль стереотипы мышления. Ну, знаете, все эти банальные ассоциации: поэт — Пушкин, домашнее животное — курица, фрукт — яблоко. А жена наркобарона — обязательно какая-нибудь мисс Вселенная.

Хорошо еще, что я не начал ей рассказывать о своем опыте общения с доном Эстебаном, подумал я мрачно. Могло бы получиться забавно.

В этот момент я увидел Кэпа. Он брел — именно брел, загребая ногами песок, — мимо причала, явно ничего не видя перед собой. В руке у него была ополовиненная бутылка «Смирновской». Судя по всему, в какой-то момент ему надоело ждать милостей от бармена и он решил проблему радикально.

— Леонид Иванович! — окликнул я его.

Кэп повернулся и посмотрел на меня.

— А, Денис, — сказал он приветливо. — Как отдыхается?

— Нормально, — я оставил тарелку с недоеденным стейком и подошел к Кэпу. — Хотел спросить вас....

— Спрашивай, — милостиво отозвался Кэп. — Отвечаем.

«А он здорово надрался», — подумал я. Дементьев слегка покачивался, будто его колыхало ветром. Фуражка с золотыми крыльями сидела на его голове как-то кривовато.

— Дон Эстебан женат?

— Допустим. А тебе-то что?

— А вы знаете его жену?

Мохнатые брови Кэпа поползли вверх.

— Амаранту? Ну, видел несколько раз... В чем дело-то, Денис?
«Значит, ее зовут Амаранта!»

— Да нет, так... Просто я тут с ней случайно столкнулся...

— Ты мне смотри! — Дементьев погрозил мне пальцем. — Два с половиной лимона Эстебан нам еще простит... Пахать заставит за бесплатно, как цуциков, но простит... А вот за Амаранту он тебя порвет, как Тузик грелку... понял?

Я пожал плечами.

— Да я ничего такого не имел в виду... Просто мы немного поговорили... Она такая невысокая, да?

Кэп важно кивнул.

— Выглядит как девчонка... Говорят, он на ней женился, когда ей было пятнадцать. Она из того же квартала, что и сам Эстебан.

— Сколько же ей лет? — удивился я.

— Не знаю... Лет двадцать, наверное. — Дементьев неожиданно подмигнул мне. — Что, зацепила?

Я не успел ответить. Оркестр, замолчавший минуту назад, вдруг грянул... «Калинку-малинку». По доскам причала застучали подкованные каблуки — к нам приближался дон Эстебан.

— Ну, мои русские друзья, пришла пора показать, на что вы способны. За мной!

Он схватил Кэпа за руку и потащил за собой на яхту. Мне пришлось последовать за ними.

Дон Эстебан вытолкал Дементьева на середину палубы и хлопнул в ладоши.

— Сейчас наш друг из холодной России нам станцует! Давай, Кэп, продемонстрируй нам настоящий русский танец!

Кэп, пошатываясь, стоял в окружении одетых в дорогие костюмы и вечерние платья гостей, и, казалось, не понимал, чего от него хотят. Бутылка водки, которую он по-прежнему держал в руке, придавала ему сходство со списанным на берег матросом-пьяницей.

— Ну! — нетерпеливо прикрикнул наркобарон.

Я каким-то шестым чувством ощутил, что происходит сейчас не менее серьезно, чем наш разговор в белой гостиной. Судя по всему, дон Эстебан просто играл с нами, как кот с мышью — то отпуская, то вновь сжимая когти.

Дементьев вдруг подобрался, лицо его приобрело сосредоточенное выражение. Он нашел меня взглядом, кивнул и бросил мне бутылку. Прежде, чем я поймал ее, Кэп пустился в пляс.

Я и не подозревал, что этот кряжистый седой мужик умеет так танцевать. До отточенного мастерства дона Эстебана ему было, конечно, далеко — но и наркобарон не сумел бы так лихо пройтись вприсядку, как это сделал под разудалую «калинку» Дементьев. Он выкидывал коленца, он залихватски ухал и отбивал чечетку, а под конец даже прошелся по палубе колесом. Гости кричали от восторга и хлопали в ладоши, какая-то девица отколола от своего платья и протянула ему орхидею. Кэп галантно поцеловал ей руку.

— Что ж, — сказал дон Эстебан, когда аплодисменты стихли. — Спасибо за представление, Кэп. Теперь я хочу, чтобы ты выпил за здоровье моей матушки. А ну-ка, бокал нашему гостю!

Он щелкнул пальцами. Словно из-под земли выросли двое официантов в белых пиджаках, державшие в руках серебряный поднос. На подносе гордо возвышалась хрустальная чаша — в Латинской Америке в таких чашах подают вино с фруктами — сангрию. Только эта чаша была наполнена каким-то прозрачным напитком.

— Если не выпьешь до дна, — ласково предупредил наркобарон, — обидишь мою матушку.

— Чего говорит? — спросил Дементьев по-русски.

Дон Эстебан посмотрел на меня.

— Переведи ему, Денис.

— Леонид Иванович, — сказал я, — он хочет, чтобы вы все это выпили. Иначе вы обидите его покойную мамашу.

Кэп тяжело посмотрел на хрустальный сосуд.

— Падла колумбийская, — проговорил он вполголоса. — Тут же литра два, не меньше. Вот, значит, как он нас простили, сучонок...

Видимо, ему пришла в голову та же мысль, что и мне, пусть и с некоторым запозданием.

— Давай-давай! — неожиданно проговорил дон Эстебан по-русски. Я даже вздрогнул — неужели он понимал все, что бормотал

себе под нос Дементьев? Но, к счастью, на «давай-давай» все познания наркобарона в русском языке и заканчивались.

— Здоровье твоей матушки! — сказал Кэп мрачно.

Он взял чашу обеими руками, примерился и начал пить. Насчет двух литров он, конечно, погорячился — чаша была хотя и широкая, но неглубокая, — и все равно, как минимум полторы бутылки водки в нее входило. По мере того как Кэп пил, его лицо становилось все более красным и напряженным. Я испугался, как бы Дементьева не хватил удар.

Стало очень тихо. Все молча смотрели, как Кэп расправляется со своей «штрафной». Мне почему-то вспомнилось, как Петр Первый испытывал своих придворных кубком большого орла.

— На, держи, — выдохнул Кэп, протягивая дону Эстебану пустую чашу.

— Браво, — громко сказал наркобарон и дважды хлопнул в ладоши. Подскочивший официант предупредительно вынул чашу из руки Дементьева, и дон Эстебан театральным жестом обнял Кэпа. — Браво, мой русский друг!

Он разжал руки, и Кэп начал медленно заваливаться на спину. «Отравили!» — подумал я, подхватывая его тяжелое, словно высеченное из камня, тело. Но Кэп был жив, просто мертвцы пьян. Он бессмысленно вращал налитыми кровью глазами и пытался что-то сказать, но не мог связать даже двух слов.

— Оставь его, — приказал дон Эстебан. — Не беспокойся, о нем позаботятся.

По его знаку официанты деликатно отобрали у меня Кэпа и повлекли его куда-то в сторону дома. Кэп висел у них на плечах, как огромная кукла, с трудом переставляя ноги.

— Ну а что же ты, Денис? — спросил наркобарон, прищурившись глядя на меня. — Ты, молодой и крепкий, можешь выпить столько же?

«Мало ему одного Кэпа, — с тоской подумал я. — Он еще и надо мной хочет поизмываться».

— Нет, дон Эстебан, — ответил я, — думаю, столько мне не выпить.

Губы наркобарона скривились в презрительной усмешке.

— Слабак!

— Возможно. Но зато я готов держать пари, что в любом случае могу выпить больше вас.

— Больше меня? — переспросил колумбиец и рассмеялся. — Ты шутишь, парень? Да я даже своего капитана с легкостью перепью!

Я даже не предполагал, что он так легко попадется на удочку.

— Тогда, может быть, мы заключим пари?

— И что же ты поставишь на кон? Свои рваные джинсы?

— Час назад, — сказал я, — вы сделали мне одно предложение, а я отказался. Если вы выиграете, я пойду к вам работать.

Дон Эстебан откинул голову и расхохотался.

— Ты... ты мне одолжение, что ли, делаешь, парень? Да ты представляешь себе, что это значит — работать на Эстебана Рамиреса? Любой, у кого в голове есть хоть чуточку мозгов, горло тебе перегрызет за такую возможность. А ты говоришь, что пойдешь ко мне работать, если проиграешь пари? Да катись ты к черту, русский!

— Что ж, — сказал я, чувствуя огромное облегчение, — мне очень жаль, но мне действительно нечего больше поставить. В таком случае я, с вашего разрешения, пойду.

— Стой! — рявкнул дон Эстебан. — Ты, ловкач! Думаешь, обвел меня вокруг пальца? Слушай мои условия. Если я тебя перепью — а это случится наверняка, — ты будешь работать на меня бесплатно в течение года. Ну а если вдруг все-таки случится чудо и ты выиграешь... получишь тысячу долларов. Согласен?

— Нет, конечно! Тысяча долларов и целый год работы — разве это справедливо?

Мулатка, стоявшая за спиной наркобарона, наклонилась к его уху и что-то прошептала.

— Хорошо, — махнул он рукой, — пусть будет десять тысяч.

— Только дайте мне пару минут на подготовку, — попросил я.

Дон Эстебан подозрительно прищурился.

— Две минуты — и не больше. Эй, кто-нибудь, принесите две бутылки рома!

— Рома? — удивился я.

— Это напиток настоящих мужчин, — усмехнулся дон Эстебан. — Ты разве себя таким не считаешь?

Я протолкался сквозь толпу любопытствующих гостей и поспешил к стоящим неподалеку столам с напитками. Знакомый уже кучерявый бармен потянулся за бокалом, но я помотал головой.

— У тебя есть лимон?

— Сколько угодно, — ответил бармен и протянул мне блюдечко с нарезанным лимоном.

— Нет, целый. А теперь нож.

Я быстро разрезал крупный тонкокожий лимон на две половины и на глазах изумленного бармена выжал их себе в нос. Ощущение было такое, словно мне в носоглотку залили расплавленный свинец.

— Спасибо, приятель, — проговорил я, когда мне наконец удалось вдохнуть немного воздуха.

Бармен смотрел на меня как на сумасшедшего.

Этому фокусу научил меня когда-то Руслан. Таким образом он ухитрялся выигрывать пари на большие деньги — спорил, например, что выпьет бутылку водки одним глотком. Хитрость заключается в том, что лимонный сок обжигает вкусовые рецепторы, и водка пьется как простая вода. Оставалось надеяться, что с ромом этот трюк тоже сработает.

— Что ты там делал? — спросил дон Эстебан, когда я вернулся на яхту. Импровизированный танцпол уже был подготовлен для нашего поединка. Посередине палубы стоял легкий деревянный стол, на котором возвышались две бутылки рома «Санта Тереса», и три плетеных кресла. — Мы уже думали, что ты хочешь сбежать. Хотя это глупо — тебя все равно бы поймали.

Сидевшая рядом с ним мулатка плотоядно облизнула полные губы.

— Русские не сдаются, — сказал я, усаживаясь в кресло. — Я готов.

— Что ж, — наркобарон протянул мне наполненный до краев бокал, — тогда начинай.

Я выцедил ром, не моргнув глазом, — метод Руслана сработал безотказно. Знатоки утверждают, что ром «Санта Тереса» обладает уникальным букетом, но я не почувствовал ничего. Вообще ничего. Дон Эстебан дернул уголком рта и, слегка поморщившись, выпил свой бокал.

— Ну, как тебе это нравится? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Нормально.

Колумбиец усмехнулся и велел официанту снова наполнить бокалы.

— Пей, русский!

И снова я почти ничего не почувствовал. Ром оставлял во рту какую-то маслянистую пленку, она ощущалась как что-то чужеродное, но пока не мешала.

— А ты молодец, — хмыкнул дон Эстебан. На этот раз он морщился гораздо сильнее. — Но я все равно тебя сделаю!

— Ваше здоровье, — сказал я, поднимая третий бокал. На этот раз ром ударил в голову, словно мягкое пушечное ядро. Палуба перед глазами закачалась.

— Хитрый лис, — проговорил дон Эстебан, тяжело дыша и вытирая рот тыльной стороной ладони. — Ты принял какое-то лекарство, да?

Мы уже выпили по одной бутылке рома каждый. Официанты принесли еще две.

— Никаких лекарств. — Я с ужасом осознал, что с трудом могу говорить. — Только лимон. Простой лимон — и больше никаких секретов.

Это почему-то очень развеселило дона Эстебана.

— Лимон? — переспросил он. — Представь, у меня тоже есть свой лимон. И он мне тоже очень помогает. Ты как-нибудь с ним познакомишься, обещаю... Ну ладно, хватит болтать. Продолжим!

Не знаю, каким чудом я выдержал этот марафон. Звуки окружающего меня мира то пропадали, то вновь возвращались, ударяя в барабанные перепонки. Палуба кренилась так, словно яхта

вышла в открытое море и попала бы в разыгравшийся шторм. В какой-то момент я расплывающимся уже взглядом увидел, как дон Эстебан внезапно подался вперед, словно хотел боднуть меня головой в лицо, и ткнулся бы носом в стол, если бы сидевшая рядом с ним мулатка не успела придержать его за плечи.

— Эстебан! — воскликнула она глубоким грудным голосом. — Сердце мое, ты в порядке?

Наркобарон пробормотал что-то неразборчивое. Судя по всему, он находился сейчас в том же состоянии, что и Кэп после поединка с хрустальной чашей.

— Вы проиграли, сеньор, — сказал я, поднимаясь на ноги. Меня тут же шатнуло в сторону, я задел легкий столик, и пустая бутылка из-под рома, звеня, покатилась по палубе. — Не забудьте... прислать мой выигрыш... в отель «Эксельсиор». — Повернулся и пошел к сходням. Никто не пытался меня остановить.

Мне было очень скверно. Мир перед глазами плыл и медленно вращался, словно начинающие раскручиваться вертолетные лопасти. Выпитый ром настойчиво просился наружу. Я шел по берегу, спотыкаясь и натыкаясь на каких-то людей, а один раз едва не опрокинул жаровню. В конце концов мне удалось уйти подальше от оживленного пляжа, за пределы освещенного прожекторами пространства. Там я забрел в воду (океан был на удивление спокоен в тот час), встал на колени и опустил лицо в прохладные волны.

Соленая вода тут же попала мне в нос, и меня начало неудержимо рвать.

Прошло довольно много времени, прежде чем я вернулся обратно на берег. Я вымок до нитки и дрожал от холода и слабости. Но морская вода сделала свое дело — я почтипротрезвел, или, по крайней мере, не чувствовал себя таким безобразно пьяным.

Я уселся на холодный песок и стащил с себя футболку. Выжал ее, свернув в тугой жгут и положил рядом. Надевать ее снова не хотелось.

— Прохладная ночь для купания, — произнес чей-то знакомый голос из темноты.

Я обернулся и увидел жену дона Эстебана.

Амаранту.

Позже я много раз вспоминал эту нашу встречу. Судьба любит жестокие шутки, но эта была, по-моему, не только жестокой, но и несмешной. Я сидел на песке, полуголый, пьяный, похожий на бродягу-бича. А она... сколько времени она за мной наблюдала? Возможно, даже слышала, как меня выворачивало наизнанку в волнах...

— Я не купался, — сказал я довольно грубо.

— Да? Значит, мне показалось. А разделись вы, чтобы загар был получше?

Я торопливо натянул мокрую и противную, словно дохлая рыба, футболку.

— А вы-то что здесь делаете? Кажется, вы собирались выцарапать глаза мулатке, которая вешалась на вашего мужа...

В этот момент мне больше всего хотелось, чтобы Амаранта ушла. Не потому, что я не хотел ее видеть, а потому, что мне было невыносимо стыдно.

— Она больше на него не вешается. Моего мужа кто-то напоил до состояния бревна.

— Это был я, — хмуро признался я. — Мы заключили пари.

— Могу предположить, что ты выиграл.

— Это оказалась пиррова победа.

— Как же тебя зовут, герой?

— Денис, — буркнул я, героически пытаясь не стучать зубами от холода.

— Какое странное имя!

— Я русский. У нас все имена странные.

— О! — изумленно сказала Амаранта.

Некоторое время мы молчали. Потом она нерешительно спросила:

— А ты давно живешь в Венесуэле, Денис?

— Шестой день. Новый год я встречал еще в Москве.

— Откуда же ты так хорошо знаешь языки?

— Учил в институте, — брякнул я.

Видимо, я был еще слишком пьян, если не использовал испытанный отмазку насчет мамы — преподавательницы испанского. Амаранта тут же с любопытством спросила:

— А в каком институте ты учился?

— В институте иностранных языков, — соврал я.

— В Москве?

Это уже походило на допрос.

— Да, в Москве. А вы что, знаете этот институт?

Амаранта тихо засмеялась.

— Нет, но мой папа тоже учился в Москве, в Первом Медицинском институте. Правда, это было двадцать лет назад.

— Ничего себе! — искренне удивился я. — Значит, вы бывали в России?

— Нет, конечно! Я в это время была совсем маленькой. Но папа много рассказывал о Советском Союзе. Ему там очень нравилось...

Повисла неловкая пауза.

— Да, там было неплохо, — выдавил я наконец.

— Я бы хотела там побывать, — мечтательно вздохнула Амаранта. — Но ведь там очень холодно?

— Сейчас — да. А летом нормально, даже жарко. И океан у нас тоже есть.

— Ты думаешь, я совсем необразованная? Я знаю. Если плыть от побережья моей страны (она так и сказала — «моей страны») на северо-запад, то в конце концов уткнешься в Россию.

— А что, было бы здорово, — сказал я. — На такой яхте, как у вашего мужа, это должно быть довольно комфортно.

— Я бы хотела переплыть океан... Жаль, мой муж никогда на это не согласится.

— Почему же?

— Для него это бессмысленная трата времени. Он очень занятой человек.

Она снова замолчала. Я тоже не находил слов.

— А ты любишь море? — спросила она неожиданно.

— Да, конечно! Как можно его не любить? Особенно подводный мир...

— Занимаешься дайвингом?

Амаранта задала этот вопрос с такой интонацией, что стало ясно — она не понаслышке знает, что такое подводное плавание.

— Занимался до армии, — ответил я. — А вы?

— Я — нет, — она затрясла головой. — Но вот мой брат... Он настоящий фанат. Он мог бы даже работать инструктором в дайв-центре, но ему вечно не хватает времени.

— Он тоже бизнесмен? — кивнул я в сторону яхты дона Эстебана.

— Что? Ax, нет! — Амаранта снова рассмеялась. — Луис автогонщик.

— Я тоже увлекаюсь автомобилями, — сказал я. — Похоже, у нас с вашим братом много общего. Он сейчас здесь?

— Нет, он в Боготе, готовится к соревнованиям. Да и вообще, — с внезапной откровенностью прибавила она, — Луис не слишком ладит с моим мужем.

— А вы? — неожиданно для самого себя спросил я. — Вы-то сами с ним ладите?

— Приходится, — улыбнулась Амаранта. — Слушай, а давай ты перестанешь обращаться ко мне на «вы»? По-моему, я младше тебя. Получается, ты мне «выкаешь» только потому, что я жена крутого гангстера, а это как-то унизительно. Для тебя унизительно, я имею в виду.

Прозвучало это обидно.

— Вообще-то я просто старался быть вежливым, — возразил я. — Твоего мужа я совершенно не боюсь. К тому же он мне проиграл — ты забыла?

— Вот именно поэтому тебе и следует быть особенно осторожным. Эстебан терпеть не может проигрывать.

Она протянула руку и легонько дотронулась до моего предплечья.

— Расслабься. Думаю, завтра он и не вспомнит о вашем пари. Если, конечно, эта сучка Флора ему не напомнит.

— Это та высокая мулатка?

— Именно. Неделю назад Эстебан подцепил ее в каком-то го-го клубе. У него иногда случаются такие «увлечения» — к счастью, не чаще пары раз в год.

— Ну, устроила бы ему скандал, — пожал я плечами, вспомнив Оксану. — Ты же все-таки законная жена.

— Мальчик, — сказала Амаранта с интонацией умудренной годами женщины, — знаешь, что бывает с людьми, которые осмеливаются перечить моему мужу?

Этим она меня окончательно разозлила.

— Девочка, — ответил я в тон ей, — если он такой мачо, что ни в грош тебя не ставит, на хрена ты вообще выходила за него замуж? Знаешь, у нас в Росси тоже полно девчонок, которые мечтают стать женой бандита, потому что это круто и романтично. А потом сидит такая мечтательница в кабаке с подбитым глазом и размазывает по лицу пьяные сопли...

— Он не бьет меня, — резко возразила Амаранта. — Еще этого не хватало.

Мне показалось, что она готова была встать и уйти, а этого мне почему-то уже совсем не хотелось.

— У тебя красивое имя, — сказал я, чтобы перевести разговор на менее опасные рельсы.

— Теперь подлизываешься?

— С чего бы? Мне действительно нравится твое имя.

— А мне твое — нет. Какое-то оно дурацкое. Вот если бы тебя звали, например, Диего...

— Почему Диего?

— Так звали моего прапрапрапрадеда, — Амаранта сидела на песке, обхватив руками колени, и смотрела куда-то сквозь меня. — Диего Гарсия де Алькорон, конкистадор из города Саламанка.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ВРАТА НОВОГО МИРА

Не стану подробно описывать наше путешествие по пыльным дорогам Эстремадуры — оно, по правде говоря, не изобиловало приключениями. Хотя сама по себе Эстремадура — край весьма живописный, богатый лесами и кристально-чистыми озерами, мы двигались по нему в таком бешеном темпе, что едва ли могли любоваться на окружающие красоты.

Ночевали мы по большей части под открытым небом, опасаясь шпионов инквизиции. Погони за нами не было — теперь мы знали это точно, — но почтовые голуби летают гораздо быстрее, чем скакут по земле лошади, и приказ задержать сбежавшего из тюрьмы преступника могли получить во всех городах, лежащих на нашем пути. Поэтому мы избегали больших поселений и только дважды останавливались в сельских постоянных дворах — в такой глухи, куда вряд ли наведывались слуги трибунала.

Эти ночи под огромными звездами Эстремадуры врезались в мою память навсегда. Быть может, потому, что с тех пор я всю жизнь видел над собой только причудливые созвездия чужого мира...

Расстояние от Саламанки до Кадиса по прямой составляет около четырехсот пятидесяти лиг. Обычно путешествие между этими городами занимает не меньше двух недель. Мы добрались за восемь дней, причем первые трое суток, по выражению моего брата, «плелись как черепахи» из-за моей больной ноги. Как только моя изуродованная щиколотка перестала отзываться резкой болью на

каждое движение Боабдила (так звали коня, на котором я ехал), я смог наконец усесться в седле, как подобает кабальеро. С этого момента Мигель и Серхио перестали бросать на меня насмешливые взгляды, а Педро пустил своего скакуна таким галопом, что мы едва поспевали за ним.

Мы пронеслись через оливковые рощи Бадахоса и ворвались в апельсиновый рай Андалусии. Севилью нам пришлось обогнуть по большой дуге, потому что в этом городе у трибунала была и своя тюрьма, и разветвленная сеть фамильяров. Наконец, настал день, когда, поднявшись на поросшую олеандрами холмистую гряду, мы увидели на юге блестящую лазурную полоску моря.

— К вечеру будем в Кадисе, — сказал Педро. — Что ж, похоже, мы успели вовремя.

Мне уже приходилось бывать в Кадисе — морских воротах королевства. Я любил этот город, основанный, по преданию, самим Геркулесом. Воздух здесь пропитан солью и пахнет морским ветром, девушки на улицах держатся смело и приветливо, а знаменитые танцовщицы Кадиса, чьи стройные ноги украшают звенящие бронзовые браслеты, превосходят своим мастерством самых диких и страстных гитан. В портовых кабаках здесь подают не только кастильское, но и французское, итальянское и даже греческое вино, а таких историй, которые рассказывают вернувшиеся из долгих плаваний моряки, вы не услышите больше нигде в Испании.

Но сейчас я въезжал в Кадис с тяжелым сердцем. Ведь в самом скором времени мне предстояло покинуть Испанию, а значит, и ее прекрасных девушек, и таверны, и бои быков, и апельсиновые и лимонные рощи — в общем, все, что я любил и без чего, как я искренне полагал, не смог бы прожить. Поэтому зрелище медленно вырастающего на горизонте белого города не вызывало в моей душе той радости, которую я испытывал в свои прежние посещения Серебряной Чаши.

Серебряной Чашей Кадис называют не только потому, что в его окрестностях расположены весьма древние серебряные рудники, разрабатывавшиеся еще финикийцами. Соль, приносимая с моря

частыми штормами, годами оседает на стенах и крышах домов, отчего они начинают блестеть, словно полированное серебро. И даже, думаю, красивее, потому что настоящее серебро с годами чернеет, а соль — нет.

Чтобы попасть в город, надо проехать пять лиг по длинной песчаной косе, причем местами дорога идет чуть ли не по самой кромке волн. Был прилив, и кони скакали в белой пене прибоя, поднимая тучи брызг и распугивая сидящих на отмелях чаек.

Мы въехали в Земляные ворота города на закате, когда огненное солнце опускалось в расплавленное золото Моря-Океана и окрашивало пурпуром паруса спешащих в бухту Кадиса кораблей.

Когда под аркой Земляных ворот наш маленький отряд остановила городская стража, у меня учащенно забилось сердце. И совсем не от страха — я не сомневался, что, если дело дойдет до мечей, мы вчетвером легко отобьемся от этих разъевшихся на казенных харчах увальней. Но не менее очевидно было и то, что в этом случае на плане Педро можно будет смело ставить крест. И я, честное слово, не мог понять, буду ли я горевать по этому поводу, или же стану радоваться. Ибо, с одной стороны, мне совсем не хотелось покидать милую Испанию, а с другой — рассказы брата о чудесах и богатствах Индии понемногу завладели моим воображением. Поэтому я напряженно замер в седле, положив руку на эфес шпаги и внутренне готовый в любую секунду броситься в драку.

Но все обошлось. Капитан стражи и Педро немного побеседовали, обменялись парой соленых солдатских шуток, после чего нас беспрепятственно пропустили в город.

Мы сразу же направились в порт, туда, где располагались длинные ряды складов, хранивших горы всевозможных товаров из разных уголков Средиземноморья, далеких голландских провинций и даже из Африки. Здесь пахло пряностями: корицей, кинамоном, перцем и гвоздикой — эти драгоценные приправы привозили из таинственных восточных стран, и стоили они дороже золота.

У крепких ворот склада, до недавнего времени принадлежавшего на паях нашей семье и богатому севильскому купцу-конверсо

Мануэлю Прето, а с недавних пор перешедшего в полную собственность последнего, сидел в пыли полуголый мальчик-мавр. При виде нашей кавалькады он вскочил, как ужаленный скорпионом, быстро огляделся по сторонам и юркнул в щель между неплотно прикрытыми створками ворот.

— Нас ждали, — заметил Педро, оглядывая пустынную улицу.

— Надеюсь, ждали друзья. — Я соскользнул с Боабдила и сморщился от боли в заживающей щиколотке.

Мои спутники остались в седлах, Мигель и Серхио на всякий случай даже обнажили клинки.

Момент был довольно опасный: если инквизиторы каким-то образом разгадали наши планы, на складе могла быть засада. Но у меня уже не было сил держаться в седле — последние несколько часов я мечтал лишь о том, чтобы сесть на землю, прислониться к стволу дерева или стене дома и вытянуть ноги. Я не успел исполнить свое намерение лишь потому, что ворота склада со скрипом распахнулись и на улицу выбежал мой добрый брат Луис — худой, бледный, но с горящими глазами, одетый в довольно унылый темно-серый камзол, но с модным бархатным беретом на начинающей лысеть голове.

— Яго! — воскликнул он, заключая меня в объятия. — Ты жив! Слава Господу! Как же я рад тебя видеть, братишка!

Луис, который был старше меня на четыре года, но младше Педро на два, с ранней юности избрал судьбу корабельного арматора. Большую часть времени он проводил в Кадисе, управляя делами торговых складов и корабельных мастерских, в которых нашей семье принадлежала небольшая доля. Из всех мужчин рода Алькорон Луис всегда был наиболее рассудительным и спокойным. За всю свою жизнь я видел его таким возбужденным раза два или три, не больше.

— Отец написал, что тебя схватила инквизиция, это правда?

— Правда, — засмеялся я. — Слуги трибунала даже немного попортили мне шкуру. Но старина Педро меня спас.

Педро соскочил со своего вороного (это получилось у него не в пример изящнее, чем у меня) и тоже обнялся с Луисом.

— Здравствуй, Лучито. Когда ты получил последнее письмо от нашего батюшки?

— Вчера. Но что же мы здесь стоим посреди улицы? Пойдемте скорее во двор, я все вам расскажу.

Когда мы оказались внутри, Луис собственоручно запер ворота на два крепких засова и позвал слугу, чтобы тот принес нам чашу для умывания.

Здесь, в Кадисе, не было мавританских роскошеств, подобных купальням и баням Гранады и Кордобы. Поэтому нам пришлось довольствоваться несколькими пригоршнями холодной воды, которые отнюдь не смыли с наших лиц дорожную пыль, а скорее превратили ее в живописные грязные разводы.

Затем Луис провел нас в темное, пропахшее корицей и сандалом помещение, где уже был накрыт грубо сколоченный деревянный стол. Крайний аскетизм обстановки искупали обильные и аппетитно пахнущие яства: каплуны, зажаренные с травами, исходящая янтарным жиром рыба, теплые и мягкие, как груди булочницы, лепешки, нарезанный большими ломтями хамон и приправленный заморскими пряностями рис. Натюрморт дополняли два больших кувшина с итальянским кьянти — любимым вином нашего отца.

Признаюсь, мы накинулись на все это великолепие с жадностью диких зверей. Во время нашего путешествия — если позволительно называть так восьмидневную бешеную скачку под палящим солнцем — мы питались в основном черствыми тортильями и солониной, лишь однажды разнообразив это скучное меню тушеным кроликом, которого подстрелил Серхио. Да и те дни, что я провел в тюрьме Саламанки, сложно назвать иначе, как вынужденным постом.

Луис терпеливо ждал, пока мы насытимся. Сам он ел мало и только время от времени делал глоток вина из красивого серебряного кубка.

— Последнее письмо было очень тревожным, — произнес он наконец. — Кажется, инквизитор по имени Алонсо заподозрил что-то неладное. Ходят слухи о какой-то дерзкой краже, совершенной

сбежавшим из тюрьмы узником. Тайные агенты трибунала по всему королевству получили приказ искать человека, приметы которого совпадают с твоими, Яго.

— О краже? — недоуменно переспросил я. — Ты что-нибудь понимаешь, Педро?

Брат покачал головой.

— Во всяком случае, я ни у кого ничего не крал.

— А нет ли известий о лекаре по имени дон Матео? С ним все благополучно?

— Этого я не знаю, — ответил Луис. — Но отец велит тебе покинуть Испанию как можно скорее. Иначе тебя снова схватят, и на этот раз ты уже не выберешься.

— Педро говорил про какой-то корабль, — начал я, но Луис меня перебил:

— «Эсмеральда», да. Первоначальный план был именно таков. Я даже купил там тебе место. Но вчера выяснилось, что на «Эсмеральде» на Кубу отправляются трое инквизиторов, причем один из них — епископ Малаги.

Педро выругался.

— Им-то что делать в Новом Свете? Здесь, что ли, еретики кончились?

Луис пожал плечами.

— Не знаю. Возможно, трибуналу не нравится, что преступники скрываются от него на открытых Колоном островах. Как бы то ни было, «Эсмеральда» для наших целей не подходит.

— Что же тогда?

— К счастью, через три дня в Индии отплывает еще один корабль, «La Paloma»¹. К сожалению, она идет не на Кубу.

— А куда? — хмуро спросил Педро.

Луис повертел в руках серебряный кубок.

— Сейчас вербовщики Кадиса из кожи вон лезут, чтобы набрать солдат в бандейру, которой предстоит отправиться в самое гиблое

¹ La Paloma — «Голубка» (исп.)

место Нового Света. Есть такая провинция под названием «Панама». Сплошные болота и джунгли, москиты и лихорадка. Вот туда и летит наша голубка.

— То есть ты предлагаешь мне спасаться от инквизиторов в адомском пекле? — ухмыльнулся я. — Что ж, если там действительно так неуютно, слуги трибунала туда наверняка не сунутся.

— Конечно, быть плантатором на Кубе гораздо приятнее, — рассудительно сказал Луис, — но если выбирать между Панамой и костром аутодафе, я лично предпочел бы Панаму.

— Пожалуй, — согласился Педро. — Плюс здесь в том, что вербовочные конторы никогда не выдают своих клиентов инквизиции. Лучшего, ты разузнал, на каких условиях принимают в эту бандейру?

— Условия так себе, — честно признался Луис. — Людей вербуют от имени губернатора Панамы Педралиаса Давилы, а он известен своей склонностью. Но сейчас нам это только на руку — ведь если бы от желающих отправиться в Панаму отбоя не было, нашему Яго пришлось бы ждать следующего судна.

— Значит, завтра и отправимся в контору, — решил Педро. — С вербовщиками я не раз имел дело, знаю все их хитрости. Так что пойдем вместе.

— Послушайте, — сказал я, — вы всерьез полагаете, что можете за меня решать? А если я просто не хочу отправляться в эту чертову... как ее там?

— Панаму, — подсказал Луис.

— Ну да. Я совершенно не горю желанием сражаться за какого-то там Педралиаса, который от своих щедрот вознаградит меня горсткой медяков. Вы не поверите, но у меня были совершенно другие планы на будущее...

— У Луиса они тоже были, — негромко сказал Педро.

Мне стало стыдно. Думая лишь о своих бедствиях, я совсем позабыл о том, что для моего спасения семья пожертвовала долей в корабельных мастерских Кадиса. А ведь Луис всегда мечтал стать королевским арматором и иметь собственную лицензию! Теперь же ему предстояло долгие годы служить наемным управляющим

у нашего бывшего партнера Мануэля Прето. Разумеется, он будет копить деньги, чтобы купить лицензию... но сколько лет на это уйдет?

— Простите меня, — пробормотал я, опустив голову. — Я неблагодарная скотина...

— Что ты, — возразил Луис, — никакая ты не скотина. Ты просто болван!

Он хлопнул меня по плечу и весело расхохотался.

— Да уж, — поддержал его Педро, ткнув меня кулаком в другое плечо, — набраться ума тебе не помешает! А лучше всего это делать в дальних краях!

После трапезы, во время которой мы прикончили оба кувшина превосходного итальянского вина, Луис отвел нас в дальнее помещение, где между крепкими деревянными столбами были натянуты удобные гамаки. Я забрался в гамак и мгновенно провалился в сон, не успев даже стянуть с ног сапоги.

Вербовочная контора располагалась в узком переулке неподалеку от Плайя-де-Сан-Хуан-де-Дьос — центральной площади города. В подвале, куда вели выщербленные кирпичные ступеньки, за колченогим столом восседал грузный великан с густой гривой спутанных седых волос и массивной золотой серьгой в ухе.

Когда мы с Педро спускались по ступеням, он как раз давал последние напутствия двоим только что завербованным солдатам. Это были довольно жалкие с виду типы, похожие то ли на бедных ремесленников, то ли на мелких бродячих торговцев. Ничего воинственного в их внешности не было, и я сильно сомневался, умеет ли кто-нибудь из них обращаться с оружием. Великан же, впрочем, совсем не смущало: он выдал каждому по прискорбно тщему мешочку с монетами и заставил поставить крестик на листе вощеной бумаги.

— Теперь, мои прекрасные сеньоры, — сказал он, грозно размахивая этой бумагой перед носом у новобранцев, — вы все равно что поклялись на Священном Писании, ясно? И если кто-то из вас

задумает удрать с деньгами, то, во-первых, его все равно поймают Святая Эрмандада и за обман он будет приговорен к отсечению руки, а во-вторых, его отлучат от церкви и он будет вечно гореть в аду. Так что не вздумайте делать глупости — себе же дороже будет. Завтра в третьем часу пополудни вам надлежит прийти к Сардиньему причалу в порту, найти каравеллу «Ла Палома» и доложиться лейтенанту Варгасу. Вам все ясно, сеньоры?

Сеньоры, кланяясь и запинаясь, заверили его, что им все понятно. Когда они наконец убрались восвояси, вербовщик извлек откуда-то из-под стола объемистую кожаную флягу и с удовольствием к ней приложился.

— Уф-ф, — пророкотал он, вытирая стекающие по подбородку капли, — сколько же мороки с этими нищебродами... Прошу вас, прекрасные господа, проходите, садитесь. Желаете вина?

— Нет, благодарим, — ответил Педро, пододвигая ко мне сомнительной прочности стул. Сам он присел на гораздо более устойчивый с виду табурет. — И куда же записались эти бедолаги?

— В бандейру лейтенанта Варгаса, — охотно ответил великан. — В сказочную Панаму. Это новая колония в Индиях. Говорят, золотые самородки там просто под ногами валяются — знай себе наклоняйся да подбирай. Там даже такие недотепы сумеют разбогатеть.

Он, наверное, еще долго распространялся бы о богатствах Панамы, но Педро властным жестом остановил его:

— Не торопись, приятель. Я тоже кое-что слышал об этой колонии, и то, что я слышал, мне не слишком нравится. Там люди мрут, как мухи, от какой-то хвори, гнездящейся в болотах. Там нет никакого золота, а индейцы свирепы, как черти. Туда отправляются лишь те, кому не хватило земель на Кубе и Эспаньоле. Скажи, что это неправда, и ты обрадуешь мою душу.

Вербовщик склонил голову к плечу и внимательно вгляделся в Педро:

— А ваше лицо мне вроде как знакомо, сеньор... Не вы ли сражались под Неаполем под знаменами славного Гонсало де Кордоба-и-Агилар?

— Ты тоже там был? — усмехнулся мой брат. — Да, что-то припоминаю — у тебя, кажется, было прозвище Эль Брухо¹.

— Сеньор! — Седой великан расплылся в широкой улыбке, показав несколько золотых зубов. — Хоть я и не помню вашего имени, мне чертовски приятно встретить здесь такого храброго воина! Значит, на этот раз вы желаете отправиться в Индии? Что ж, это место как раз для блестящего офицера! Думаю, лейтенант Варгас будет на седьмом небе от счастья, а то у него в команде одни воры и уличные бандиты...

— Эль Брухо, — строго сказал Педро, — не тараторь и послушай меня. Я никуда не отправляюсь. В Индию едет мой брат, вот он. Его зовут Диего.

Вербовщик учтиво склонил седую голову:

— Рад знакомству с братом столь отважного сеньора. А вы-то сами, сеньор офицер? Неужели останетесь здесь, в то время как удачливые искатели приключений будут набивать себе карманы золотом в Панаме?

— Именно, мой друг. Я останусь здесь, и если мой брат вдруг обнаружит, что Панама вовсе не так хороша, как ты нам тут рассказывал... надеюсь, ты меня понял?

Вербовщик сразу поскучнел.

— Вообще-то, говоря по правде, климат там действительно не очень... Многие не выдерживают. Вот эти, которые тут до вас приходили, помрут в первые же полгода — могу поспорить. Такие сморчки. Но ваш брат, сеньор офицер, выглядит крепким. Главное — не пить там плохой воды. Помните, как у нас было в Италии: разведешь костерок, на него котелок — и никакой тебе заразы.

— Ну а как насчет золота? — насмешливо спросил Педро.

— Золото... тут не все так просто.

Великан перегнулся через стол (тот жалобно скрипнул) и, понизив голос, проговорил:

— Вообще-то золота там нет.

— То есть ты признаешь, что просто морочил нам голову?

¹ Колдун (исп.)

— Ничего подобного, сеньоры. Золота в Панаме действительно нет... но это не значит, что туда незачем ехать. У меня шурин недавно вернулся оттуда. Рассказывал удивительные вещи. Будто бы славный иdalьго Васко Ну涅с де Бальбоа из Хереса де лос Кабальерос с отрядом своих солдат прошел через всю страну и открыл новое Море-Океан.

— Новое? — невольно переспросил я.

— Да. Оказывается, Панама лежит между двумя морями. И с той, другой стороны, к югу от Панамы, лежат по-настоящему богатые страны. Сказочно богатые.

— Придумать можно что угодно, — возразил мой брат. — Кто-нибудь их уже видел, эти страны?

— Да, — убежденно проговорил вербовщик. — Де Бальбоа удалось захватить нескольких торговцев из этих стран. У них было с собой много золота и драгоценных камней. Де Бальбоа отоспал трофеи королю. Они хранятся в сокровищнице в Вальядолиде. Только, прошу, сеньоры, пусть все это останется между нами!

— Обещаю, — сказал я.

Педро ограничился кивком.

— Бальбоа просил у короля тысячу человек для завоевания этих стран. Король отправил две тысячи. Но вместе с ними он послал и своего губернатора.

— Педралиас? — догадался я.

— Его самого. Пока Педралиас плыл в Панаму, де Бальбоа собирал свое войско. И теперь там, в Панаме, между ними идет жестокое соперничество. Васко Ну涅с не подчиняется Педралиасу, а тот пишет на него клязмы королю. А все дело в том, что каждый из них хочет первым наложить свою лапу на сокровища юга.

— Звучит, пожалуй, правдоподобно, — задумчиво проговорил мой брат. — Значит, Педралиас вербует себе здесь людей, чтобы подавить мятеж де Бальбоа?

— А потом отправиться на завоевание новых земель к югу от Панамы, — кивнул седой. — Поэтому тот, кто выберет сейчас правильную сторону, сорвет большой куш.

— Я завербуюсь в эту бандейру, — сказал я решительно.

Великан одобрительно взглянул на меня:

— Правильно, молодой сеньор. Я бы тоже завербовался, будь мне хоть на десять лет меньше.

— В Италии годы не мешали тебе портить местных девчонок, Эль Брухо, — усмехнулся Педро.

— Девчонки — это одно, — философски заметил Эль Брухо, — а проклятые индейцы — совсем другое. Нет уж, я хочу спокойно дожить свой век в этом прекрасном городе, вдалеке от кровопролитных сражений. А юность — прекрасное время для битв и приключений.

Он положил перед собой новый лист бумаги и окунул перо в чернильницу.

— Итак, мой юный сеньор Диего, имеете ли вы опыт военной службы и какое-нибудь армейское звание?

Прежде чем я успел открыть рот, Педро заявил:

— Мой брат служил у меня в отряде сержантом. Он прекрасно владеет шпагой и умеет стрелять из пистолета. Кроме того, он наездник, каких мало.

— Великолепно! — вербовщик довольно потер руки. — Именно таких людей и не хватает лейтенанту Варгасу. А лошадь у вас имеется, сеньор Диего?

И опять Педро не дал мне ответить:

— Да, прекрасный арабский трехлеток по имени Боабдил.

— Так и запишем. — Эль Брухо склонился над листом и принял старательно выводить на нем какие-то буквы. — Что ж, офицер, да еще и с собственной лошадью... А аркебузы у вас, слушаем, нет?

— Чего нет, того нет.

— Жаль, аркебузиры в Индиях на вес золота. Впрочем, и всадники ценятся ненамного меньше. Итак, мой юный сеньор, распоряжением губернатора Панамы Педралиаса Давилы, офицер с вашим опытом и экипировкой получает подъемных... — Он открыл большую, переплетенную кожей книгу и сверился с какими-то записями. — Пятнадцать тысяч мараведи.

В первое мгновение мне показалось, что я ослышался. Но не успел я еще мысленно распорядиться неожиданно свалившимся на голову богатством, как услышал спокойный голос своего брата:

— Двадцать серебряных песо? Ты за кого меня принимаешь, Эль Брухо? За идиота?

Все дело в том, что настоящая мараведи — старинная золотая монета, чеканившаяся еще мавританскими королями, — была не так давно заменена мелкой медной монеткой с тем же названием. Новая монета была такой дешевой, что за целый мешочек мараведи, в который умещалось семьсот медных кружочков, давали один серебряный песо.

— Что ж я могу сделать! — заныл вербовщик. — Это старый Педралиас велел платить офицеру по пятнадцать тысяч, а всякой необученной шантрапе — и вовсе по пять...

— Вот что, — сказал Педро, поднимаясь, — мы, пожалуй, пойдем в другую контору, где благородным идальго предлагают достойные их происхождения условия. А лейтенант Варгас останется без прекрасного офицера...

— Постойте! — Великан приподнялся из-за стола. — Думаю, я мог бы накинуть еще десять песо... из своего кармана, только в память о нашем боевом прошлом...

Педро шагнул к нему и сгреб за воротник. Эль Брухо был выше моего брата на голову и гораздо шире в плечах, но, когда Педро встрихнул его, съежился от страха.

— Старый плут, — сказал Педро. — И много ты нашел офицеров для этой бандейры?

— Пока никого, — прохрипел вербовщик. — Сеньор Диего... первый...

— Значит, у тебя остались деньги, предназначенные для других офицеров, — констатировал брат. — И ты вполне можешь заплатить их единственному офицеру, который ступит завтра на борт «Ла Паломы». Ты меня понял?

Через полчаса мы вышли из вербовочной конторы с сотней песо в кармане. Не ахти какие деньги, но на первое время в Индиях должно было хватить.

— Зачем ты сказал, что я был сержантом? — укорил я Педро, когда мы углубились в лабиринт улочек, уводящих в сторону порта. Мигель и Серхио шли за нами чуть поодаль, внимательно посматривая по сторонам. — Ведь этот лейтенант Варгас с ходу меня раскусит.

— Успокойся, братишко. Быть сержантом — наука несложная. Слушай своего лейтенанта и гоняй солдат. Даже наш свинопас Хайме с этим бы справился.

— А Боабдил? Ты действительно мне его отдаешь?

Брат пожал плечами.

— Заберу себе твоего Мавра — и мы будем квиты.

Я только зубами скрипнул. К Мавру я был привязан, пожалуй, не меньше, чем к родным братьям.

— Ну-ну, не жадничай, — усмехнулся Педро. — К тому же в Индиях ты вполне можешь добыть столько золота, что хватит купить всех лошадей Испании. Насколько я знаю этого жулика Эль Брухо, в рассказах о золотых странах на юге есть зерно истины. Главное, братишко, не упустить момент, когда нужно протянуть руку и схватить Фортуну за... — Тут он на мгновение замялся. — Скажем, за край платья.

Лейтенант Варгас оказался невысоким и жилистым мужчиной с худым, изборожденным ранними морщинами лицом. У него была привычка разговаривать с полузакрытыми глазами, что придавало ему сонный вид. Как мне показалось, он проявил гораздо больше интереса к Боабдилу, нежели к моей скромной персоне.

— В каких военных кампаниях участвовали, юноша? — спросил он таким тоном, как будто интересовался здоровьем моей троюродной тетушки.

— Откровенно говоря, ни в каких, — ответил я, украдкой оглядываясь на Педро. Брат сидел в отдалении на швартовочной тумбе у края причала и чистил палочкой ногти. Беседовать с Варгасом он отправил меня одного, сказав, что «настоящий офицер в няньках не нуждается». В этом он был, безусловно, прав. — Я только готовился к участию в кампании в Наварре.

Ложь, конечно, но довольно невинная и, что важно, с трудом поддающаяся проверке.

— Ясно, — равнодушно ответил Варгас. Мне показалось, что он мгновенно утратил ко мне те крохи интереса, которые у него были. — По закону, мне следует спросить, есть ли у тебя неоплаченные долги и не скрываешься ли ты от королевского правосудия...

Если я и вздрогнул при этих словах, то, надеюсь, лейтенант этого не заметил.

— Но поскольку я еще ни разу не слышал, чтобы на этот вопрос отвечали утвердительно даже самые отъявленные висельники, то тратить время попусту я не стану. В Индиях свой закон. Наш губернатор, дон Педралиас, суров, но справедлив. Да, кстати, дуэли в Панаме запрещены под страхом каторжных работ. Ты не дуэлянт, надеюсь?

— Что вы, — сказал я, — я кроток, как овечка.

Тут он впервые приподнял свои припухшие желтоватые веки.

— Что, правда?

— Нет.

— Во всяком случае, я тебя предупредил. Отряд у меня в этот раз собрался — не приведи Господь. Половина — просто воры, вторая половина — уроды, каких свет не видывал. Общаться с ними придется в основном тебе, юноша.

— Меня зовут Диего, — сказал я.

— Я слышал. Так вот, для того чтобы управляться с этаким сбродом, потребуется крутой нрав и железные кулаки. Если ты и впрямь овечка, они тебя сожрут, можешь не сомневаться.

Он вдруг ударил меня в живот — резко и неожиданно, так, что, если бы я не успел напрячь мышцы, мне наверняка пришлось бы валяться на палубе. Но Педро предупреждал меня, что проверка может включать в себя не только разговоры, и я был готов. Кулак Варгаса задел меня по касательной, я перехватил его руку и крепко сжал.

— Неплохо, — проворчал лейтенант. — Ладно, ладно, пусти, мне мои старые кости еще понадобятся.

Он вырвал руку и зачем-то отряхнул свой камзол.

— На отдельную каюту можешь не надеяться. Все, кроме капитана и меня, спят вместе, в кубрике. Если серьезно повздоришь с кем-нибудь из бандейры, советую спать с открытыми глазами. Мне до смерти надоело выбрасывать за борт трупы случайно задохнувшихся во сне. Ты меня понял?

Прозвучало это не слишком обнадеживающе, но после тюремной камеры в Саламанке испугать меня было трудно.

— Мы везем двенадцать лошадей, включая и твоего коня. Твой конь — твоя забота. Места для слуг на «Голубке» нет.

— Даже если бы и было, за конем я всегда ухаживаю сам.

— Это все, что я хотел тебе сказать, — буркнул Варгас. — У тебя есть вопросы?

Вопросов у меня было немало, но я решил задать только один.

— Сеньор лейтенант, я слышал разговоры о какой-то сказочно богатой стране к югу от Панамы...

В сонных глазах Варгаса что-то мелькнуло.

— Эльдорадо! В Панаме только о ней и толкуют. А зачем, ты думаешь, губернатору понадобилось столько народа? Он собирается завоевать ее и поднести этот дар королю.

— А что же де Бальбоа? — не удержался я.

Лейтенант помрачнел.

— Сеньор де Бальбоа тоже точит зубы на этот кусочек. Но мы, юноша, служим губернатору Педралиасу, и де Бальбоа для нас — враг. Запомни это хорошенъко, если хочешь избежать неприятностей в будущем.

Впоследствии я не раз вспоминал этот разговор. Так же как и еще один, состоявшийся в ночь перед самым отплытием у меня с моим братом Луисом.

Мне невмоготу было сидеть взаперти на темном складе, зная, что на следующее утро я надолго рас прощаюсь с любимой Испанией. Как ни старались братья убедить меня в том, что разгуливать по улицам Кадиса опасно, я все-таки переупрямил их. В конце концов Луис, скрепя сердце, позволил мне покинуть убежище, но

настоял на том, что мы пойдем вместе. Как и вчера, за нами неотступно следовали Мигель и Серхио, носившие под камзолами тонкие кольчуги. Педро на сей раз остался дома — ему нужно было написать письмо нашему батюшке.

Мы поднялись на гору и прошли по усаженной тополями аллее к собору Нуэстра-Сеньора-дель-Кармен. В этот поздний час на площади перед храмом было пустынно, только в воздухе медленно кружила какая-то большая белая птица.

— Доброе предзнаменование, — усмехнулся Луис. — Знаешь, братец, а ведь я тебе даже завидую.

— Не терпится погнить в болотах? Или выспаться в насквозь мокрой палатке?

— Новый мир, — не обращая внимания на мою иронию, продолжал Луис. — Огромные, неизведанные просторы. Девственные леса, прозрачные реки и озера, водопады... Достигающие небес горные цепи, за которыми, быть может, прячутся золотые страны... Знаешь, чтобы увидеть такое своими глазами, можно и беглецом стать.

Мы пересекли площадь и вышли на высокий мыс, откуда открывался прекрасный вид на бухту Кадиса. Солнце уже зашло, и в сгущавшихся сумерках воды Моря-Океана казались почти черными и густыми, как смола. Бухта была усыпана скорлупками кораблей — некоторые еще спешили в порт, стремясь успеть до темноты, но большинство спокойно стояло на якоре, дожинаясь утра. Одной из этих скорлупок была «La Paloma», но с такого расстояния узнать ее было невозможно.

— Знаешь, братец, — пробормотал я, — похоже, мы все здорово в тебе ошибались. Как я только мог предположить, что ты чужд романтики! Неизведанный мир... таинственные королевства... я просто не узнаю тебя, Лучито!

— Нет здесь никакой романтики, — с досадой возразил Луис. — Просто, будучи управляющим портовыми складами, я слышал столько всего об этом *Novi Orbis*¹, что начал даже во сне его видеть. Как представляю себе, что бы я мог сделать, владея, например, плантацией

¹ Новом мире (лат.)

сахарного тростника! Да что там — плантацией! Я уже разработал план по созданию небольшой торговой компании, которая занималась бы перевозками продовольствия с Кубы на Tierra Firma¹, где наши соотечественники добывают золото и серебро. Туда — муку и овощи, обратно — золотой песок и серебряные самородки! Я заручился поддержкой уважаемых в Кадисе торговцев и собирался открыть эту компанию через год, когда накоплю достаточно денег...

Он замолчал и некоторое время стоял с каменным лицом, крепко сжав челюсти. Я тронул его за рукав камзола.

— Прости, Лучито, мне, правда, очень жаль, что из-за меня...

Брат довольно резко высвободил свою руку.

— Ничего ты не понимаешь, Яго! Последние дни я только и делаю, что думаю, почему все так сложилось. Почему, когда я был в двух шагах от того, чтобы осуществить свою мечту, мне пришлось проститься с ней, спасая тебя, моего бестолкового младшего брата. И, ты знаешь, мне кажется, я понял!

Он порывисто повернулся ко мне.

— Это судьба, вот что это такое. Я, такой приземленный, такой скучный, присыпанный конторской пылью человечек, не должен искать счастья в заморских землях. Это твой удел, братец. Ты всегда любил ввязываться во всякие авантюры. Можно сказать, ты рожден для приключений. Помнишь, как ты залез на колокольню собора Святого Михаила и спустился вниз по веревке на глазах у всей нашей деревни? Сколько тебе было тогда лет, четырнадцать?

— Тринадцать, — ответил я, покраснев. Отец тогда отодрал меня ремнем так, что я неделю не мог сидеть.

— А я бы никогда на такое не решился. Хотя был и старше, и сильнее. Вот видишь, Яго, уже тогда все было ясно.

Бухта медленно погружалась в темноту. На кораблях кое-где загигались фонари, они мерцали, как далекие звезды.

— Я вернусь, — сказал я, пытаясь справиться с подступившим к горлу комком. — Я вернусь из Индии богатым, как сам король. Я найду это Эльдорадо, где бы оно ни было. И я отдам все долги.

¹Твердая земля, материк (*исп.*)

Мы выкупим обратно все земли, принадлежавшие семье Алькорон.
А ты сможешь открыть свою компанию, Лучито. Обещаю.

Брат рассмеялся и обнял меня за плечи...

Примечание Дениса Каронина

На этом заканчивается первая тетрадь «Манускрипта Лансон». Если верить нумерации страниц, то следующие восемнадцать листов рукописи отсутствуют; кто и когда вырвал их из добросовестно переплетенного тома — а главное, зачем? — так и осталось для меня загадкой. Судя по всему, там рассказывалось о плавании «Ла Паломы» к берегам Панамы.

Я часто пытался представить себе, каково это было в те времена — плыть несколько месяцев на утлой деревянной посудине через беспокойный и бескрайний океан. Как проходили дни, заполненные бесконечным ожиданием? Что они чувствовали, эти отважные люди, оставившие свои дома, родных и друзей, чтобы вырваться за пределы маленького привычного мирка? Какие мысли посещали их, когда они смотрели на садящееся в воды океана огромное солнце Атлантики?

Прекрасно сказал об этом великий русский поэт Николай Гумилев в своей поэме «Открытие Америки»:

Двадцать дней, как плыли каравеллы,
Встречных волн проламывая грудь;
Двадцать дней, как компасные стрелы
Вместо карт указывали путь
И как самый бодрый, самый смелый
Без тревожных снов не мог заснуть.

И никто на корабле, бегущем
К дивным странам, заповедным кущам,
Не дерзал подумать о грядущем —

В мыслях было пусто и темно.
Хмуро измеряли лотом дно,
Парусов чинили полотно.

Астрологи в вечер их отплытья
Вычитали звездные событья,
Их слова гласили: «Все обман».
Ветер слева вспенил океан,
И пугали ужасом наитъя
Темные пророчества гитан.

И напрасно с кафедры прелаты
Столько обещали им наград,
Обещали рыцарские латы,
Царства обещали вместо платы,
И про золотой индийский сад
Столько станц гремело и баллад...

Все прошло, как сон! А в настоящем —
Смутное предчувствие беды,
Вместо славы — тяжкие труды
И под вечер — призраком горящим,
Злобно ждущим и жестоко мстящим —
Солнце в бездне огненной воды.

...Эти воды богом прокляты!
Этим страшным рифам нет названья!
Но навстречу жадного мечтанья
Уж плывут, плывут, как обещанья,
В море ветви, травы и цветы,
В небе птицы странной красоты.

Эти строки — о плавании Колумба, но мне кажется, что Диего де Алькорон, оставивший Испанию спустя двадцать три года после

путешествия великого генуэзца, должен был чувствовать то же самое.

А вместо вырванных страниц между первой и второй тетрадями манускрипта вложен сложенный вдвое листок пожелтевшей от времени бумаги.

Это письмо, написанное мелким и красивым женским почерком.

Я не знаю, когда Диего получил его. Я даже не знаю, где это произошло — никакого конверта к письму не прилагается. Могу только предположить, что это случилось уже после его прибытия в Панаму, и не исключено, что письмо это и стало причиной уничтожения восемнадцати листов рукописи — в том случае, если на этих листах Диего вспоминал о своей оставшейся в Испании возлюбленной.

Вот это письмо, написанное полтысячелетия назад.

Милый, милый Диего, сердце мое, мой бесстрашный, мой любимый рыцарь!

Не знаю, найдет ли тебя мое письмо — где ты, в каких краях? Жив ли ты, мой единственный? Я пишу тебе, не зная, прочтешь ли ты эти строки — а если прочтешь, не проклянешь ли ты меня за все беды и горести, которые я тебе причинила. Но не написать и не признаться я тоже не могу, ведь это как исповедь в церкви — перед ней всегда страшно, но, когда исповедуешься, на душе становится легче.

Нет, опять не так. Я должна сознаться не потому, что хочу исцелиться от душевного недуга, а потому, что мне невыносимо жить, думая, что ты все еще любишь меня, не зная о моей вине. А она велика, мой любимый Диего.

За несколько дней до того, как ты примчался ко мне в Саламанку, едва не загнав своего любимого Мавра (мне рассказал об этом Фелипе Португальец), моя дуэнья Антонилла показала мне один колдовской амулет. Это был маленький серебряный дельфин, которого Антонилла прятала в кожаном мешочке, в каких обычно

носят ладанки или кусочки святых мощей. По словам дуэньи, этот дельфин обладал одним удивительным свойством: будучи подарен девушкой предмету ее нежных чувств, он создавал между ними волшебную, тонкую, но очень прочную связь. Пока избранник девушки носил с собою дельфина, он все время помнил и думал лишь о своей подруге и не глядел на других дам, словно их вовсе не существовало на свете.

Мне, разумеется, стало интересно, и я выпросила у нее этот амулет.

Должна сознаться, что я сразу же подумала о тебе. Как бы хорошо было подарить тебе дельфина, чтобы ты никогда не забывал обо мне, — ведь ты такой ветреный!

Конечно, я понимала, что ты и без того любишь меня. Но, знаешь, в сердце каждой девушки живет крохотный червячок сомнения: а правда ли ее избранник любит ее всем сердцем? Не засматривается ли он на других? Не изменяет ли ей? А если изменяет, то не находит ли соперницу более привлекательной и желанной?

Ты можешь посмеяться надо мной, и будешь совершенно прав. Но в тот момент все эти мысли не давали мне покоя, а Антонилла искусно поддерживала огонь моих сомнений, подбрасывая в него все новые дрова.

Она сказала мне, что сила амулета возрастает многократно, если подарить его любимому после того, что так поэтично описано в Песне Песней. Но предупредила, чтобы я сама ни за что не надевала мешочек с амулетом, потому что это может разрушить чары.

И я, глупая, взяла дельфина с собой, когда шла к тебе в «Перец и соль».

Должна признать, что в тот вечер ты был еще более страстным и необузданым, чем когда-либо до того. Ты смотрел на меня как на королеву, и я была счастлива и думала, что все делаю правильно. И когда я надела на тебя колдовской амулет, мне казалось, что я связала нас обоих незримыми, но неразрывными узами...

А потом отец сказал мне, что тебя ищет инквизиция, что ты еретик и колдун, и твоим делом занимается сам фра Алонсо, инквизитор из Толедо, который несколько раз приезжал к нему домой по каким-то делам.

Я испугалась, хотя и не сразу поняла, что это связано с моим подарком. Но на следующий день я узнала, что тебя схватили и бросили в тюрьму. И самое страшное — что тебя обвинили в колдовстве и черной магии, а уликой стал серебряный дельфин, которого сорвал с твоей шеи при аресте сам Эль Тенебреро.

О, если бы я могла помочь тебе, любимый мой! Увы, я была беспомощна и только молилась за тебя, молилась дни и ночи напролет. И каким же ударом для меня стало известие, что ты умер в тюрьме и что твое тело бросили в известковые шахты за городом!

Отец сказал мне об этом за ужином, вскользь, как о ничего не значащем пустяке. Но я прорыдала всю ночь и всю следующую неделю не вставала с постели. И даже когда дон Альварес де ла Торре приехал, чтобы договориться с отцом о дне помолвки, я не встала и не вышла к нему. Я лежала и думала о том, что мне тоже следует умереть, чтобы быть вместе с тобой на небесах, мой возлюбленный. Я была готова сделать это, тем более что ты, как я считала, погиб из-за меня.

А потом произошли события, которые изменили все.

Кто-то украл из комнаты фра Алонсо (а он, будучи уроженцем Толедо, проживал в доме епископа Сумарраги) серебряного дельфина. Того самого, что был главной уликой против тебя. И фра Алонсо вновь принялся за следствие по этому делу, которое было прекращено после твоей гибели в тюрьме.

Вот тогда-то я и узнала, что ты не умер, а бежал из тюрьмы при помощи своих братьев и тюремного лекаря, дона Матео. Его тоже хотели арестовать, но он словно сквозь землю провалился.

Не описать, мой милый Диего, тех чувств, которые нахлынули на меня, когда я узнала, что ты жив! Я и ликовала, и ругала себя, за то, что едва не убила тебя своей глупостью, и трепетала при мысли о том, что слуги трибунала могут схватить тебя.

Но шло время, а поиски фра Алонсо не давали плодов. Как-то он навестил моего отца и поделился с ним своими подозрениями: по его словам, ты уплыл в далекие Индии, где власть инквизиции все еще довольно призрачна.

Мне тяжело признаваться в этом, но я приняла предложение графа де ла Торре и стала его невестой. Ты был далеко, за Морем-Океаном, а граф был настойчив и обходителен. Тогда я еще ничего не знала, клянусь тебе!

Но мне, к счастью, не суждено было стать его женой.

Однажды ночью инквизиторы явились и в наш дом. И, несмотря на протесты моего отца, они арестовали мою старую, толстую, лживую дуэнью Антониллу.

На следующий день она призналась во всем. Она рассказала, что дельфина дал ей молодой граф Альварес де ла Торре. Поведала, как, по наущению графа, польстившись на его щедрые посулы, подтолкнула меня к тому, чтобы я подарила этого дельфина тебе. Покаялась, что, любопытства ради, взяла дельфина в руку и поглядела в зеркало — и обмерла от страха, потому что глаза ее, тусклого болотного оттенка, засветились дьявольскими огнями — зеленым и голубым. Надо ли говорить, мой милый Диего, что тем же вечером я встретилась лицом к лицу с фра Алонсо в том же кабинете, где он допрашивал тебя?

Нет, меня не пытали. Со мной вообще обошлись крайне милосердно — возможно, из уважения к моему отцу, главному судье Саламанки. Но фра Алонсо сказал, что я отмечена печатью дьявола и должна молить Бога, чтобы он снял с меня это клеймо. Что я и делаю, возлюбленный мой Диего, став послушницей в монастыре Сан-Кристобаль-де-Фронтера в Эстремадуре.

Когда я думаю о том, что сама, своими руками, разрушила наше счастье, мне становится невыносимо горько и больно. И только сознание того, что ты жив, мой Диего, дает мне силы влечь свое земное существование.

А теперь — самое главное. То, ради чего я после всех этих долгих, наполненных безмолвным горем, месяцев взялась за перо.

Моему несостоявшемуся мужу, графу Альваресу де ла Торре, тоже удалось ускользнуть из рук слуг трибунала. Я узнала об этом случайно, от нашей новой послушницы, племянницы сестры графа.

Она сказала, что Альварес под чужим именем отправился в Индии. Он не один — с ним целый отряд головорезов, с помощью которых он надеется завоевать какое-то туземное царство, и, бросив к ногам короля его сокровища, испросить себе прощения.

Граф тоже знает, что ты жив. И он горит жаждой мести, потому что считает тебя виновником всех своих бед и несчастий. Хотя вся твоя вина заключается в том, что, пытаясь убрать тебя с дороги, он не рассчитал сил и сам оказался в роли преследуемого.

Но я слишком хорошо знаю этого человека. Он не остановится ни перед чем. И поэтому я заклинаю тебя, Диего, — будь осторожен! Альварес де ла Торре опаснее ядовитой змеи. Молю — ради меня, бедной девушки, которая никогда никого не любила на свете, кроме тебя, — избегай столкновений с ним! Я буду просить за тебя у Господа и надеяться, что ты найдешь свое счастье там, в далеких Индиях.

Еще раз — прости меня.

Твоя Лаура

23 августа 1517 г. от Рождества Христова

Монастырь Сан-Кристобаль, Эстремадура

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Закончил исторический факультет МГУ, College of Europe в Брюгге. Работал в ОБСЕ и ряде других международных организаций. Принимал участие в деятельности миротворческих миссий в Боснии и Албании. Автор романов «Завещание ночи», «Война за «Асгард», «Путь Шута». Лауреат многочисленных жанровых премий, в том числе «Бронзовой улитки», EuroCon (ESFS Awards), «Странник» и «Чаша Бастиона». Лауреат Чеховской премии Союза писателей России.

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ, ЗАТЕРЯННЫЕ ГОРОДА

Когда мне было лет десять, я наткнулся в библиотеке на книгу Р. Кинжалова и А. Белова «Падение Теночтитлана». На обложке ее была нарисована объятая пламенем ступенчатая пирамида, у основания которой сошлись в смертельной схватке закованные в стальную броню бородачи и меднокожие воины с пышными плюмажами из перьев. Картинка настолько захватывала воображение, что мне немедленно захотелось узнать, что это за пирамида и кто эти воины. Так я впервые услышал о великом государстве ацтеков и стерших его с лица земли испанских конкистадорах. Точно помню, что именно с этой книги и началось мое увлечение доколумбовой Америкой.

Потом были и другие книги — «Дочь Монтесумы» Райдера Хаггарда, «Последний инка» Якова Света, «Царство сынов Солнца» Владимира Кузьмищева... И с каждой новой книгой история таинственных, не похожих ни на одну из культур Старого Света, цивилизаций Центральной и Южной Америки завораживала меня все больше и больше...

Весь девятый класс я кропотливо собирал материал для большой самостоятельной работы (сейчас я бы назвал это очень основательным рефератом) по истории государства инков — Тауантинсуйю. Понятно, что, потратив столько времени и перелопатив массу

литературы, я не мог не продолжить изучение любимых индейцев на историческом факультете Московского государственного университета. Правда, обстоятельства сложились так, что мне не удалось найти себе научного руководителя в этой области и диплом пришлось защищать совсем по другой теме, никакого отношения к доколумбовой Америке не имеющей...

Итак, что же это такое — доколумбова Америка?

Это целый комплекс цивилизаций, возникавших в основном независимо от хорошо известных нам культур Европы, Азии и Африки. Оговорка «в основном» тут важна, потому что, конечно, Колумб был далеко не первым представителем Старого Света, побывавшим в Америке. До него там основывали свои колонии викинги (остатки их поселений раскопаны в Канаде), в разных частях обеих Америк обнаружены следы посещений китайцев, древних римлян, финикийцев... В общем, контакты между двумя мирами были, хотя по большей части случайные и нерегулярные. Поэтому можно говорить о том, что древнеамериканские цивилизации развивались самостоятельно и по очень оригинальной модели.

При этом первые известные современной науке очаги цивилизации возникли в Южной Америке приблизительно в тот же период, когда в Междуречье появились шумеры, а в Египте правил первый фараон Менес (то есть около пяти тысяч лет назад). Рубежом четвертого и третьего тысячелетий до нашей эры датируется, например, перуанский Карабль — удивительное общество,озводившее пирамиды и амфитеатры для исполнения священных танцев и не знавшее войн. Археологи обнаружили в руинах Карабля бесчисленное множество музыкальных инструментов, но совсем не нашли оружия.

Спустя тысячу с лишним лет (в Междуречье в это время правил царь Хаммурапи, а в Египте фараон Аменемхет III строил одно из чудес света — Великий Лабиринт) Карабль пришел в упадок, но огонь, зажженный в его святилищах, не угас, а дал начало

эстафете культур, развивавшихся и на побережье, и в горных долинах, и даже в дождевых лесах на склонах Анд.

Чавин, Сечин, Паракас, Наска, Мочика, Чиму, Уари, Тиауанако — все это ветви огромного раскидистого дерева цивилизаций, существовавших на территории Перу и Боливии до возникновения единой огромной — более пяти тысяч километров с севера на юг — империи Тауантинсуйю. Цивилизация инков, золотой плод, вызревший на этом дереве, появилась сравнительно поздно — в конце XI века нашей эры (на Руси в это время вступал в зрелость Владимир Мономах, а Западная Европа готовилась к Первому крестовому походу). Зато территория, над которой властвовали сыновья Солнца, была огромной даже по меркам европейских империй — в нее входили современные страны Перу, Эквадор, Боливия, южная Колумбия, северное Чили, а также северо-запад Аргентины. Не случайно государство инков называлось Тауантинсуйю — Четыре Стороны Света.

Даже самые удаленные уголки империи были соединены между собой превосходными вымощенными камнем дорогами, по которым передвигались и огромные армии инков, и быстроногие гонцы, доставлявшие в столицу донесения от наместников подчиненных областей. Правда, дороги эти были не приспособлены для колесного транспорта — и дело тут не в том, что индейцы до Колумба якобы не знали колеса (прекрасно знали — археологи обнаружили при раскопках глиняные игрушки-повозки на колесиках), а в отсутствии в Южной Америке тягловых животных. Самым крупным животным, которое использовали индейцы, была нежная и довольно слабосильная лама; навьючить на нее тюк весом до сорока килограммов еще можно, а вот запрячь в повозку уже не получится.

И именно по этим дорогам прошли железным маршем конкистадоры под командованием Франсиско Писарро, вторгшиеся в пределы империи в 1533 году.

История завоевания Тауантинсуйю хорошо известна. Не секрет также, что большая часть сокровищ империи, накопленных усердным трудом шахтеров и золотых дел мастеров за четыре с лишним века, захваченных в завоевательных походах и посвященных богу Солнца — Инти, не попала в руки испанцев, а была спрятана жрецами и военачальниками инков после предательского убийства Атауальпы, о котором рассказывается в начале этой книги.

О том, что это не просто легенда, в которую хотелось верить жадным до золота конкистадорам, говорит хотя бы тот факт, что спустя тридцать лет после событий в Кахамарке повелитель горной страны Вилькабамба, куда отступили с боями последние инки, предлагал испанским послам сокровища, во много раз превосходящие выкуп Атауальпы. Монах-иезуит, присутствовавший при этой беседе, вспоминал: «Инка приказал принести мешок с зернами маиса (кукурузы). Он зачерпнул горсть зерна и швырнул его на пол перед нами. «Это — те сокровища, что отдал вам Атауальпа», — презрительно сказал он. Затем приказал высыпать весь мешок и сказал: «А это то, что у нас осталось».

Вилькабамба была завоевана испанцами через десять лет после этого разговора. Но золота конкистадоры не нашли и там — оно бесследно исчезло, словно туман горных ущелий, тающий с первыми лучами солнца.

Но остались дороги инков, уводящие куда-то на восток, в непрходимую сельву — в край диких племен, которых боялись даже бесстрашные испанские завоеватели. Эти дороги вели в никуда — обрывались посреди дождевых лесов, словно те, кто по ним ушел, позабочились о том, чтобы замести все следы. По одной из таких троп — специально расчищенной от растительности, кое-где подреставрированной — тысячи туристов ежегодно совершают паломничество к спрятавшемуся за горой Мачу-Пикчу, священному

городу инков. Город, построенный в сказочно красивом уголке Анд, населяли в основном жрецы — вооруженные воины сюда не допускались. Возможно, поэтому кровопролитные битвы Конкисты обошли город стороной — испанцы сюда так и не добрались, а последние жители то ли ушли, то ли умерли через сто лет после завоевания Тауантинсуйю. И только в начале XX века американский путешественник и археолог Хайрем Бингхем (кстати, прототип знаменитого киногероя Индианы Джонса) объявил на весь свет об удивительном открытии потерянного города инков. Как этот город называли сами инки, никто не знает, поэтому имя ему дала та самая гора, за которой он прячется от любопытных глаз, — Мачу-Пикчу (в переводе с языка инков, кечуа, это означает просто «Старая Вершина»).

Открытие Мачу-Пикчу возродило интерес к затерянным городам Южной Америки. Все новые и новые искатели приключений снаряжали экспедиции в труднодоступные уголки Перу в надежде отыскать последнее убежище инков — золотой город Пайтити. Именно там, по легенде, ожидают смельчаков сказочные сокровища погибшей империи.

Легенда о Пайтити тесно связана с легендой о золотой стране — Эльдорадо, которую на протяжении веков искали по всей Южной Америке испанцы, португальцы, немцы и даже англичане.

Эльдорадо — в переводе с испанского это означает просто «золотой» — это и страна, и ее правитель, которого иногда называли El Hombre Dorado, то есть Золотой Человек. В каждой легенде есть зерно истины, есть оно и в истории о Золотом Человеке. Но история эта связана не с инками, а с их северными соседями — чибча-муисками, обитавшими на территории современной Колумбии и создавшими свою самобытную, не похожую на другие цивилизации. Достаточно сказать, что деревянная архитектура муисков поразила испанцев настолько, что они писали в своих хрониках:

«Никогда раньше не доводилось видеть нам таких красивых и оригинальных построек».

Но еще больше поразило их обилие золота, которое мuisки собирали в своих храмах и с легким сердцем жертвовали богам и богиням, обитавшим в глубинах горных озер. В водах одного такого озера — Гуатавита — правители мuisков на протяжении веков совершали священный обряд. Вступая на престол, князь мuisков натирался благовонными маслами, после чего жрецы через тростниковые трубочкисыпали его золотым песком с ног до головы, пока он не становился похож на золотую статую. Затем князь смывал с себя золотую пыль в водах Гуатавиты, а жрецы бросали туда украшения, статуэтки богов, изумруды и бирюзу.

Туда, на берега священного озера, приведет судьба героев этой книги — Дениса Каронина и молодого испанского конкистадора Диего Гарсию де Алькорон.

Мне давно хотелось написать о чудесных странах, лежащих по другую сторону Атлантики, о создателях цивилизаций Нового Света, о жестоких завоевателях, разрушивших удивительный мир, так отличавшийся от нашего. О поисках сказочной страны Эльдорадо.

Так же, как и Денис Каронин, я всегда мечтал увидеть оплетенные лианами руины древних городов Южной Америки своими глазами. Мечтал пройти по тайным тропам инков к их священным пещерам. Так же, как и Денису, мне это однажды удалось.

Но это уже совсем другая история.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	3
Глава первая	
Точка отсчета	9
Глава вторая	
1515 год.....	20
Глава третья	
Комната с белым потолком	37
Глава четвертая	
«Перец и соль».....	48
Глава пятая	
Волшебный сад	62
Глава шестая	
Святая инквизиция	74
Глава седьмая	
Paraíso terrenal	92
Глава восьмая	
Знаки дьявола	108
Глава девятая	
Ла Сиренита	125
Глава десятая	
Допрос с пристрастием.....	139
Глава одиннадцатая	
Экипаж «Кита»	153

Глава двенадцатая Мертвец	163
Глава тринадцатая Первый рейс.....	181
Глава четырнадцатая Дон Эстебан	198
Глава пятнадцатая Амаранта	220
Глава шестнадцатая Врата нового мира.....	236

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (My-My), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл. 23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д. 9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Кирилл Бенедиктов

ЭЛЬДОРАДО

Книга первая

Золото и кокайн

Руководитель проекта Константин Рыков

Редактор Полина Волошина

Корректор Майяна Аркадова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоеv, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 25.04.12 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11,8 pt

Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32